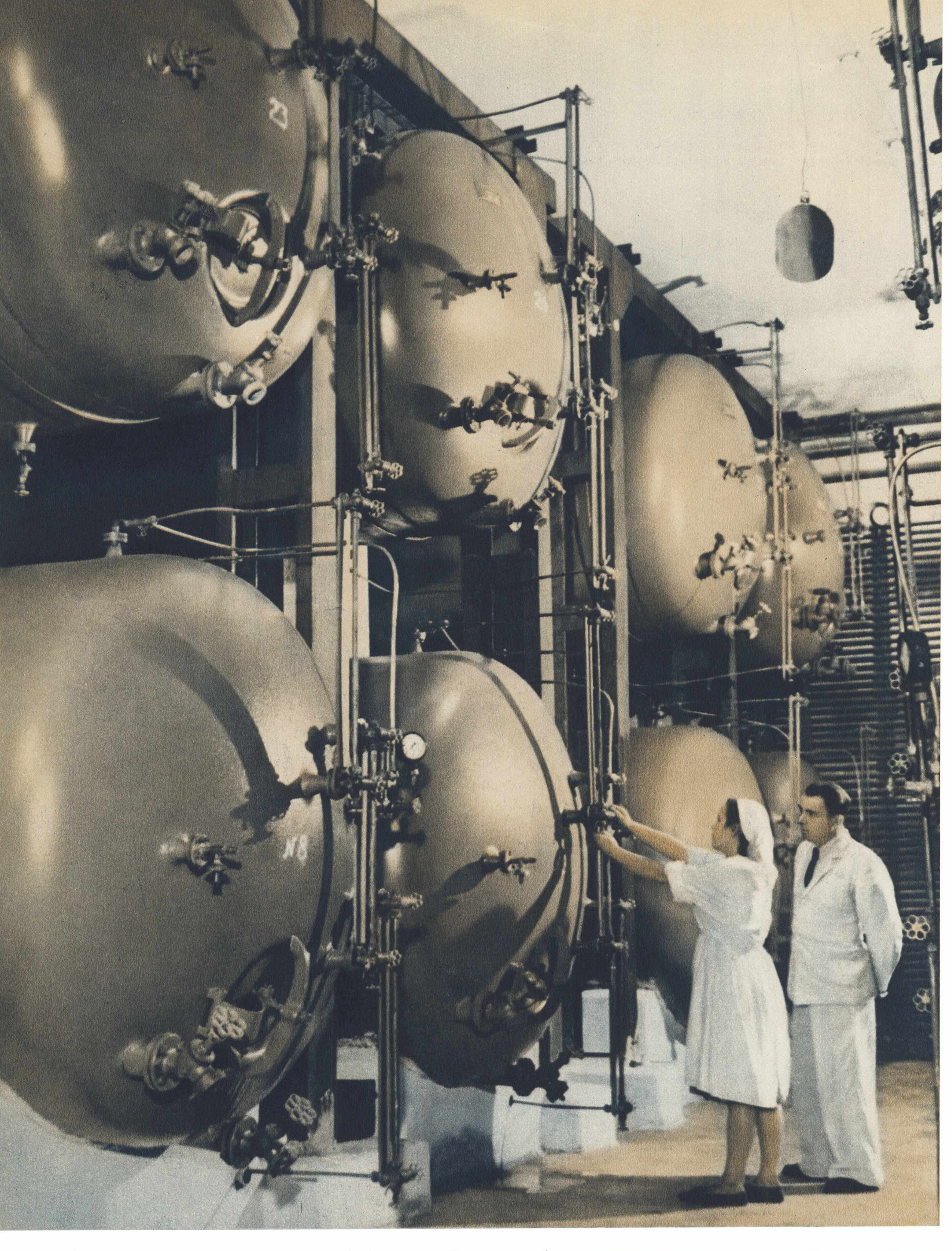

ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бендерский консервный завод (Молдавия). Свежеотжатый виноградный сок сохраняют в специальных эмалированных цистернах. Зимой потребитель получит сок высокого качества.

Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: Передовая работница кимрской обувной фабрики «Красная звезда» комсомолка Валентина Выборнова.

Фото Е. Умнова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 50 (1383) 13 ДЕКАБРЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Делегаты сессии Всемирного Совета Мира в Москве

5 декабря на Киевском вокзале Москвы собрались многочисленные представители общественных организаций столицы, Советского комитета защиты мира, ВОКС, ВЦСПС, Союза советских писателей СССР, передовики предприятий, деятели науки и искусства, чтобы встретить участников Венской сессии Всемирного Совета Мира, прибывших в СССР по приглашению Советского комитета защиты мира. Члены делегаций Китая, Индии, Корейской Народно-Демократической Республики, Вьетнама, Западной Германии, Аргентины, Чили, Бразилии, Японии проведут в нашей стране несколько недель.

На снимках:

вверху — члены делегаций Китая и Вьетнама;
внизу — представители Индии на перроне Киевского вокзала.

Фото В. Егорова и В. Соболева (ТАСС).

СЕРДЦЕ СИБИРИ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото автора.

«Славное море»

Осень на Байкале — второе лето: долго стоят сухие и светлые дни, земля и небо в золоте, дали открыты и так прозрачны, что видишь за бирюзовым «Сибирским морем» зубчатые вершины Хамар-Дабана.

Что за пора! В полдень тепло, как в июле, а в полночь, когда в темном зеркале Байкала отражается пылающий месяц, на утесы ложится хрустящий иней, мороз белит остроносые рыбачьи «селенгинки», лиственницы густо осыпают желтую хвою. Тогда в лунном свете по-зимнему мрачными становятся отвесно падающие в море гранитные скалы, и льды на горах мерцают совсем по-декабрьски.

Нет, лету не быть!.. Безудержно несутся серыми тучками миллионы птиц — наступило время большого перелета. В далекие страны, к жаркому солнцу отправляются раздобревшие за лето журавли, лебеди, гуси, утки — древний инстинкт ведет их из Сибири в Индию и Африку. И по тому же вечному зову природы отправляются из Байкала на нерест омули. Преодолевая бурное течение горных потоков, входят они многомиллионными стаями в русла рек и речушек, бегущих с гор в «священное море». Выжимая воду из каменных берегов, движутся полчища рыб все выше и выше по Селенге, идут по ней в несколько «этажей» — многоярусным слоем, и если бросишь камень в реку, то не упадет он на дно, а понесут его омули на своих хребтах. Так плывут знаменитые байкальские омули по горным рекам, пока не найдут укромное местечко, где без опаски можно отдать икру.

Пойдем ли мы по Байкалу с корабельщиками на парусном суденышке, будем ли бродить по гористым берегам или лететь в кабине самолета над прозрачными водами и заснеженными вершинами,— всюду увидим ту поразительную «смесь Швейцарии, Дона и Финляндии», на которую обратил внимание здесь Чехов. С каждым часом, с каждой минутой Байкал все шире открывает новые, неожиданные картины. То кажется, что перед тобой Жигули с чарующим волжским пейзажем; то рисуются виды южного берега Крыма с нависшей грядой побеленной снегами Яйлы; то показываются мрачные и холодные горы, как на Иртыше, под Бухтармой; то видишь Амур с таежными чащобами на гористых берегах; а там — голые, обрывистые скалы, будто на Таймыре... И все это Байкал!

Неутомимо живет Байкал до ледостава. Вот показывается из-за круто падающего в море утеса буксирный пароход, влекущий за собой десяток «сигар» — плотов, по-особому сплоченных для морской буксировки. Вот идет, вздымая светящуюся на солнце воду, кораблик ихтиологов. Там, вдали, густо дымит судно, совершающее рейс мимо Баргузинского хребта. А с южного скалистого берега, пробитого бесчисленными тоннелями, тянет горькой паровозной гарью: оттуда катятся по озеру-морю грохот и гул транссибирских экспрессов, то ныряющих в тоннели, то вырывающихся из их продымленных жерл. И почти никогда не бывает спокойным и тихим небо над Байкалом: полно оно мощного рокота авиационных моторов грузовых и пассажирских самолетов, летящих в Москву, Пекин, Улан-Батор, к берегам Тихого океана и на Урал.

Может быть, только зимой умолкнет здесь старая песня про священный Байкал. А сейчас, пока солнце, пока плещут волны, звучит знакомая песня про славный корабль — омулевую бочку — и слышится призыв: «Эй, баргузин, пошевеливай вал!» А зачем взывать к нему, когда ветер и без просьбы «пошевеливает» озеро-море! Даже при чистом, безоблачном небе, когда тишина и благодать окрест, пробегает вдруг с северо-востока порывистый верховик, или баргузин, срывающийся с вершин Баргузинского хребта, и тогда в мгновение изумрудно-зеленая вода становится черной.

Байкал, как говорят здесь, «сердце Сибири»,— это музей живых древностей.

Из тысячи видов рыб, населяющих озеро, многие водятся лишь в Байкале. Вот голомянка; она жи-

У истоков Ангары.

вет только здесь, и нигде больше в мире. Голомянка не откладывает икру, а рожает живых детенышей. Она так жирна, что может «растаять» на солнце.

Точно так же нигде, кроме «священного моря», не встречаются многочисленные виды и разновидности растений. Академик Л. С. Берг имел все основания сказать про Байкал, что это «во всех отношениях есть чудо природы».

Расположившийся среди высоких гор Байкал поражает и редкой красотой своих гористых берегов и изумительной по цвету и вкусу водой, особенностями животного мира, сказочными богатствами недр, гигантскими запасами гидравлической энергии, за что Байкал называют еще «высоковольтным морем».

Байкал, при длине в 636 километров, мог бы одним своим концом коснуться Москвы, а другим — Ленинграда; на его площади в 31 500 квадратных километров могли бы разместиться два таких европейских государства, как Бельгия и Голландия. Колоссальная котловина озера-моря, глубина которого достигает 1 741 метра, способна принять воду 92 таких морей, как Азовское. Более 300 рек и речек катят с гор свои воды в озеро. Ежегодное поступление воды в Байкал превышает объем двух Цимлянских морей. Казалось бы, уровень озера должен подниматься примерно на два метра в год, но этого не происходит: излишняя вода устремляется широким и мощным потоком в каменное русло Ангары. Она одна забирает миллиарды кубических метров воды. Но всегда, даже в самое жаркое, засушливое лето, реке гарантировано обильное поступление воды. Даже если бы вдруг и прекратился приток воды в Байкал из многочисленных речек, то Ангара осушила бы озеро лишь через 400 лет.

Кипучая вода

На рыбачьем баркасе идем к истокам Ангары. Опрокинуты в море отражения снежных гор, сияющих дважды: в зеркале вод и там, в небе. Бескрайним кажется морской горизонт. И бесконечно тянется справа по борту хмурый Приморский хребет.

Длинной и узкой лентой легло вдоль берега селение Лиственничное, ныне Листвянка. Причалы, рыбачий рейд, верфь, строения станции Академии наук СССР... Вскоре словно вырастает из моря густо дымящий паровозами и грузовыми кораблями прокопченный Байкал — порт и железнодорожная станция. Еще поворот руля — и раздается торжественный голос кормчего:

— Ангара!..

Так вот она какая, колыбель могучей сибирской реки! Горы разверзлись — их будто рассекли мечом,— Байкал обрывается, и в узкой расселине, среди двух черных скал, в голубом и зеленом мерцании воды открываются таинственные просторы реки. Чем-то грозным веет от этих скал, сторожащих исток Ангары, от холодного, перетирающего гранит стремительного потока...

Как не похоже все это на скромную и тихую колыбель Волги, рождающейся в задумчивом лесу на Валдае, среди зыбких болот, вереска, обомшелых елей и валунов моренной гряды! Над светлым родником стоит одинокий бревенчатый сруб с колодцем; там, внизу, в этом колодце, и бьется серебристая струя — исток Волги. И пока эта робкая струя наберет сил и станет большой, настоящей рекой, сотни километров должна пройти Волга по русским равнинам и принять множество притоков. А здесь, в сердце Сибири, одним прыжком, сразу, Ангара становится рекой-гигантом. Ход у нее разящий, со старта идет она напролом, и кажется, вся каменная твердь дрожит под ней, качаются вековые кедрачи и вотвот опрокинутся скалы.

В самом истоке Ангары, при выходе ее из Байкала, поднимается из стеклянно-прозрачной воды островерхая темная скала. Это Шаманский Камень. Он-то и делит реку надвое. Как не побывать на нем! Баркас подходит к Камню, рыбаки швартуются, и мы забираемся на скалу. От нее примерно одинаковое расстояние до правого и левого берегов — метров по пятьсот. От гор падают на воду густые холодные тени, пахнет рыбой и сыростью. Отсюда хорошо видны порт Байкал и проносящиеся по берегу, у самой воды поезда.

Как сдержанно-гневен шум реки! Мускулистая, гибкая и сильная, мчится она от истока, раздвигая горы, вторгаясь в таежные чащи. Расплавленным стеклом кажется ее вода. Опускаешь руку, и ее сразу резко отбрасывает в сторону густая, крепкая и злая ангарская струя! И невольно думается, что уж не удержится ничто живое в этом стремительном и страшном потоке. Но откуда узкие и быстрые тени, мелькающие на дне?

— Черный хариус, по-нашему — сибирская форель, — говорит рыбак Василий Пронин,— любит стремнину, а сильнее здешней и не найти.

От скалистого левого берега отваливают вертлявые долбленные стружки. Сноровистые и быстрые ангарские рыбаки расчетливыми ударами шестов и весел гонят челноки к Шаманскому Камню. Дух замирает, когда видишь утлые суденышки в ангарском потоке.

— Экие ловкачи! — одобрительно отзывается о товарищах байкальский рыбак.— Там вон стоит поселок Никола, хорошие рыбаки живут в нем. Народ отчаянный, с соображением. Увалень в момент пропадет на Ангаре... Тут даже сеть обычную бросать бесполезно: хариус все в воде увидит, не пойдет в западню. Потому и красят невода и леску. Здесь рыбаки, что в Николе, что в Листвянке или Байкальском порту, особые секреты знают: как красить под разный цвет воды сети — то «для новолунья», то «для черной ночи», то «для солнышка».

Стоишь на скале в центре мчащейся Ангары и физически ощущаешь могучую ее силу...

Народ облек свое восприятие грозной реки в поэтические легенды и поверья.

...Была Ангара любимой дочерью Байкала, повествует предание. Старик холил и баловал ее, но держал взаперти, подальше от чужих глаз. Однажды подслушала Ангара разговор двух чаек, подосланных к ней богатырем Енисеем. Чайки сидели на прибрежной скале и говорили о живущем по соседству с Байкалом красавце. Истоки его лежат, говорили чайки, в снежных горах, и с тех гор прокладывает он силой дорогу среди лесов и камней к далекому северу, где впадает в студеный океан. Услышала Ангара про красавца и лишилась покоя. Днем и ночью чудился ей богатырь, звал он ее, манил к себе. И решила Ангара бежать к Енисею. Темной ночью, когда, не тревожимый сармой, крепко спал старый Байкал, бросилась девушка в море, пересекла его и уже почти достигла противоположного берега, где всегда заходит солнце, как проснулся старик. С горя начал он громоздить валы. Но дочь, вышедшая из повиновения, не побоялась бури, поднявшейся на море, и продолжала бежать. Тогда Байкал сорвал огромную скалу и бросил ее вслед непокорной дочери. Скала упала перед убегавшей Ангарой, загородила ей дорогу. Беглянка напрягла последние силы, обошла скалу с двух сторон и помчалась через горы и леса. Богатырь Енисей подхватил красавицу, обнял ее, и они отправились вместе в далекий путь к Ледовитому океану.

Спросите сибиряка про Ангару, и он с любовью и нежностью назовет ее «красавицей», «могучей», «сказочной», «непокорной». С гордостью говорят сибиряки, что не похожа их Ангара ни на какую другую реку — все у нее особенное, свое, исключительное. Разливается Ангара не весной, как все реки, а поздней осенью; замерзает не с верховьев, а с низовья; лед на ней часто образуется не на поверхности, а на дне и всплывает затем в виде шуги. Даже за сто километров от истока вода в Ангаре попрежнему чистая и прозрачная, словно ничто не пристает к ней.

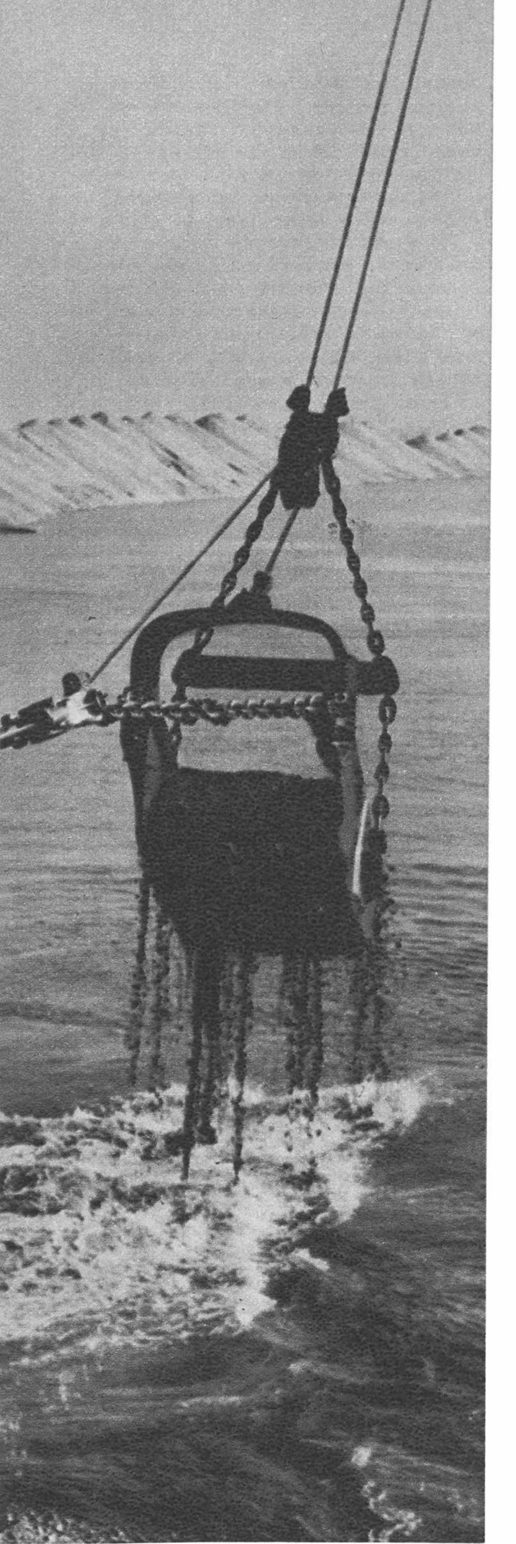
По скорости течения Ангара не знает себе равных. Энергия — вот главное ее достоинство. В нескольких десятках километров от истока Ангара имеет так называемое «падение» — то есть разницу между верхней и нижней точками — в тридцать метров. Представьте себе обрушивающийся с высокого здания гигантский поток воды — и вот вам Ангара.

Если обуздать реку только в верхнем плесе, она даст 3,5 миллиарда киловатт-часов в год — много больше, чем Днепрогэс. А запасы энергии всей Ангары колоссальны: можно получить 60 миллиардов киловатт-часов в год — в шесть раз больше, чем будет давать крупнейшая в мире Куйбышевская ГЭС на Волге. Поистине это река электричества.

Длина Ангары — 1 853 километра. Средний участок Ангары — от впадения Оки до устья Илима — занимает всего 289 километров, но слывет среди лоцманов самым трудным и опасным: крутые пороги преграждают путь реке. Проре-

Норма выполнена! Водители двадцатипятитонных самосвалов А. Амосов (слева) и П. Шагин могут и покурить.

Ковш за ковшом выбирается гравий со дна Ангары.

зая громады гор, она обрушивает на камни всю свою силу — вот здесь-то и сосредоточены основные энергетические запасы Ангары.

Чтобы добраться до порогов, можно приехать из Иркутска рекой. Но дальше ни один пароход не ходит. И вот картина: сжатая скалами река врывается в каменную «трубу», и вся масса ожесточенно мчащейся воды обрушивается на подводные скалы — пороги. Ангара сотрясает горы, все здесь стонет, гудит и ревет, к небу летят клочья пены. Первый порог — Пьяный, второй — Похмельный, затем — Падунский, потом — Долгий, Шаманский, всего девять каменных баррикад.

Из века в век бесцельно проносились эти кипящие потоки. Без пользы для человека расходовалась могучая энергия. Ни жернов, ни чигирь, ни молот — ничто не приводила в движение река. Люди чурались этих мест, селились от них подальше. В «Житии» протопопа Аввакума есть строки, посвященные порожистым местам на Ангаре: «О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову».

Со временем чиновники, святейшие кликуши и губернаторы, окрестив Ангару «страшной», превратили ее в замо́к и ключ к застенкам и ледяным тюрьмам Забайкалья. Беснующийся поток был использован ими как преграда на пути беглых каторжников и ссыльных. И, конечно, отвергалась ими и предавалась осмеянию всякая мысль об использовании гидроэнергетических запасов Ангары.

Покорение Ангары

В первые же годы советской власти заговорили об энергии далекой Ангары. Ленин начертал план электрификации страны, и советские гидротехники, осуществляя его, поглядывали на восток — на сибирскую реку. Слова поэта «в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь» выражали смелый замысел Коммунистической партии.

Уже в тридцатых годах советские гидротехники приступили к планомерному и настойчивому изучению Байкала и его реки, создавали первые проекты освоения гигантского водного потока. Теперь пробил долгожданный час — во всеоружии современной советской техники вышли строители на берега Ангары. Их знамя — директивы XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза: «Начать работы по использованию энергетических ресурсов реки Ангары для развития на базе дешевой электроэнергии и местных источников сырья алюминиевой, химической, горнорудной и других отраслей промышленности».

И вот дороги, телефонные и электрические провода нацелены, как стрелы на карте, в центр ангарской стройки, в район основных сооружений. Когда смотришь на стройку с высоты птичьего полета, кажется, будто внизу раскрыта многоцветная карта. Вот синяя лента Ангары. Вот щетинится арматурой глубокий котлован. На высоком берегу алеют кирпичные здания будущего города энергетиков.

Обычными, рядовыми машинами стали здесь новинки советской техники — шагающий экскаватор, земснаряд, вибромолот, бетонный завод-автомат. Устанешь наблюдать, как идут двадцатипятитонные грузовики. «Стальные слоны» — большегрузные автомобили — движутся стадами, словно на водопой, к Ангаре.

Опершись о круглую стальную плиту и подтянув лыжи, стоит на каменном берегу «большой шагающий». Стрела, на которой написан лозунг «Вперед к коммунизму!», подносит к стремительному потоку ковш и с полного хода погружает его в холодную воду. Слышится тяжкое уханье, взлетают брызги, и тотчас полный гравия ковш выходит из реки.

Когда стеклянная кабина поворачивается влево, отсюда видны холмы гравия. Затем открывается и вся синяя ширь Ангары. Но вот стрела отправилась в обратный путь, и мы видим гравийные отвалы, поросшие багульником, морошкой и смородиновыми кустами пойменные прибрежные низины.

Придет день, когда за плотиной раскинется Ангарское море, сольется оно с Байкалом, и уровень озера тогда поднимется. Поэтому уже сейчас с верховьев Ангары, со дна будущего моря, начали переселять колхозы и промышленные предприятия.

Ангарская гидростанция будет давать самую дешевую электрическую энергию. Произойдет это потому, что воздвигнется здесь чрезвычайно простая и дешевая плотина из местных материалов, не требующая огромного количества железобетона. Благодаря Байкалу, способному давать нужное количество воды в любое время года, отпадает необходимость держать в зале ГЭС дорогостоящие резервные машины. Поэтому с меньшим количеством турбин Ангарская ГЭС будет давать энергии больше, чем иная станция-гигант.

Каскад ангарских гидростанций станет могучим электрическим сердцем Сибири. За Байкал, за Енисей, в тайгу и горы зашагают стальные башни высоковольтных передач, на месте чащоб вырастут заводы, рудники, дороги.

Уже сейчас в девственной тайге происходят большие перемены. Их видишь в юном городе Ангарске. Множество сосен и лиственниц, сохранившихся на его улицах, напоминают о прошлом: Ангарск начал строиться три года назад в сухом сосновом бору, переходящем в таежные дебри Приангарья.

Сейчас в Ангарске каменные благоустроенные дома, электричество, водопровод, канализация, во всех домах — горячая вода для ванн, кухонь, отопления; скоро будет газ.

Поездка по Ангарску — это путешествие в чудесное будущее многих наших городов. Поразительно быстро вырос среди тайги светлый, прямой, чистый, красивый город. Он поражает взор геометрической точностью проспектов, широкими скверами, утонувшими в зелени улицами.

Нет у Ангарска окраин — его центр и районы одинаково нарядны. Куда бы вы ни поехали, всюду увидите оживленные улицы, снующие по ним такси, комфортабельные автобусы, мелькающие за окнами белые, голубые, розовые дома, озелененные чистые дворы, школы, ясли, детские дома, амбулатории...

Улица Мира... Октябрьская... Сибирская... Маяковского... Олега Кошевого... Появляются многочисленные улицы, которыми гордился бы любой город. Вот Московская улица,— она словно нависла над привольным раздольем поймы реки Китой. С пуском ангарских гидроэлектрических станций сюда придет море,— тогда к гранитной набережной Московской улицы будут швартоваться корабли.

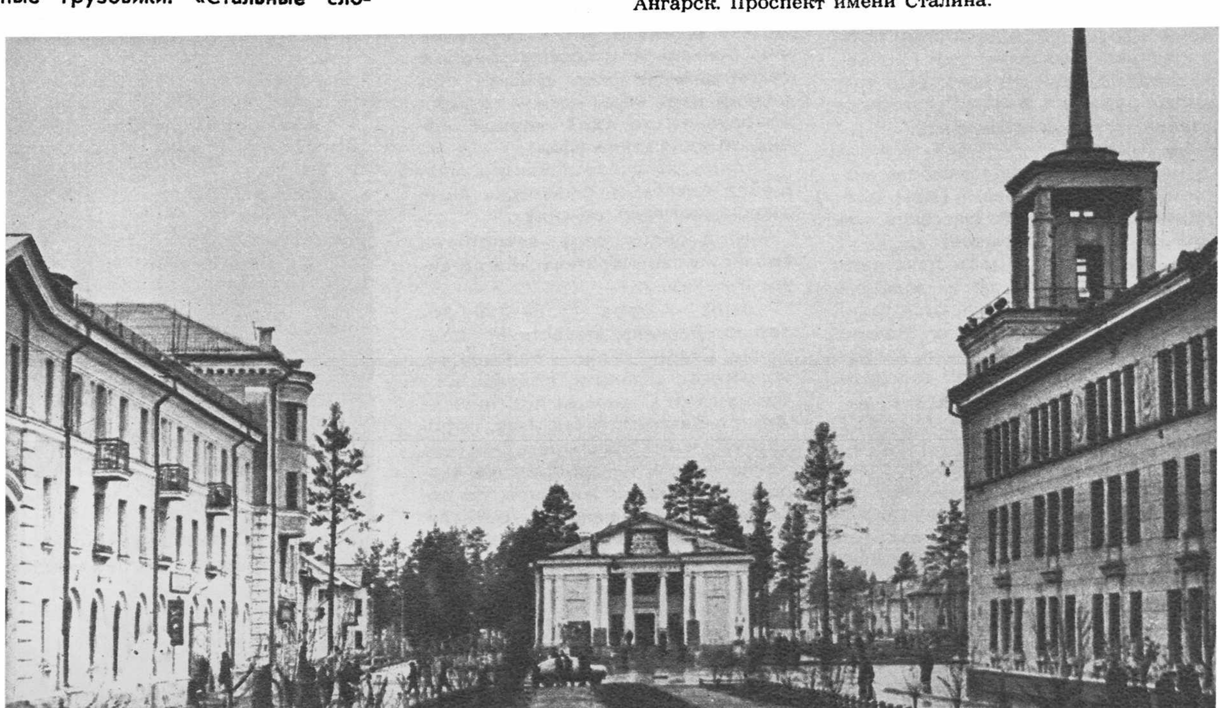
Московская улица пролегла по тем местам, где тянулась политая слезами и кровью страшная дорога — ее звали в народе Владимиркой, Кандальной, Каторжной. Тянулась она через Урал, через всю Сибирь...

Вот строится великолепный проспект имени Ленина. Тайга соседствует здесь с башенными кранами и транспортерами; горячий асфальт кладут на землю, только что очищенную от хвои, папоротников и кустов смородины. Сосны подступают к недавно отстроенному четырехэтажному зданию средней школы № 10.

Ангарску всего три года, а Иркутску — триста, но уже едут сюда люди из Иркутска и Красноярска, из Якутска и Бодайбо, из Черемхова и Тайшета. Они любуются юным городом в тайге, наслаждаются чудесным творением советских людей, перенимают у них опыт и уезжают к себе с твердым намерением строить так же быстро, красиво и хорошо.

К большой жизни пробудился Байкал. На благо советского народа начнет работать стремительный поток Ангары. Яркими огнями озарятся таежные дали, и веселые гудки нарушат вековую тишь заснеженных гор.

Ангарск. Проспект имени Сталина.

Все вокруг в пылающих красках осени. Яркий ее колорит и в золотой лозе винограда, и в аллеях персика и граната, и даже в далях хлопковых плантаций.

Желтыми, красными пятнами, тонкими оттенками, кажется, недоступными кисти художника, горит под солнцем Араратская долина. В осеннем убранстве стоят сады.

Осень приютилась в каждом винограднике, в каждом кустике. Воздух наполнен почти неуловимым, но очень приятным запахом зрелых плодов и поднятой под зябь земли. Еще недавно, измученная солнцем и лишенная воды, эта земля глядела мачехой на человека. Сколько горя видели здесь люди!..

История борьбы за воду для армянских земель уходит вглубь веков. Каждый ручеек, рожденный на снежных хребтах, каждый родник, бегущий в ущелье, были поводом для ссор и междоусобиц.

Кто владел водой, тот властвовал над всей округой. Вот почему в те далекие годы у истоков горных рек строились крепости и люди, вооруженные кольями, дрались за воду неистово, охраняя ее, как жизнь своей матери.

ЗЕМЛЯ АРАРАТСКАЯ

М. МЕРЖАНОВ

Рисунки Мартироса Сарьяна.

Без влаги земля была камнем.

Недаром герои армянских легенд силу свою черпали из родников.

Впрочем, не только в далеком прошлом шла борьба за воду. Еще недавно — на памяти пожилых людей — вода ценилась на вес золота и ее распределяли, как драгоценнейший продукт.

Мирабы («мир» — начальник, «аб» — вода) были самыми влиятельными людьми. От них зависела судьба вспаханного и засохшего клочка земли. Они держали крестьян на голодном водном пайке, брали взятки, обманывали.

Крестьяне бунтовали.

Когда однажды губернатор Тисенгаузен приехал с офицерской свитой к бунтарям, они сказали ему:

— Господин! Дайте нам воды, она дороже крови.

— Воды нет,— сказал губернатор и уехал.

А мираб улыбался:

— Кто жаловался, тот не получит ни капли!

Это было давно. А теперь мы стоим у широкого бетонированного канала и молча наблюдаем за бегущей водой. Она пенится и шумит, как река. Добрый этот «мираб» наших дней дал араратской земле жизнь, и она щедро одарила людей за их труд.

...Двадцать восемь горных рек впадают в Севан. Лишь одна река Раздан вытекает из озера. Она принимает драгоценную озерную воду и стремительно несет ее вниз, мимо сел и городов, в базальтовых ущельях, в каналах, вперед, вперед — к араратским полям.

Нам видны артельные земли, оголенные сады, опустевшие бахчи. Арбузы и дыни уже сняты. О персиках давно забыли. Остались виноград и хлопок. Да и то немного — последние кисти, последние коробочки.

И как мы ни старались молча наблюдать за пестрой, живой картиной колхозной осени, все же беседа возникала то о поздних сортах винограда, то о новых сортах пшеницы, а то вдруг о снежных шапках Арарата, похожих на чалму.

И только старик Минас, рассказывавший нам о крестьянских бунтах, молчал. Он оперся на длинную сучковатую палку, изогнутую в конце, и отсутствующими, усталыми глазами смотрел вдаль.

Может быть, он думал о злом мирабе? А может быть, вспомнил о первой воде, пришедшей в пустыню. Тогда гремели оркестры, шапки летели вверх, а цветы кидали в воду. В те дни вода, как дорогой, желанный гость, торжественно шествовала по Араратской долине и земля улыбалась ей первыми ростками зелени.

Сейчас никто не встречает воду музыкой и цветами. Она приходит деловито и просто, путями, означенными на кальке чертежей. Распределение воды по землям — большое и сложное мастерство. Люди, создавшие стройную оросительную систему в Араратской долине, издавна владеют им. Но как ни были они изобретательны, все же каналы старой системы дробили колхозные поля на мелкие участки. Это осложняло работу машины, сокращало полезную площадь земель, растрачивало воду на фильтрацию.

Так было и в Средней Азии и на юге Сибири испокон веку. Раньше это не мешало. Но когда на поля пришел трактор, ему понадобились разбег, простор, прямой путь. Ему тесно стало на этих квадратах, ограниченных водой. Трактористы бранились. Тесно было и комбайну: ему негде повернуться. Техника пришла на поля и поставила перед учеными задачу: не только оросить земли, но и открыть путь для машин.

И вот в далекой Хакассии, в предгорьях Саян, где так же, как и в Армении, земля мертва без воды, молодой инженер Александр Георгиевич Турбин решил заменить постоянные каналы каналами временными, живущими только летом. От них шли канавки, вернее, борозды, которые растаскивали воду по всему полю.

Смысл нововведения заключался в том, что оросительная система поила землю летом и исчезала осенью и весной, давая полный простор машинам.

Это сразу изменило жизнь на полях: тракторы поднимали теперь всю землю, а не крутились на «пятачке» участка; урожай стал богаче; освободились руки, чистившие постоянные каналы.

Техника властвовала на полях.

Из колхоза в колхоз, из района в район ездил А. Г. Турбин и испытывал свой метод на разных рельефах местности.

Смелый опыт, рожденный в степях Хакассии, был шагом вперед на землях, живущих водой каналов. И, как все новое в нашей стране, этот опыт стал достоянием народа. Правительственным решением три года назад новая система орошения была внедрена по всей стране.

Так в Армении открылись просторы для машин, так был найден путь к изобилию.

* * *

Колхоз «Парижская Коммуна» занимает земли села Анастасован в Араратской долине, в районе древнего Арташата.

Нигде, пожалуй, так не чувствуется глубина истории, нигде так не контрастирует старое с новым, как здесь.

Новые села, рожденные плодородием земли,— и развалины Двина — древней столицы Армении; флегматичный иссиня-черный буйвол, еле передвигающий ноги,— и колонна колхозных автомобилей, поблескивающих свежей краской бортов; заболоченный, брошенный арык — и бетонированный канал; глинобитный низкий плоскорыший домик без окон — и светлый кирпичный дом под черепицей. Так на каждом шагу.

Может быть, поэтому в колхозе «Парижская Коммуна» отчетливее видно все новое. А нового тут много. Система орошения, принесенная из Хакассии, словно разбудила земли, дала им дополнительную силу.

Председатель колхоза Гайк Петрович Хачатрян — человек высокий, широкоплечий, обожженный солнцем до черноты, беседу свою с нами подкрепляет документами, словно боясь, что мы ему не верим. В кабинет то и дело входит счетовод и молча кладет на стол то справку по урожайности винограда, то отчет о собранном хлопке, то перечень продуктов, выданных на трудодень. И справки эти подтверждают, что урожай хлопка за последние годы возрос почти в три раза, урожай винограда — в четыре раза, а валовой доход колхоза — почти в пять раз.

На этом и стоит благополучие артели.

Гайк Петрович рассказывает порывисто, страстно и, как мне кажется, торопясь.

Торопливость чувствуется и когда он пишет записку, говорит по телефону (обрывистая фраза) или просто ходит по комнате, заложив обе руки в карманы синего галифе.

И, может быть, в этих внешних проявлениях сказывается не только черта характера, но и темп жизни?

Хачатрян — человек сравнительно молодой. Ему 45 лет. Но он помнит турецкое нашествие, резню армян, дашнаков. Он батрачил у богатея Амбарцума Едигоряна, пас коров и голодал.

Юношей Хачатрян был одним из организаторов первого в этом районе колхоза — «Шинарар». Артель объединила тогда четырнадцать беднейших хозяйств, имела пять гектаров земли, двух буйволов и две арбы.

Затем Гайка Хачатряна выбрали председателем сельского совета в Двине.

— Помню, холодно было и дождливо. Клубов мы тогда не имели,— улыбаясь, замечает Хачатрян.— Вот и собрались в винном складе. Пятьсот человек: шумно, душно. Лампы без стекол. Коптят. Кулаки кричат, хотят сорвать выборы...

Трудно мне пришлось: село бедное, хлеба нет, арыки запуще-

ны. Богатеи меня не признают: «Посмотрим, как ты будешь хозяйничать!» Налоги не платят, семена прячут.

А однажды вижу: все кулаки на поле. «Что это?» — думаю я. Смотрю, сеют. Сеют старательно, аккуратно, словно на своей земле. Все сельчане вышли поглядеть на диковинку. Но пришло время, а всходов нет. Кулаки улыбаются: «Не родит большевистская земля... Хи-хи!..» Выяснилось потом: раньше, чем кидать зерно в землю, по ночам варили его в чанах, а утром мертвое, бесплодное отдавали земле.

Гайк Петрович задумался.

Теперь позади уже все: и те тяжелые времена, и ереванский комвуз, и Арташатская МТС, и армия черноморской группы войск, и солнечный Геленджик, десант на Малую землю под Новороссийском, вечный гул орудий, вечное зарево пожара над городом, сотни убитых однополчан, наконец, тяжелое ранение. Все позади. В памяти Хачатряна навсегда запечатлелся земляк — фаэтонщик Манвел, бог знает как попавший в эти края.

— Он вынес меня из огненного пекла, а сам пошел снова туда...

Хачатрян руководит колхозом «Парижская Коммуна» шесть лет. Земли артели велики. Бросовых участков нет: использован каждый клочок. Ведущая культура — виноград: под ним 400 гектаров; хлопок занимает 250 гектаров, овощи — 80, люцерна — 75, бахчи — 50.

Все это обрабатывается машинами. Им теперь есть где разгуляться: тракторы «НАТИ», «Сталинцы», «ДТ», культиваторы, комбайны, зерновой и хлопковый, молотилки, автомашины, электричество — все брошено на поля.

В сражении, или, лучше сказать, в соревновании, за урожай отличились такие, как Марьям Асланян (она собирает в среднем 184 центнера винограда с гектара), как Вазген Овсепян (он собирает 42 центнера хлопка с гектара), как Баград Минасян — виноградарь

Председатель колхоза «Парижская Коммуна» Герой Социалистического Труда Г. П. Хачатрян.

и хлопкороб, репатриированный из Ирана крестьянин. О нем хочется сказать подробнее...

Это было несколько лет назад. К маленькой станции в Араратской долине медленно подошел длинный железнодорожный состав. Из запыленных зеленых вагонов вышли люди в старых, потертых пиджаках и фесках. Они растерянно глядели кругом и, казалось, не верили ни этой большой толпе, что пришла их встречать, ни знаменам, ни приветственным лозунгам. Это были репатрианты из Ирана. Среди них и Баград Минасян. Чужбина согнула их спины и побелила волосы. Старики падали на колени, брали горстку земли и целовали ее. Одни, подняв руки, молились, другие молча глядели по сторонам. А потом кто-то запел, и запели все. То была грустная армянская песня.

Теперь Баград Минасян, его жена, брат, мать, его друзья вспоминают о прошлом редко и нехотя. Ушло, быльем поросло.

Теперь они не гости на этой земле, а хозяева. Они трудятся на своей земле, а не на земле иранского помещика, и плоды этой земли — их плоды, а не плоды иранского богатея.

Перед нами перечень продуктов, полученных семьей Баграда Минасяна на трудодни: две с половиной тонны пшеницы, три тонны винограда, полтонны пшата, 80 килограммов масла и сыра, полтонны изюма, арбузы, дыни, вино. Жить можно, и жить хорошо! Кроме того Минасян получил полторы тонны сена, две тонны дров.

В тот день, когда он впервые приехал в колхоз и когда молодой агитатор рассказывал ему о богатой артельной жизни, Баград молча косился на собеседника. Он не верил ему.

* * *

Богатства колхоза видны во всем: в электрических огнях и хорошем парке, в мельнице и стадионе, в красивом здании правления артели и в неохватных далях полей. В колхозе есть клуб, школа, кузница, магазин, баня, гостиница, радио...

Каждый год растут урожаи, растут доходы колхоза (они уже перевалили за 10 миллионов рублей), растет культура села.

Ушли из жизни глинобитные хаты. Исчезли навсегда высокие глиняные заборы. Не нищету ли прятали они от мира, не рвань ли одежд? Время сломало заборы, и мир увидел светлый дом и сытный стол.

В колхозе много строений из розового туфа. Это дорогой и красивый строительный камень — застывшая пена вулкана. Он добывается на склонах Арагаца, близ города Артик.

Вдали от села, на хлопковом поле, перед нами неожиданно вырос красивый розовый домик — детские ясли: маленькие кроватки, смуглые мордашки. Блики солнца падают на паркетный пол. Матери трудятся в поле. Они теперь уже не представляют, как же можно было раньше работать в поле, оставив ребенка за «тридевять земель» — в селе. К хорошему быстро привыкают.

Мы видели и детский сад и гимнастический зал, где школьники в спортивных костюмах занимались на турнике, мы видели гуляющих по парку девушек в шелковых платьях, видели много автомобилей на сельских улицах.

В этом явственном движении вперед, как события значительные, но потерявшие новизну, промелькнули чертежи новой системы орошения Александра Георгиевича Турбина, тракторы, сломавшие чересполосицу, трудные дни Гайка Петровича Хачатряна. Промелькнут и ясли из розового туфа с паркетным полом. Таков закон нашей жизни.

И может быть, именно эта поступь вперед и родила любовь к своему колхозу, чувство гордости за него, спаянность, неразлучность.

...Мне рассказывали, что недавно ночью в горах разразилась гроза. Черные тучи, обгоняя друг друга, ползли на село. Грянул гром. Первые крупные капли дождя упали на землю. Это был необычный дождь. Через минуту он хлынул ливнем. Мутные потоки бежали с гор. Они устремились на виноградники, ринулись по улицам, увлекали за собой камни, щебень, мусор, овец, которые паслись в горах, и даже какую-то автомашину. Вода бурлила у домов, заборов, а по полю она пошла сплошным потоком.

Вираб Межлумян, который в эту ночь дежурил на бахчах, бросился в село. Он бежал и кричал: «Гроза!» Сонный радиотехник хриплым голосом передал в эфир о бедствии и кончил свою тревожную информацию словами: «Скорей, скорей, скорей!»

Через двадцать минут все сельчане вышли навстречу потоку, таскали камни, рыли отводные ложбины, строили баррикады, чтобы спасти виноград и хлопок. Они отстояли урожай.

...Мы сидели в парке и слушали рассказ о людях, которые по-хозяйски спасали артельное добро и артельные урожаи. И люди никому не докладывали о ночном поединке с водой, ибо такое поведение тоже стало естественным.

Взошла луна. Мягкий холодный свет лег на поля, кусты, плотины. Было тихо и хорошо.

Шлепая чувяками, мимо нас прошел какой-то старик. Не Минас ли? Он что-то бурчал под нос, и мы уловили лишь обрывок фразы: «...об этом еще поговорим».

Мой собеседник сказал:

— Вот видите: богатый колхоз, обильный урожай, хороший, увесистый трудодень, а старик чем-то недоволен. А может быть, и не один он? Значит, нужен еще больший урожай, еще лучший трудодень...

А может быть, в этой постоянной неуспокоенности и кроются внутренние пружины, двигающие вперед артельную жизнь?

В зале заседания правления сельхозартели часто слышатся критические речи. Об успехах теперь говорят в этом зале коротко. Впереди еще непочатый край дел.

А сейчас, когда перед колхозами поставлены новые задачи, когда в село приехали новые люди и пришли новые машины, араратская земля покажет такую силу плодородия, о какой никто и не мечтал!

Село Анастасован.

Дворик клуба в колхозе «Парижская Коммуна».

В селе ГОГОЛЕВЕ

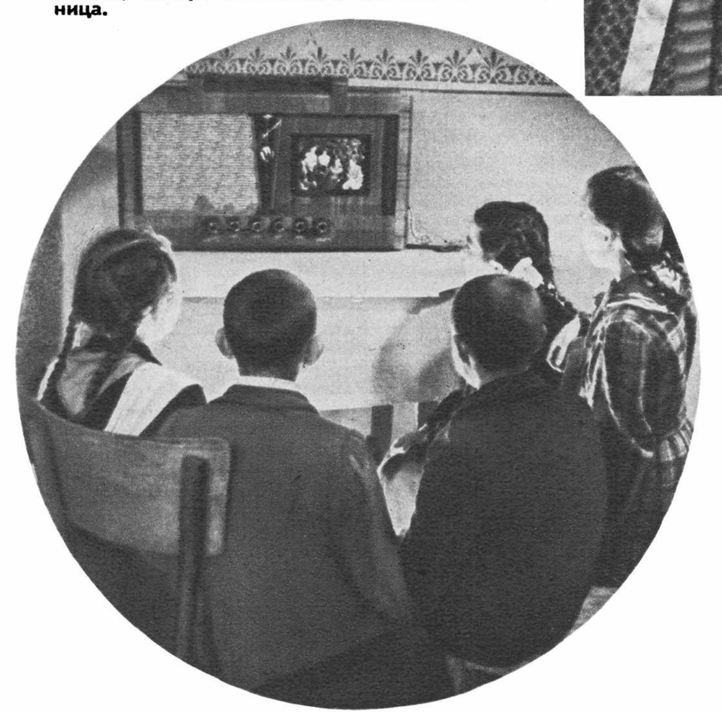
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

В украинское село Гоголев мы приехали послушать местный хоровой ансамбль, но неожиданно попали на концерт артистов Академического театра украинской драмы имени Ивана Франко. Оказалось, что в село часто приезжают из Киева артисты, ученые, лекторы. Рядовое село Гоголев, Броварского района, живет интересной, культурной жизнью.

Лучшие здания здесь занимают культурно-просветительные учреждения. В селе — три школы, четыре библиотеки, три клуба, больница.

В нарядном зале нового клуба, выстроенного промысловой артелью, часто устраивают вечера художественной самодеятельности. Хоровой ансамбль репетирует здесь свою новую программу.

В пионерской комнате одной из школ установлен телевизор. Много радости приносит он детворе.

На главной улице бросается в глаза красивый каменный дом. Это недавно выстроенная сельская чайная.

Директор чайной П. И. Хан говорит, что здесь ежедневно готовят 200 порций горячих кушаний. В меню 10—12 наименований. В чайной можно хорошо позавтракать, пообедать, поужинать.

В колхозе «Червона Украина» сооружен свой радиоузел мощностью в 2 500 радиоточек. Радист П. К. Савеленко сообщает, что репродукторы установлены у всех колхозников. Многие имеют радиоприемники.

Неподалеку — здание промтоварного магазина. Торговля идет бойко. В отделе культтоваров заведующий колхозным гаражом П. Т. Шевель выбрал себе велосипед. Он купил машину Минского завода.

В течение месяца сельский магазин продал на 50 тысяч рублей различной мануфактуры, 10 велосипедов, 3 патефона, 3 телевизора «Ленинград», платяные шкафы, диваны, буфеты и много других товаров.

В. ШУМОВ

Как мы должны питаться?

Профессор О. П. МОЛЧАНОВА,
директор Института питания Академии медицинских наук СССР

Разумное питание, по существу говоря,— основа нашего здоровья и долголетия. Вот почему свыше четверти века назад в нашей стране впервые в мире родился специальный Институт питания, позже переданный Академии медицинских наук СССР.

В институте, его лабораториях, изучают качество и свойства продуктов, определяют их калорийность, витаминозность, их достоинства и недостатки. Здесь разрабатывают рациональные основы питания здорового человека в зависимости от профессии, возраста, климата, времени года. Здесь создается рецептура новых блюд и консервов, способы предохранения продуктов от порчи; в клинике проверяются и уточняются методы лечебной диэты.

Каждому известно, что пища состоит из белков, жиров, углеводов, минеральных солей, витаминов и воды. Они и строительный материал и своеобразное «горючее» нашего тела, дающее энергию для физической и умственной деятельности.

Доказывать важность питания — значит ломиться в открытую дверь. Но можем ли мы с уверенностью сказать, что хорошо знаем, как питаться правильно, как лучше распределять пищу на протяжении дня, недели, чтобы она приносила наибольшую пользу, сколько раз в сутки следует есть: два, три или больше? Из чего должно слагаться меню?

Долголетние наблюдения и опыты, проведенные в лабораториях института, неопровержимо подтверждают, что правильное, подчиненное строгому ритму питание — верное средство для того, чтобы укрепить здоровье, повысить работоспособность, усилить стойкость организма к различным инфекционным заболеваниям.

Некоторые думают, что есть надо, когда взбредет на ум, как только «засосало под ложечкой», и чем чаще, тем лучше. Так ли это? Нет, не так, исключая, конечно, те случаи, когда речь идет о больном или выздоравливающем. Но и тогда следует советоваться с врачом.

Здоровый человек должен питаться правильно, регулярно, строго соблюдая режим: есть в твердо установленные часы, я бы сказала, по расписанию. Среди ученых по этому поводу нет разногласий.

Регулярность как бы «настраивает» пищеварительные железы: к началу еды они выделяют аппетитный, или, как образно говорил великий физиолог И. П. Павлов, запальный сок, содержащий вещества, называемые ферментами. Под их влиянием самые сложные пищевые вещества расщепляются на более простые, способные переходить в раствор и через ворсинки, устилающие стенки кишечника, проникать в кровь или лимфу.

Если же есть как попало, то налаженная деятельность этих желез нарушается, действуют они невпопад, пища плохо усваивается.

Десятки научных трудов посвящены вопросу, сколько раз есть и как распределять дневной рацион. Мы поставили много опытов и исследований. Об одном из них я хочу рассказать.

Было разработано меню для молодого человека, куда входило 110 граммов белков, 75— жиров и около 500— углеводов. Рацион, качественно совершенно одинаковый, содержал 3 200 больших калорий. (Одна большая калория — это количество тепла, потребное, чтобы нагреть на один градус литр воды.)

В исследовании участвовала группа студентов Первого медицинского института. Все они, повторяю, получали одинаковое разнообразное меню.

Первые две недели группа питалась дважды в день: в 8 часов утра и в 8 вечера. Рацион был распределен на две равные доли. Несмотря на то, что еды было вполне достаточно, студенты испытывали к вечеру чувство голода, а после приема пищи — тяжесть в желудке, спали плохо, белок всасывался хуже, чем обычно.

Следующие две недели группу кормили трижды: в 8 утра давали 30 процентов суточного рациона, в 3—4 часа дня — 50 процентов и в 8—9 вечера — остальные 20. Такая частота оказалась удовлетворительной: голод не ощущался, вовремя пробуждался аппетит, белок усваивался много лучше.

В пятую и шестую недели пища давалась четыре раза. Завтрак, обед, ужин в те же часы, но в перерыве между лекциями, в 11—12 часов, студенты получали дополнительно второй, легкий завтрак — бутерброды,— составленный за счет уменьшения рациона первого завтрака и обеда. По единодушным отзывам студентов, такой режим самый лучший, самый полноценный.

Вслед за тем группа получала сначала пятикратное, а потом и шестикратное питание, что, по общему мнению, вызывало раздражение, аппетит пропал, еда не доставляла никакого удовольствия, наоборот, стала тягостной обязанностью.

Подобные наблюдения были проведены несколько раз. Результаты одни и те же. Каковы выводы? Здоровый взрослый человек должен есть четыре раза в день, минимально — три. Конечно, нет правил без исключения. Например, людям, склонным к полноте, следует есть не чаще трех раз, не перегружая себя обильной едой. На ужин полагается лишь стакан простокваши, кефира.

Почему главная часть пищи должна приходиться на утро и середину дня? Это — возмещение расходов организма на работу, физическую или умственную, это — пополнение его запасов. Пища, богатая белком,— мясо, рыба, бобовые — вызывает энергичное отделение желудочного сока, усиливает обмен веществ, возбуждает активность нервной системы. Ночью, во сне, пищеварение замедляется, желудочно-кишечный тракт отдыхает, белок всасывается «лениво».

Правильный режим питания, естественно, должен быть согласован с режимом рабочего дня. Это значит, что обеденный перерыв надо использовать по назначению: для обеда. Тогда и работа будет спориться, увеличится ее производительность.

Отметим еще одно обстоятельство, о котором иногда забывают. Установлено, что такие заболевания, как гастрит, язва желудка и двенадцатиперстной кишки, хронические колиты,— чаще всего следствие неправильного питания. Особенно строго должны соблюдать режим работники, ведущие сидячий образ жизни и напряженную умственную деятельность.

Однако ритмичность не единственное условие рационального питания. Не менее важно разнообразить меню. Напрасно некоторые думают, что белки — это только мясо или, в крайнем случае, рыба. Белки содержатся почти во всех продуктах (кроме чистого жира и сахара): в яйцах, молоке, крупах, хлебе, овощах.

Люди, предпочитающие мясо и изделия из него, полагают, что это заменяет все остальное, что отнюдь не соответствует действительности. Чрезмерное увлечение мясными продуктами приводит к тому, что меньше потребляется углеводов, минеральных солей и витаминов. А они необходимы: лучше усваиваются белки.

Существует мнение, что пожилым людям мясо противопоказано, чуть ли не вредно. Это неверно. Мясо полезно в любом возрасте, особенно отварное. Однако мясной суп, насыщенный экстрактивными веществами, пожилым не следует есть ежедневно. Его заменяют овощным, хорошо и вкусно приготовленным.

Организм нуждается также в жирах: в сливочном, топленом масле, сале, подсолнечном масле, маргарине и т. д. Животных жиров нужно потреблять не меньше одной трети общего их количества.

Углеводы в питании занимают большое и важное место. Они содержатся в хлебе, крупе, картофеле, овощах, ягодах и фруктах. Ученые различают углеводы крахмала и сахара. Если углеводов поступает достаточно, то они откладываются в печени и мышцах про запас. Если же их слишком много — избыточное питание,— то они превращаются организмом в жир. Доказано, что и жиры и углеводы могут образовываться также из белков.

Важную роль играют витамины и минеральные соли. Их отсутствие вызывает заболевания, подчас тяжелые. Сейчас открыто несколько десятков витаминов. И у каждого из них свои функции. Без витаминов организм не может существовать. Они содержатся в продуктах животного и растительного происхождения, в сливочном масле, овощах, фруктах.

Каково должно быть соотношение между пищевыми веществами, сколько ежедневно нужно съедать продуктов с наибольшей пользой для организма? Белков и жиров приблизительно по 100 граммов, углеводов — 400—500.

Вот примерный суточный набор продуктов для одного человека (в граммах):

Хлеб пшеничный и ржаной	400
Мука пшеничная	25
Макароны	10
Крупа и бобовые	30
Мука картофельная	5
Картофель	300
Овощи разные	325
Фрукты и ягоды	240
Сахар и сласти	100
Яйцо	1 штука
Мед	5
Растительное масло	10
Мясо и мясопродукты	200
Рыба и рыбопродукты	100
Молоко	500
Масло сливочное и топленое	50
Творог	30
Сметана	20
Сыр	20

Не обязательно, конечно, съедать все эти продукты в один день. Например, из 10 граммов макарон, указанных в таблице, мудрено что-либо сделать. Однако за неделю набирается 70 граммов. Это запеканка, отварные макароны с сыром или два раза в неделю гарнир к мясному блюду. То же можно сказать и по поводу рыбы, круп, сметаны, сыра.

Естественно, что возможны всякие иные варианты, замена одних продуктов другими. Мы привели список наиболее распространенных, полный занял бы несколько страниц.

Многие интересуются: как велика калорийность того или иного продукта? Приведем несколько примеров. Так, говядина в 100 граммах в среднем содержит 131 калорию, баранина — 167, свинина полусальная — 213, судак — 40, сельдь соленая — 113, молоко — 64, сметана — 287, масло сливочное — 742, подсолнечное — 882, хлеб пшеничный — 230, ржаной — 190, крупа гречневая — 312, печенье — 409, картофель — 63, капуста свежая — 20, морковь — 30, яблоки — 40, орех-фундук — 308, апельсины — 28.

Овощи и фрукты обладают малой калорийностью. Достоинство их в другом: они в обилии содержат витамины и минеральные соли, столь необходимые для здоровья и хорошей трудоспособности.

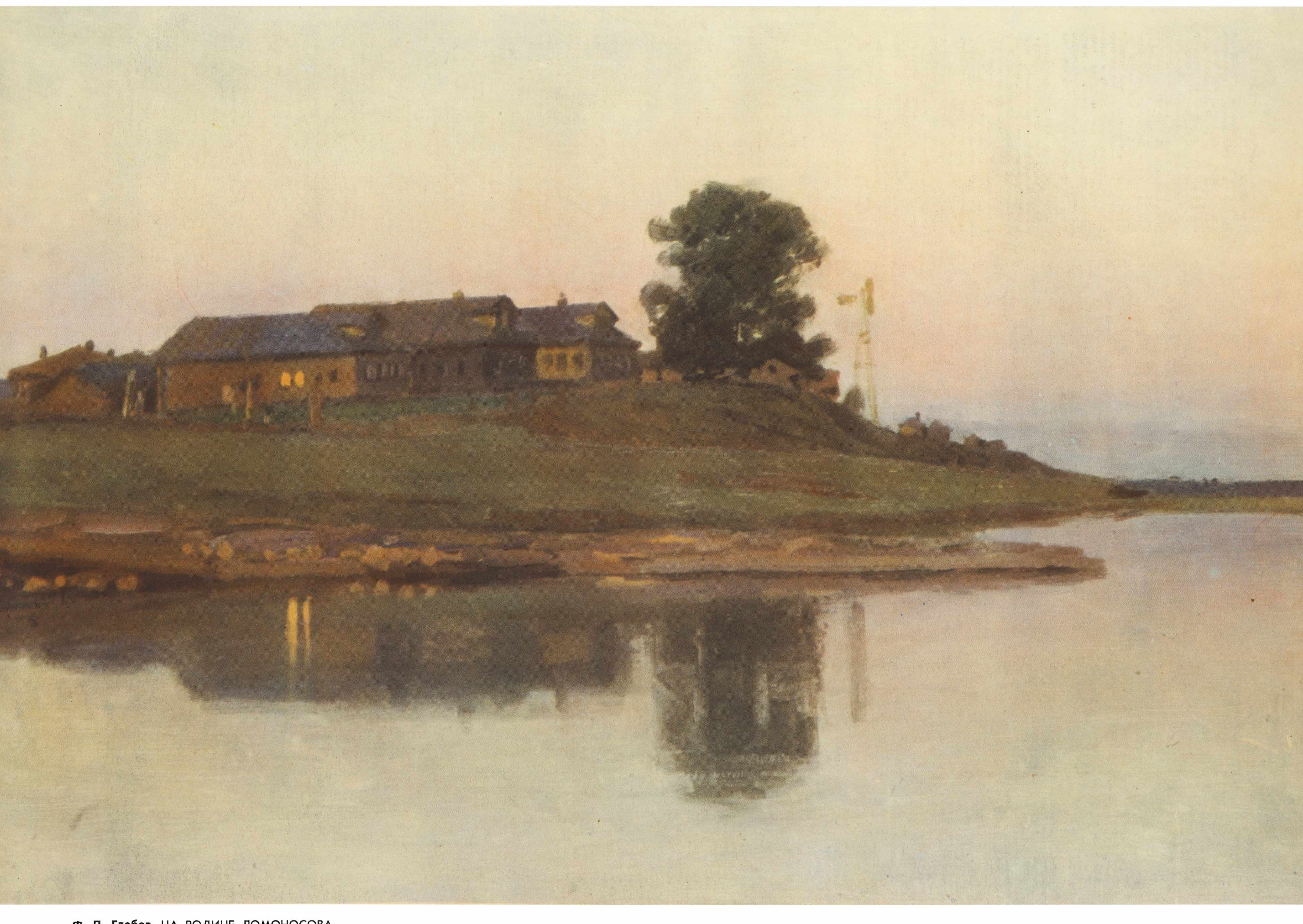
И еще одного нельзя упускать из виду: вкуса приготовленной еды. Вкусная, она возбуждает аппетит, способствует лучшему усвоению пищи. И. П. Павлов, основатель подлинной физиологии пищеварения, считая аппетит, страстное желание еды, серьезным фактором питания, раздражителем нервов желудочных желез, писал: «Сильный аппетит при еде — значит, обильное отделение с самого начала еды сильного сока; нет аппетита, нет и этого начального сока; возвратить аппетит человеку,— значит дать ему большую порцию хорошего сока в начале еды».

Об этих павловских словах всегда надо помнить.

В лаборатории пищевой технологии Института питания Академии медицинских наук СССР. Инженер-технолог З. В. Кочеткова и научный сотрудник В. И. Курко приготовляют новые виды консервов.

Фото О. Кнорринга.

Ф. П. Глебов. НА РОДИНЕ ЛОМОНОСОВА.

А. М. Ананьин. ЗНАТНЫЙ ТЕХНИК-ОЛЕНЕВОД КАМЧАТКИ АЛЕКСАНДР РАЙТЫНОВИЧ ХУТЫК.

Областная сельскохозяйственная выставка в Ростове-на-Дону. Площадка механизации.

Фото А. Гостева.

КОЛХОЗНАЯ ВЫСТАВКА

Знакомство с достижениями колхозного Дона началось несколько необычно. У самого входа на Ростовскую областную сельскохозяйственную выставку мы увидели коренастого казака с бутылкой шампанского в руках.

— Иди, Петр Никифорович,— кричал он кому-то,— выпьем за диплом 1-й степени, выпьем нашего степного шампанского!

— Успеем,— отвечал неторопливый голос.— Идем лучше к нашему стенду. Увидишь, что у нас за дела. Семьи по четырнадцати тысяч на трудодни одними деньгами получили. Экспонаты, глянь, какие!

— А шампанское тебе не экспонат? — не унимался казак.

Совхоз «Реконструктор» разбил 380 гектаров виноградника, разработал специальные методы глубокой посадки лозы и обработки почвы. И вот солнечный золотистый сок наполнил тысячи бутылок с этикетками «Шампанское», «Алиготе», «Мускат»...

Останавливаемся в павильоне растениеводства.

Огромные дыни, тыквы, пятнадцатикилограммовые арбузы, мешки с пшеницей ярусами расположились в павильоне. Вот картофель. Есть даже поэтичные названия сортов, например, «Ранняя Роза». В колхозе имени Молотова, Мясниковского района, с помощью Ростовской опытно-селекционной станции был собран обильный урожай картофеля.

Трудно решить, на чем сосредоточить внимание. Хочется поговорить с чабаном колхоза «Пролетарий» В. Н. Ковалевым, вырастившим таких овец, что с каждой из них снимают по 7 килограммов шерсти. Нельзя не залюбоваться красавцем-конем Зонтом, которого гордо ведет юный конюх.

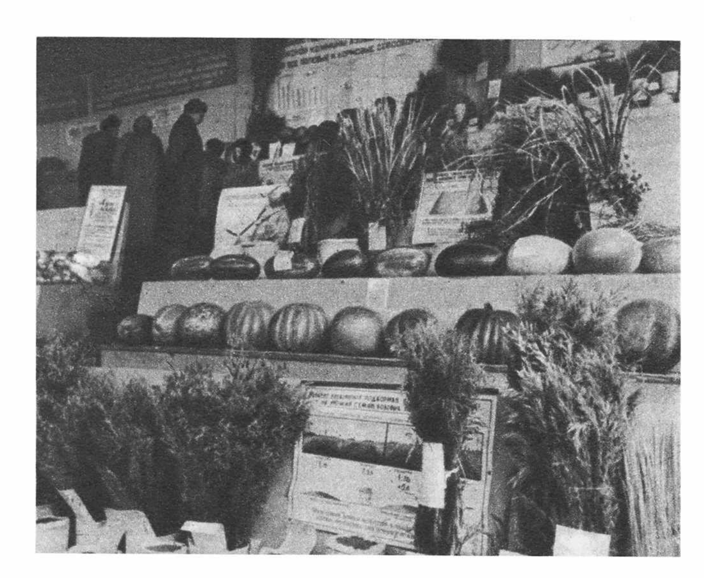
Об успехах птицеводов совхоза «Гигантовский» красноречиво говорит надпись над сеткой: «165 яиц на одну несушку в год».

Мы подходим к экспонату, который не всегда можно встретить на сельскохозяйственной выставке. Это нутрии Багаевской фермы. Женщина бережно отправляет в домик самку и объясняет свое беспокойство:

— Сквозняка боятся. А животное дорогое. Самочка до двадцати детенышей в год приносит, тысячи рублей прибыли дает.

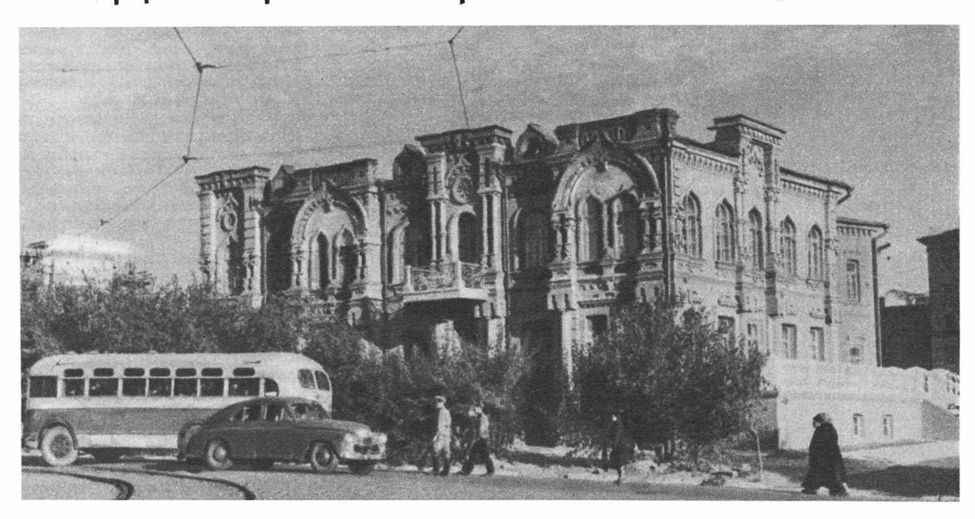
На площадке механизации знакомимся с работами сельских изобретателей. Перед нами самоходная зерноочистительная машина, сконструированная Тимофеем Максимовичем Церютой. Двигаясь по току, эта машина сама очищает, взвешивает, а если нет свободного грузовика, то и транспортирует зерно. Пятьдесят тонн за смену! Много старых машин переоборудовано и реконструировано сельскими умельцами.

Е. ТАРХАНОВА

В павильоне растениеводства.

Дом архитектора в Сталинграде

Кварталы и улицы, раскинувшиеся на крутом волжском правобережье, еще тянулись сплошной цепью развалин и пепелищ, а в творческих замыслах советских зодчих уже рождался проект нового Сталинграда — города чудесных архитектурных ансамблей, парков, проспектов, дворцов. Прошло несколько лет, и то, что существовало на чертежной кальке, облеклось в металл, камень, дерево.

Нынешней осенью освободился от строительных лесов и дом на Краснознаменной улице. Недавно сталинградские зодчие отпраздновали в этом доме открытие своего творческого клуба — Дома архитектора. Здесь оборудуются музей архитектуры и постоянная выставка проектов Сталинграда.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Фото Ю. Яковлева.

Композитор-песенник

Кто не знает таких подлинно массовых советских песен, как «Катюша», «Летят перелетные птицы», «Лучше нету того цвету», «Солнце скрылось за горою», «Под звездами балканскими», и их автора Матвея Исааковича Блантера, одного из талантливых наших композиторов, мастеров советской песни! И не самое ли большое счастье для советского художника, если его песни вот уже около 20 лет поются во всех уголках нашей страны, а также далеко за ее пределами!

Свое творчество Блантер посвятил почти целиком этому популярному и любимому народом жанру. В предвоенные годы он создает такие песни, как «Партизан Железняк», «Песня о Щорсе», которые получают быстрое и широкое распространение. За ними следуют: «С нами поет вся страна», красноармейская физкультурная, лирические песни «В путь дорожку дальнюю», «Рано-раненько».

Молодежь подхватила его новую песню, «Молодость», в которой поется о том, что

Можно быть комсомольцем ретивым
И вздыхать всю весну на луну.

От песни к песне крепчал голос Блантера, голос, отличный от других композиторов, имеющий свои приметы.

М. И. Блантер — отличный мастер песенного жанра: у него все сказано в мелодии, его песни можно петь без всякого аккомпанемента. Он умеет сделать песню яркой, выразительной, живо схватить характер, образ, и все это простыми средствами, доходчиво, удобно для пения и запоминания.

Жизнь выдвигает перед советскими художниками все новые и новые темы. Желая М. И. Блантеру в день его пятидесятилетия, которое только что отмечалось общественностью, долгих лет творчества, мы верим в то, что он подарит народу еще не одну прекрасную песню.

Ан. НОВИКОВ.

Интервью «Огонька»

Новинки советской радиопромышленности

С. М. ПЛАХОТНИК,
главный инженер Главного управления Министерства электростанций и электропромышленности СССР

...Владелец радиолы перелистал радиопрограмму. Внимание его привлекла опера «Евгений Онегин», которую сегодня транслируют из Большого театра. Рассчитав время, слушатель включает радиолу в тот момент, когда начинается любимая им ария. Одновременно включается приспособление, позволяющее записать арию. Эту запись можно потом воспроизводить в любое время несчетное множество раз. Таким же способом записываются и патефонные пластинки. Нетрудно составить целую библиотеку подобных записей и устраивать дома радиоконцерты «по заявкам гостей».

Скоро такие радиолы появятся в продаже. В 1954 году покупатель сможет приобрести также магнитофонные приспособления к уже существующим радиолам.

Предприятия советской радиопромышленности с каждым годом дают потребителю все больше приемников. С 1946 по 1953 год их выпуск вырос вшестеро. В магазины поступают сейчас приемники «Москвич», «Рекорд», «АРЗ», аппараты более высокого класса — «Рига», «Балтика», «Мир», пользующийся большим спросом в колхозах батарейный приемник «Родина», радиолы «Кама», «Урал», «Рекорд». Наименования сохраняются прежние, но конструкция и внешность приемника улучшаются. Поставьте рядом приемники «Родина» выпуска 1946 и 1953 годов. Они совершенно непохожи друг на друга ни по оформлению, ни по техническим данным. «Рекорд», который недавно появился на полках магазинов, ничем не напоминает своего «тезку» образца прошлых лет: другая форма ящика, более изящная отделка.

В ближайшие месяцы с конвейера сойдут приемники «АРЗ» с футлярами разных тонов — темновишневыми, темносиними, цвета слоновой кости, с золотистыми накладками. Покупатель может подобрать приемник под цвет мебели.

Одновременно с усовершенствованием уже известных марок в научных институтах, конструкторских бюро и в заводских цехах работают над созданием новых образцов.

В 1954—1955 годах колхозная деревня получит батарейный приемник «Искра». Благодаря своей дешевизне и неприхотливости он, несомненно, завоюет популярность. Размерами он меньше «Родины» и потребляет меньше энергии.

Намечен к выпуску приемник «Байкал», который будет принимать станции, работающие на ультракоротких волнах. Схожая схема легла в основу разрабатываемой ныне радиолы.

Уже испытан четырехламповый приемник «Дорожный», с виду напоминающий миниатюрный чемоданчик. Питание комбинированное — от размещенных в чемоданчике батарей и от электросети. Переключение производится легко и быстро. Запас батарей рассчитан на 30 часов непрерывного действия. Оригинальная антенна находится в самом приемнике. «Дорожный» незаменим в туристских походах, в дальних поездках, в экспедициях. Им можно пользоваться и в купе поезда, и на пароходе, и на привале в лесу.

Нельзя не высказать нескольких замечаний в адрес трех министерств — лесной и бумажной промышленности, химической промышленности и промышленных товаров широкого потребления.

Часто мы получаем низкосортную фанеру для футляров. Мы очень ограничены в выборе красителей. Нам не дают хорошей и разнообразной драпировочной ткани, а ведь ткань важна не только для оформления, но и для акустических показателей приемника.

Недавно образован художественный совет с участием видных художников и архитекторов. Он займется разработкой новых форм радиоприемников. Уже внесено несколько интересных предложений.

Батарейный приемник «Дорожный».

Игрушки ей по душе...

Скоро елка!

Сотни тысяч елок попадут к маленьким москвичам в этом году. Круглый год вырабатывают московские фабрики игрушек елочные украшения, и все они раскупаются за один месяц. Семь с половиной миллионов дедов Морозов и четыре с половиной миллиона Снегурочек примостятся у елок. Миллионы картонных птичек, рыбок, зверей устроятся на зеленых ветках.

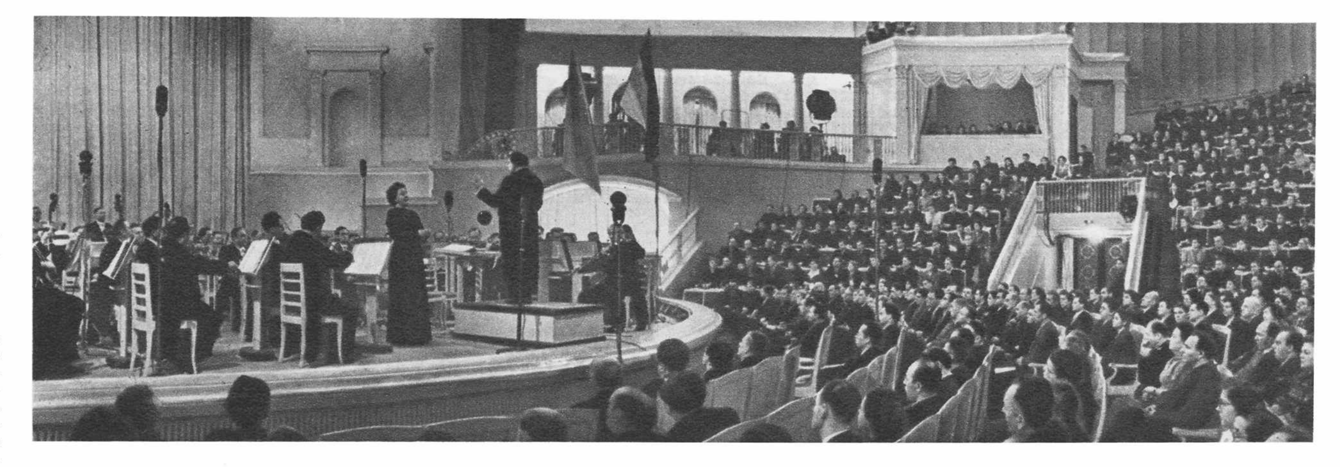
Оригинальные игрушки делает фабрика Бауманского райпромтреста № 2. Пятнадцать новых видов стеклянных украшений приготовила она в подарок детям. Несомненным успехом будут пользоваться златоволосая красавица Людмила и грозный Черномор, Шемаханская царица и царь Додон...

Двадцать восемь миллионов елочных игрушек выпустили фабрики местной промышленности Москвы.

Деды Морозы собрались в поход...
Фото Р. Лихач.

НЕМЕЦКИЕ МУЗЫКАНТЫ

Выступление Государственного симфонического оркестра Союза ССР. Дирижер — лауреат Национальной премии Германской Демократической Республики Франц Конвичный. Арию Элизабет из оперы «Тангейзер» Вагнера исполняет солистка Дрезденской государственной оперы Дора Чилле.
Фото В. Мастюкова (ТАСС).

Лауреат Национальной премии Франц Конвичный вдохновенно дирижирует исполнением Четвертой симфонии Чайковского. Молодой советский скрипач, лауреат Международного конкурса Эдуард Грач талантливо передает музыку 23-летнего немецкого композитора Гюнтера Кохана... Москвичи, посетившие недавние концерты музыкантов Германской Демократической Республики, испытали подлинное художественное удовлетворение. Радостно было видеть тесную и плодотворную связь музыкальных культур двух народов — советского и немецкого. Радостно было еще раз убедиться в том, с какой силой растет, как полно и свободно развивается в Германской Демократической Республике музыкальное творчество и исполнительское мастерство. В стране открываются все новые оперные театры, музыкальные школы. Восстановлен Дрезденский оперный театр. Вскоре откроется Берлинская опера. Более 30 оперных театров республики ставят лучшие произведения отечественной и зарубежной классики, в том числе многие русские оперы. Композиторы Германии работают над новыми оперными произведениями, симфониями. Одно из крупных музыкальных событий последнего времени — новая симфония Пауля Дессау, посвященная памяти немецких патриотов, погибших от рук гитлеровцев.

К числу выдающихся произведений относится и концерт для скрипки с оркестром Гюнтера Кохана, исполнявшийся в Москве под управлением Франца Конвичного. Гюнтер Кохан — один из самых одаренных композиторов республики. Ученик Ганса Эйслера, он завоевал на родине широкую популярность как автор превосходных массовых песен. В своем скрипичном концерте Кохан стремится следовать великим традициям немецкой классической музыки. Мелодичность, самобытность музыкального мышления, темпераментность не могли не привлечь симпатии слушателей к новому произведению молодого автора, яркого представителя современного передового искусства Германии.

Не менее многогранно дирижерское мастерство Франца Конвичного. Под его управлением исполнялись произведения Чайковского, Бетховена, Баха, Брамса, Кохана. Наиболее убедительной и художественно полноценной оказалась трактовка симфоний Чайковского и Брамса. В творении гения русской музыки дирижер чутко уловил и передал его национальный дух, всю контрастность и музыкальную глубину произведений Чайковского.

В течение последних лет вырос и сформировался талант такого мастера, каким предстал перед советской аудиторией органист Амадеус Веберзинке. Необычайно интересными и содержательными оказались его выступления, познакомившие слушателей с малоизвестными в СССР старинными немецкими композиторами. Высоко оценили москвичи мастерство Веберзинке, порадовавшего чрезвычайно разнообразным, красочным по колориту звучанием органа.

Выступления солистки Дрезденской оперы Доры Чилле и пианиста Дитера Цехлина свидетельствовали о высоком исполнительском уровне и, что особенно важно, вновь подтвердили расцвет музыкальной культуры в Германской Демократической Республике.

К. САМОЙЛО

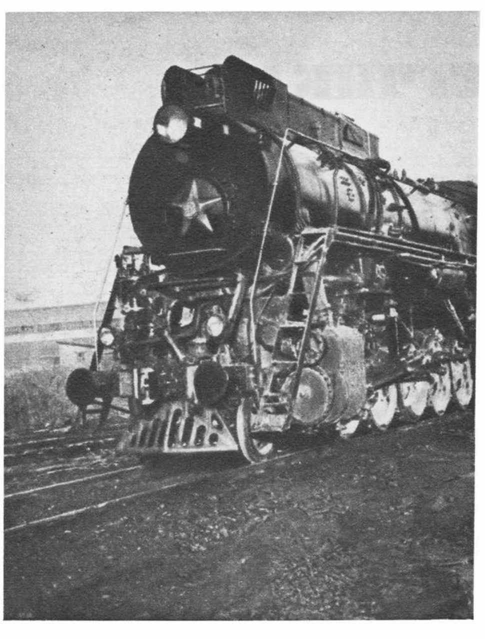
Локомотив «1-5-1»

Хорошо зарекомендовали себя на транспорте паровозы Ворошиловградского паровозостроительного завода имени Октябрьской революции. Недавно на заводе приступили к серийному производству мощных товарных локомотивов «1-5-1». Творцы паровоза — заводские конструкторы Н. А. Турик, Ю. Г. Кириллов, В. В. Бершачевский — создали прекрасную машину, которая по своим качествам — мощности, скорости, экономичности — значительно превосходит многие марки паровозов.

Старший машинист депо Люблино Московско-Курско-Донбасской железной дороги Н. Миляев проводил испытания паровоза, а теперь принял на заводе первый серийный локомотив «1-5-1».

— Мы провели состав из Серпухова в Люблино весом, в полтора с лишним раза превышающим норму, — говорит Н. Миляев.— За поездку сэкономили около 3 тонн топлива.

П. ЛЕВИТИН

Товарный локомотив «1-5-1».
Фото Л. Шлапоберского.

Томов премногих тяжелей...

Все написанное Тютчевым умещается в небольшой книге, но, по слову Фета, «эта книжка небольшая томов премногих тяжелей».

«Уловить именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, — дело величайшей трудности, — писал Некрасов. — Ф. Т. (Тютчев одно время печатался под этими инициалами. — А. З.) в совершенстве владеет этим искусством... Все стихотворения очень коротки, а между тем ни к одному из них решительно нечего прибавить... Каждое слово метко, полновесно...»

Примеченный еще Пушкиным Тютчев поныне занимает особое почетное место в нашей поразительно богатой и разнообразной литературе. Он оказал большое влияние на развитие русской поэзии.

В Большом зале Московской государственной консерватории состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения поэта. Доклад «Поэзия Ф. И. Тютчева» сделал член-корреспондент Академии наук СССР Д. Д. Благой.

А. ЗАЙЦЕВ

На торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева.
Фото О. Кнорринга.

«Большое кольцо» магазинов

На левом берегу Аму-Дарьи, ближе к низовьям, есть небольшой районный центр Кара-Калпакии — Ходжейли. Пустыня отделяет его от крупных промышленных и культурных центров Узбекистана. Лишь год назад сюда дошла железная дорога, а раньше большинство грузов доставлялось по реке.

Зайдите в магазины Ходжейли, и вы увидите те же товары, что и в Ташкенте. Ходжейлинскому потребительскому обществу принадлежит в районе больше тридцати магазинов, несколько столовых, десятки ларьков. За девять месяцев этого года в районе продано товаров на 66 миллионов рублей.

Каждый день из Ходжейли в дальние села выезжают груженные товарами автомашины. Они возвратятся нескоро: предстоит объехать «большое кольцо» колхозных магазинов. Кольцевые маршруты ускоряют доставку товаров, сберегают время сельских кооператоров — заведующему не нужно ехать на базу.

Недавно в центре Ходжейли освободился от лесов новый клуб, построенный на доходы членов потребительской кооперации. Это — самое большое и красивое здание поселка. В клубе прекрасный зрительный зал на 300 мест, читальня, буфет, подсобные помещения.

...Три переходящих красных знамени завоевали кооператоры Ходжейли. Одно из них — ВЦСПС и Центросоюза.

Н. НЕСТЕРОВА

В магазине готового платья.
Фото Г. Графкина.

ЕГО ИМЯ В КНИГЕ ПОЧЕТА

Рыбак Н. А. Ананьев.
Фото А. Жидкова.

Более сорока лет в Вологодской области проработал Николай Александрович Ананьев. Каждое утро в любую погоду уходил он осенью и весной на ловлю особого кубено-озерского леща, щуки, нельмы. С горизонтом сливалась крохотная точка — лодка, исчезавшая в просторах озера, разлившегося на десятки километров среди вологодских лесов.

Рыбаки до сих пор передают друг другу, как однажды, пробыв на озере три часа, Николай Александрович привез 17 тонн леща, другой раз — 16 тонн.

Замечательный рыбак, воспитавший много молодых промысловиков, занесен в Книгу почета Вологодского рыбтреста.

Сейчас Николаю Александровичу за семьдесят. Пора бы и отдохнуть, но попрежнему неутомимо трудится старый рыбак. Правда, специальность его несколько изменилась: сейчас Николай Александрович не ловит, а разводит рыбу.

— Хочу, чтобы снова родилось столько рыбы, сколько попало в мои сети,— шутя сказал он нам.

Николай Александрович вырастил уже более 100 тысяч мальков. Не так давно он вместе с братом Александром, тоже старым рыбаком, впервые попробовал вырастить мальков нельмы — дорогой рыбы.

И. ВОЛК

Низами Ганджеви

К 750-летию со дня смерти

Восемь веков назад в Ширванском шахстве, в городе Гандже (ныне Кировабад), у поэта Ильяса Юсуф оглы Низами выдалось счастливое утро: он оглянулся на пройденную им достойную дорогу, и в сердце его были покой и гордость:

Не хмурил я изогнутых бровей,
Читая строки старости своей.

...Но в то же утро он получил от своего покровителя, феодального владыки, чужеземца-завоевателя Ширван-шаха, изящное и учтивое послание. Приказ не приказ, просьба не просьба, нечто среднее: пожелание, чтобы поэт написал новую поэму. Но в бочке сладчайшего шахского меда была, как водится, ложка дегтя:

Нам не приличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык.
Раз мы знатны и саном высоки,
Высокие да слышим языки!

Трагически прозвучали для поэта эти чванные слова. Он вспомнил, что в его ухе горит рабское кольцо, что он остается зависимым человеком, обязанным потрафлять вкусу и обычаю чужеземца. И тогда сын поэта, пятнадцатилетний мальчик, нашел для отца слова утешения: «Твои владенья — не Ширван, а мир!»

Должны были пройти очень долгие исторические сроки, чтобы предсказание мальчика действительно сбылось и во «владении» гениального поэта оказался весь мир. Это значит, что сегодня сквозь века мы можем услышать живой и страстный голос Низами.

В творениях великого азербайджанского поэта всегда присутствует простой народ: городские ремесленники, кожевники, гончары, лудильщики меди, каменщики — все, кто создавал своими руками культуру. Когда Низами говорит с владыкой или даже с самим аллахом, он говорит только от имени этих простых людей, от имени народа. И голос его полон достоинства, глубокой веры в высокое предназначение человека:

Псом, сторожащим чей-то дом, не будь,
И кошкой под чужим столом не будь!
Гори своей смолой, своим запасом,
Гори, как факел, хоть коротким часом!
Я Низами. На пиршестве любом
Султан вселенной служит мне рабом.

Поэмы Низами полны правды об окружавшем его мире. Тут и воины-завоеватели, и рыночная толпа, освещенная полуденным солнцем, и беснующиеся дервиши, и толстосумы в белых бурнусах, и паломники Каабы. Перед нами встает также и материальная культура средневекового Кавказа: обожженная глина, узор на шелковой ткани, несравненная сталь холодного оружия, весь инвентарь наивной и мудрой медицины того времени.

Русские читатели по-настоящему познакомились с Низами в последние годы, когда его поэмы были переведены на русский язык. Поэма «Искандер-наме», представляющая собою как бы итог долгой творческой жизни Низами, свод накопленной им мудрости и знания, только что вышла в Москве, заново переведенная К. Липскеровым.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

НА РОДИНЕ ЛЕТЧИКА

К пятнадцатилетию со дня смерти В. П. Чкалова

У крутого берега волны покачивают лодки. Коренастый загорелый подросток лет двенадцати уверенно поднимается на площадку вышки. Ненадолго приостановившись на площадке, он вытягивается, подняв над головой сложенные ладонями внутрь руки. Еще мгновение — и фигурка мальчугана распласталась над рекой. И вот уже далеко, почти на середине Волги, показались светловолосая голова и взлетающие над водой руки...

Этой обычной на Волге картиной минувшим летом встретил нас Чкаловск — бывший поселок Василёво, где родился и провел свое детство Валерий Павлович Чкалов. Вот таким же крепким и смелым был и он сам. Здесь он учился любить родную страну, для которой жил, которой были отданы все его помыслы.

...В полускрытом разросшимися яблонями домике-музее собраны личные вещи Чкалова — от потрепанного, видавшего виды школьного ранца до красной книжки депутата Верховного Совета СССР, документы и фотографии, рассказывающие о трудном и славном пути великого летчика.

Один из интереснейших разделов музея посвящен Чкалову — летчику-испытателю. Строго проверяя созданные советскими конструкторами машины, оттачивал он свое летное мастерство, передавал его молодежи. Больше 800 полетов совершил за два года Валерий Павлович. 5 мая 1935 года В. П. Чкалов, как лучший летчик-испытатель новых истребителей, был награжден орденом Ленина.

В одной из комнат сохранилась обстановка, которая была там, когда Чкалов приезжал на родину. В шкафчике размещена библиотека, подаренная летчику Василёвским райкомом партии. На стене картина: краснокрылый «АНТ-25» над Охотским морем. Середину комнаты занимает большая витрина с глобусом, на котором проложена трасса грандиозного перелета Москва — остров Удд. Копии радиограмм, подписанных руководителями партии и правительства, свидетельствуют о неустанной заботе и внимании советского народа к героям.

Бортовой журнал перелета Москва — Северный полюс — США, костюм, в котором был Чкалов в полете, даже копейка, совершившая дальнее путешествие в кармане Валерия Павловича... И вот, наконец, снова Москва, встречающая отважных соколов снегом приветственных листовок...

Хорошо после перелета отдыхать в родном Василёве! Окруженный земляками, улыбается Чкалов. С ними он ходит на рыбалку, бродит с ружьем по заросшим берегам любимой Волги. Любо ему, былому предводителю ребячьей ватаги, подняться в небо со стариками, не раз журившими когда-то мальчика за отчаянность.

Здесь, в комнатах музея, особенно понятным становится то огромное влияние, которое оказал Чкалов на сердца и умы молодежи. Боевыми подвигами заслужила звание Героя Советского Союза землячка Валерия Павловича — Руфина Гашева. Отдал жизнь за Родину чкаловец-летчик Евгений Павлов. Валерий Чкалов защищал свою страну и после смерти: о Родине думали колхозники-горьковчане, построившие на трудовые сбережения эскадрилью «Валерий Чкалов».

Особый раздел музея посвящен Чкалову-депутату. В папках собрано множество писем избирателей. Лаконичные строки записей Чкалова свидетельствуют, с каким вниманием относился он к судьбе каждого человека.

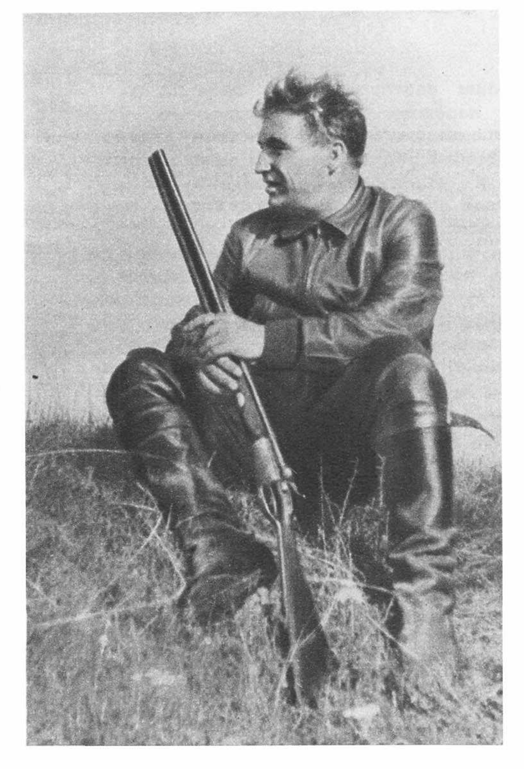
Маленький Чкаловский район передовой в Горьковской области. Славится он своими замечательными льноводами. В послевоенные годы группе колхозниц района было присвоено звание Героев Социалистического Труда. Много вышло из Чкаловска инженеров-судостроителей, педагогов, геологов.

Хочется поскорее миновать последнюю из комнат дома-музея... Траурные венки и флаги, костюм и шлем пилота в пятнах крови — все это никак не вяжется с обликом великого летчика наших дней, сильного, смелого, всем сердцем любившего жизнь.

Рядом с домом построен небольшой ангар. Здесь стоит краснокрылый «АНТ-25», пронесший летчика над просторами родной страны, а потом и надо льдами Северного полюса. Под сенью крыльев «АНТ-25» скромный «У-2» — личная машина В. П. Чкалова — и два истребителя, первые модели которых испытывал летчик.

Когда выходишь из ангара в сад, кажется, что вот-вот покажется и сам Валерий Павлович, сорвет с яблони наливную антоновку и, улыбнувшись, скажет: «Слетаем вокруг шарика?..»

Н. СОЛОВЬЕВА

В. П. Чкалов. Снимок 1937 года.
Фото Н. Капелюша.

Борьба рабочих Англии

Письмо из Лондона

Джордж СИНФИЛД

Более пяти миллионов английских рабочих вступило в острую борьбу за повышение заработной платы. Сравнительно недавно две с половиной тысячи лондонских транспортников бросили работу вопреки приказам правых руководителей своего профсоюза. Как и всегда, крупные капиталистические газеты, распространяемые в миллионах экземпляров, постарались массовое движение рабочих изобразить как «коммунистический заговор».

Сейчас движение охватило главным образом машиностроителей, горняков и железнодорожников. Машиностроители и железнодорожники требуют повышения заработка на пятнадцать процентов, что составляет примерно фунт стерлингов в неделю; горняки добиваются увеличения заработка на двенадцать шиллингов в неделю. В борьбу включилось около трех миллионов рабочих-машиностроителей, более четырехсот тысяч горняков и около полумиллиона железнодорожников. Предприниматели дважды отклоняли требования рабочих.

В ответ машиностроители останавливали работу многих предприятий на полчаса — час в день. И наконец второго декабря объявили 24-часовую забастовку. В ней приняло участие свыше двух миллионов рабочих Лондона, Белфаста, Ньюкасла, Глазго, Ливерпуля, Шеффилда и других центров машиностроения и судостроения. Рабочее движение в Англии не знало такого размаха со времен всеобщей забастовки 1926 года.

Рабочие знают, что уровень прибылей капиталистов исключительно высок. В одной только национализированной угольной промышленности до сих пор бывшим угольным баронам выплачивается в порядке «компенсации» около пятнадцати миллионов фунтов стерлингов в год. В национализированном транспорте такие выплаты составляют свыше тридцати трех миллионов фунтов. К тому же шахты и железные дороги рассматриваются как «общественные предприятия», и налоги в этих отраслях промышленности ниже по сравнению с частновладельческими предприятиями. В результате крупные монополисты, например, в стальной индустрии, получают уголь по «сходной» цене — на целых пять с половиной фунтов за тонну дешевле, чем платит за уголь английская домохозяйка.

Машиностроительные предприятия находятся в руках частных владельцев. Здесь огромные прибыли обеспечиваются правительственными заказами на вооружение и на машины для экспорта. Выдвигая требование о повышении заработной платы, профсоюзы этой отрасли промышленности приводят убедительные цифры: в 1952 году валовая прибыль, полученная капиталистами, поднялась до четырех — пяти фунтов стерлингов в неделю с каждого из трех миллионов рабочих, занятых на машиностроительных предприятиях.

Борьба английских рабочих за справедливую заработную плату — это, по существу, борьба против политики, которая преследует одну цель: стимулировать приток капитала из мирной промышленности в военную. Непомерно раздутый военный бюджет, составляющий 1 миллиард 636 миллионов фунтов стерлингов, ложится колоссальным бременем на народные массы. Бюджетная политика правительства ни в малейшей степени не облегчает этого бремени. Некоторое сокращение налогов ничего не дало семейному англичанину, имеющему двух детей и получающему менее десяти фунтов в неделю. Зато это сокращение на целых два фунта в неделю снизило расходы тех, кто получает доход в пятьдесят и более фунтов. Таким образом, нынешний бюджет остается бюджетом богатых.

Движение английских рабочих за повышение заработной платы говорит о том, что трудящиеся Англии все более настойчиво требуют политики мира и удовлетворения мирных потребностей народных масс.

Лондон, ноябрь.

Митинг у колонны Нельсона на Трафальгарсквер в Лондоне. Рабочие-машиностроители требуют повышения заработной платы на 15%.

«Я возвращаюсь домой...»

СЕ МАН ИР

Тонжанни—местность южнее 38-й параллели, рядом с Паньмыньчжоном. Здесь нейтральная территория, где военнопленные корейско-китайской стороны высказывают свои желания перед комиссией нейтральных государств по репатриации.

Идет осенний утренний дождь. Вершины горы Сонаксан, мощно вздымающейся в небо, покрылись тяжелыми свинцовыми тучами.

Три с половиной года тому назад здешние поля изумляли глаз буйными всходами. Теперь все тонет в непролазном болоте, разделенном на участки, окруженном безобразной изгородью из колючей проволоки. Внутри ограды, сколоченные на скорую руку, стоят 16 бараков. По обе стороны — ворота, охраняемые 3—4 индийскими солдатами.

Холмы, окружающие передаточный пункт, окутаны густым туманом, а внизу, багровые, как солнечный закат, стоят осенние клены.

Зайдем внутрь помещения. Около индийских представителей — члены комиссии нейтральных государств. Сзади сидят переводчики «войск ООН», переводчики корейской Народной армии и китайских народных добровольцев. В середине помещения разместились офицеры корейской Народной армии, проводящие разъяснительные беседы, представители Корейской Народно-Демократической Республики и наблюдатель — представитель китайских народных добровольцев. Тут же корреспонденты газет различных стран.

Начинается разъяснительная беседа с теми, кого американская сторона именует «антикоммунистическими военнопленными» и которые якобы «не хотят» возвращаться на родину.

В сопровождении трех солдат индийской охраны военнопленный Син Ген Мин входит в помещение. Из лагеря военнопленных, находящегося за холмом, доносятся беспорядочный грохот барабана и визгливые крики. Это беснуются лисынмановские агенты.

Пленный стоит, весь съежившись. Человек дрожит, как от сильного холода, и все время делает такие движения, словно хочет убежать. Солдат индийской охраны кладет ему руку на плечо.

Говорит представитель Индии:

— Мы являемся представителями пяти нейтральных стран — Чехословакии, Польши, Швеции, Швейцарии и Индии,— которые составляют комиссию по репатриации военнопленных. Сейчас последуют разъяснения и некоторые вопросы. Если в задаваемых вопросах будет содержаться насильственное воздействие, то вы имеете право не отвечать.

Син Ген Мин приподымает голову. Он хочет что-то сказать, но губы его дрожат и слова застревают в горле.

На него глядят сквозь очки злые глаза американского офицера. Кореец отворачивается и сразу же видит жестокую усмешку лисынмановца.

— Товарищ, вы много перенесли страданий за все это время?

Спокойный, ободряющий голос придает Син Ген Мину силы. Глаза его широко раскрываются. Кто это? Не офицер ли Народной армии? Как он хотел этой встречи, как мечтал о ней!

Син Ген Мин еще раз пытается что-то сказать. Но с пересохших губ не срывается ни одного слова. Раздавшийся в это мгновение притворный кашель возвращает его к действительности. Повернув голову, он встречается с колючим взглядом американского корреспондента.

Син Ген Мин пристально вглядывается в этого человека. Сегодня он в форме корреспондента «войск ООН». Но на самом деле это лисынмановец, да, тот самый. Сейчас в руках у него вместо пистолета и дубинки авторучка и блокнот, но несколько месяцев назад он по ночам истязал военнопленных в Нонсанском лагере!

О чем вспоминает Син Ген Мин? Может быть, о долгих месяцах жизни в этом аду, о пытках электричеством за такое «преступление», как прославление народного вождя Ким Ир Сена? О людоедских расправах над пленными, которые вывесили знамя республики? О гранатах с удушающим слезоточивым газом, которыми забрасывали пленных американские палачи?

Одно опрометчивое слово, и с ним могут поступить так же. За несколько минут до вызова на беседу в комиссию его предупредили, что если он после слов разъяснителя проявит хотя бы малейшее колебание, то будет уничтожен. И не только он сам, но и его друзья и земляки.

Син Ген Мин затыкает пальцами уши. Офицер корейской Народной армии, ведущий разъяснительную работу, просит представителя Индии исправить это нарушение пленным установленного порядка.

Между офицером и пленным начинается беседа.

— Товарищ! Придите в себя. Это решающий час вашей судьбы, судьбы вашей семьи.

Видимо, простые, дружеские слова офицера успокаивают его, и он начинает отвечать.

— У меня нет семьи...— тихо произносит пленный.

— Как так нет семьи?

— Все убиты.

— Кто же их убил?

Пленный сжимает губы. Опять за его спиной раздается сухое, притворное покашливание.

— Ведь вы их убили! — вскрикивает вдруг пленный.

Это похоже на вопль.

Офицер смотрит ему в глаза.

— Это ложь. Ни на чем не основанная ложь. Ваша мать, увидев в списках пленных ваше имя, с нетерпением ожидает возвращения сына.

С лица Син Ген Мина катятся крупные капли пота.

— Говорят, все убиты... Убили и мать...

— Кто обманул вас? Кто заставляет вас повторять эту ложь? — спокойно, но настойчиво спрашивает офицер.

Услышав снова постукивание пальцем по столу, Син Ген Мин оборачивается. На него в упор направлены черные очки американского наблюдателя.

— Я отказываюсь... возвращаться...— прохрипел пленный, и слезы хлынули у него из глаз.

Кто-то из членов комиссии сказал, что пленный окончательно выразил свою волю. Представитель Народной армии возражает: он еще не кончил разъяснение, а лишь начал его.

Беседа возобновилась.

— Я знаю... Я хорошо знаю, что у вас на душе.

Слова офицера ободряют измученного человека.

— То, что вы произнесли сейчас, идет не от сердца. Мы прекрасно знаем, что есть люди, которые вынуждают вас говорить это. Но тех, кто заставлял вас под страхом смерти поступать так, здесь нет. А если бы они и были, вы должны понять: тут они бессильны. Говорите искренно: желаете ли вы, вернувшись домой, снова начать жизнь, достойную человека? Или, быть может, вы хотите вернуться назад, в концлагерь, и продолжать жизнь каторжника?

Еще не кончил говорить офицер, как Син Ген Мин, словно обезумев, стал судорожно расстегивать пуговицы на груди.

— Взгляните сюда!..— сказал он, ударяя кулаком в грудь.— Разве с этим проклятием можно вернуться на родину?!

На груди пленного сине-черные, похожие на паучьи лапы, выделялись выколотые тушью иероглифы: «Наступать на Север... Уничтожать коммунистов».

Пленный бессильно опустился на стул.

— Товарищ! Мы и это знаем,— спокойно и грустно звучал голос офицера.— Нам известно, что так сделано не по вашей воле, а жестокой рукой врагов. Именно поэтому маршал Ким Ир Сен 15 сентября нынешнего года сказал, что пленные, состоявшие в реакционных организациях, поскольку они поступили туда не по своей воле, ответственности за это не несут.

Офицер энергично продолжает свою речь. Он рассказывает пленному о бурном восстановлении страны на Севере после прекращения огня, о деревнях, ожидающих богатого урожая, о строительстве новых многоэтажных домов в Пхеньяне, о новых больших заводах, о завтрашнем счастливом дне объединенной Кореи.

Опустив голову, Син Ген Мин внимательно слушает все это.

На его лице вдруг проступает выражение тоски и нежности. Небольшая приветливая бухта вблизи Вонсана. Отец, уходящий в море на лов рыбы; мать, радостно выбегающая на берег навстречу рыбацким лодкам, на мачтах которых развеваются красные флаги — весть о богатом улове... Вспомнил себя, задорного, полного буйной, неуемной силы и немного влюбленного в веселую юную соседку...

— В таком случае лучше смерть... С такими иероглифами на груди... в таком случае лучше...— невнятно бормотал пленный.

Представитель Индии осведомляется, окончена ли беседа. Напряженная минута. Решается вопрос жизни и смерти человека. Взоры присутствующих устремлены на пленного.

— Товарищ! Слушайте внимательно,— говорит офицер.— Когда выйдете из этих ворот, родина примет вас в свои объятия. Будьте достойны доблестной корейской молодежи и сами твердо выбирайте свой путь!

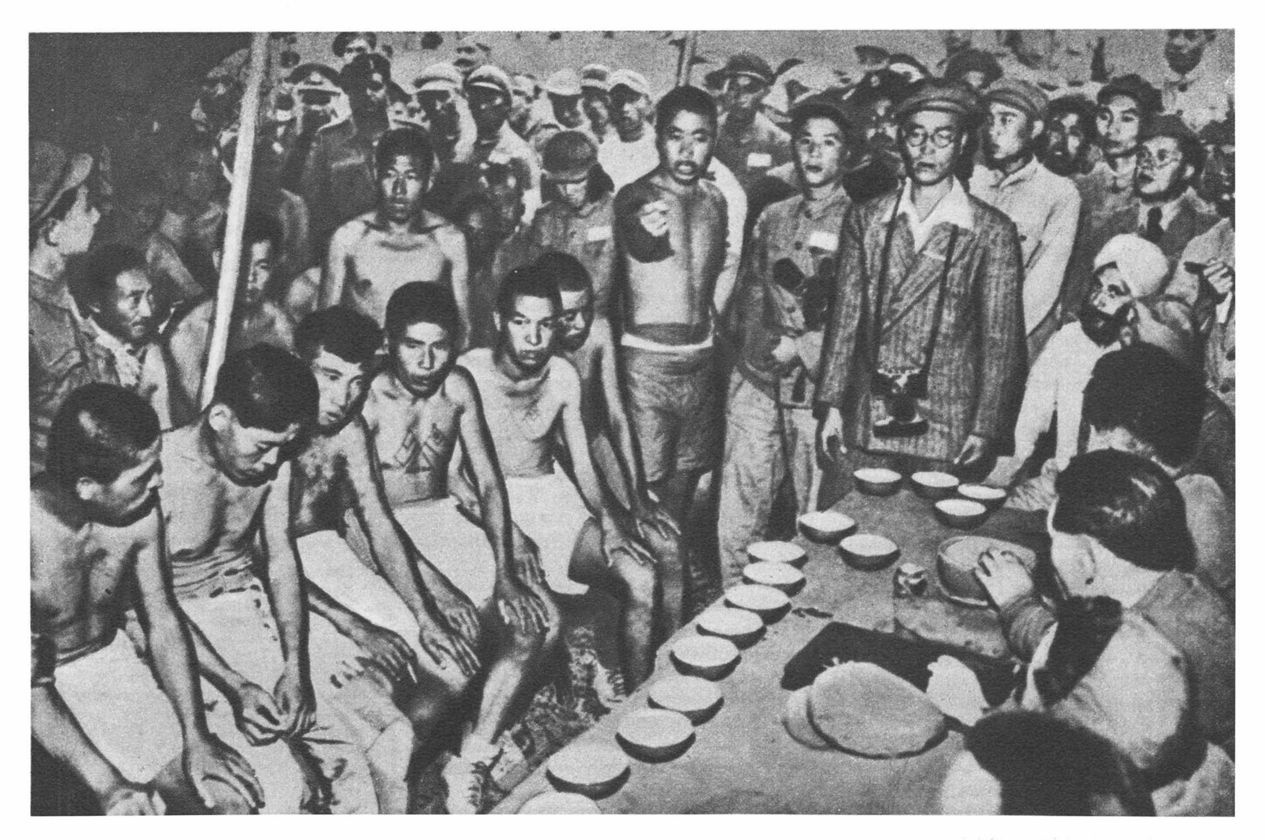
Переодетые в форму «корреспондентов» лисынмановские бандиты растерянно молчат. Впрочем, до ушей пленного теперь, вероятно, не дошли бы их угрожающие сигналы. Он подымается с места.

— Возвращаюсь! — говорит Син Ген Мин. Страхи и сомнения, терзавшие его, исчезли.— Я возвращаюсь! — повторяет он громко и решительно.

Поднимается шум. Кто-то из членов комиссии взволнованно спрашивает пленного, куда он желает вернуться.

— Я возвращаюсь домой, в нашу республику. Возвращаюсь на родину! — с силой произносит пленный и делает шаг вперед. Офицеры Народной армии тепло пожимают его исхудавшую руку.

Нарукавная повязка с иероглифами «наступать на Север» сорвана. Син Ген Мин швыряет ее и твердым шагом выходит через указанные офицером Народной армии ворота на улицу.

Одна из первых бесед с военнопленными в нейтральной комиссии по репатриации.

Фото из итальянского журнала «Вие нуове».

В сопровождении индийской охраны он направляется в Паньмыньчжон. Он идет и то и дело оборачивается назад. Нет, это не страх вновь попасть в руки американских дьяволов — это беспокойство за друзей, попрежнему томящихся за колючей проволокой в американском аду. Путь в объятия родины радостен, но не так-то легко забыть все ужасы трехлетней каторжной жизни...

Дождя уже нет, осеннее солнце пригревает землю. Вершины горы Сонаксан гордо вздымаются в чистое, безоблачное небо. Над древней стеной Панворсен высоко в синеве могучими вольными кругами парит свободный орел.

Паньмыньчжон, ноябрь.

По окончании Всемирного конгресса профсоюзов некоторые из его делегатов по приглашению ВЦСПС посетили Советский Союз. На снимке: японские делегаты на Красной площади 7 ноября 1953 года. Первый слева — Иноуэ Токудзо.

Фото А. Гостева

САНКО

К. НЕПОМНЯЩИЙ, В. МИХАЙЛОВ

Молодой токийский механик Иноуэ Токудзо, рассказавший нам эту историю, все еще находится под следствием. Его обвиняют в том, что он, бывший военнослужащий японской армии, вместе со своими товарищами-металлистами выступал против милитаризации японской промышленности вообще и завода «Фудзи-Митака» в частности. Его много раз вызывал прокурор, но и на первом и на последнем допросе он говорил одно и то же:

— Я был в Малайе, господин прокурор, и я точно знаю, что военные самолеты строят для того, чтобы они сбрасывали бомбы. Я это точно знаю, господин прокурор, я это видел своими глазами. Меня не собьешь...

Когда Токудзо оканчивал машиностроительный техникум, он твердо сказал себе, что не будет строить машин для войны. Механик хотел работать там, где выпускают мирную продукцию.

Старый токийский завод, принадлежащий компании «Фудзи-Митака», изготовлял моторы для рыболовецких ботов и лодок. Но с тех пор, как на Японских островах появились американцы, завод стал поставлять моторы для военных самолетов. Иноуэ Токудзо и его товарищи слишком хорошо знали, к чему это ведет. На Кюсю и в других местах к тому времени было уже много предприятий, переключившихся на военные заказы. Что происходит на этих заводах? Все больше надсмотрщиков появляется в цехах, за ними приходят солдаты, за солдатами — шпионы. Потогонная, выматывающая силы система труда. Запрещены собрания, нельзя даже поговорить с приятелями о работе, о своих нуждах. Администрация произвольно снижает заработную плату рабочих, их обыскивают при входе и выходе, один штраф громоздится на другой... Таков, например, военный завод Комацу в префектуре Канагава, где работают десять тысяч рабочих, превращенных в бесправных рабов.

Нет, рабочие «Фудзи-Митака» очень хорошо представляли себе, что может получиться из, казалось бы, безобидных перемен в цехах. И они объявили забастовку протеста. Они знали, что хозяева вызовут полицию, поэтому решили заранее строить баррикады. Механик Иноуэ Токудзо был среди забастовщиков.

На арке, установленной при входе на завод, забастовщики написали три слова: «Мир, Свобода, Независимость».

Жены рабочих, их дети тоже помогали забастовщикам. Когда прибыл первый отряд полицейских, рабочие обсуждали в цехе план действий вместе со своими женами. Женщины написали на стене свой ответ полиции: «Уходите домой!»

Иноуэ Токудзо повсюду возит с собой диафильм, запечатлевший эту первую в его жизни забастовку. Небольшой ролик фотопленки называется «Воспоминания о борьбе, происходившей на заводе «Фудзи-Митака».

— Видите этот снимок? — говорит Токудзо.— Рабочие сидят, задумавшись, и ожидают, что ответит администрация на их требования?

На других кадрах — рабочие соседних токийских заводов, выступившие в поддержку своих товарищей с «Фудзи-Митака». А вот агенты из штаба американских оккупационных войск и полицейские срывают лозунги и плакаты, на которых написаны требования коллектива «Фудзи-Митака».

Не раз полицейские пытались прорваться на завод. Но пикеты молодежи не пустили полицию в цехи.

Забастовщики стояли у бревен, обмотанных колючей проволокой, взяв друг друга под руки. Рядом с ними все время были их жены.

Рабочих «Фудзи-Митака» в эти тяжелые дни поддержали товарищи с соседних заводов. Они вышли на демонстрацию, неся плакат: «Удовлетворите справедливые требования металлистов «Фудзи-Митака».

Однажды на рассвете к заводу подъехали две тысячи полицейских на бронемашинах. Они прорвались в цехи. Им удалось арестовать руководителей забастовки. Но рабочие оставались на местах. Атаки полицейских не сломили их решимости — они потребовали немедленно освободить своих товарищей из-под ареста. И полиции пришлось уступить.

Тогда руководители компании «Фудзи-Митака» уволили триста пятьдесят рабочих из восьмисот.

Уволенные потребовали полностью выплатить им задержанную за несколько месяцев заработную плату и выходное пособие. Компания «Фудзи-Митака» вынуждена была сделать это. Многодневная, упорная забастовка коечему научила и хозяев завода...

— Мы собрали свои иены,— рассказывает Иноуэ Токудзо,— и решили создать мастерские, которые, несмотря ни на что, будут выпускать мирную продукцию.

Среди уволенных были слесари, токари, строгальщики, механики высокой квалификации. Нашлись и хорошие организаторы. Они объявили сбор средств среди рабочих соседних предприятий, среди трудового населения.

Так было собрано достаточно денег. Мастерские открыли. Рабочие их назвали «Санко». Буквально это означает: «Три пункта», то есть три самых насущных требования прогрессивных сил Японии: «Мир, Свобода, Независимость».

Мастерские «Санко» стали выпускать мотоциклы и велосипеды.

Агенты из штаба американских оккупационных войск и полицейские срывают плакаты, на которых написаны требования рабочих завода «Фудзи-Митака».

Забастовщики устроили проволочные заграждения, чтобы не пропустить на завод полицию.

Жены рабочих «Фудзи-Митака» взяли друг друга под руки: они также готовы к встрече непрошенных гостей...

В знак братской солидарности рабочие окрестных заводов пришли со знаменами к «Фудзи-Митака».

Кадры из японского диафильма „Воспоминания о борьбе, происходившей на заводе „Фудзи-Митака".

Металлисты Токио и многих других городов Японии оказали поддержку «Санко». И хотя некоторые американские фирмы под японскими названиями сразу же начали душить маленький смелый коллектив безработных, первый мотоцикл удалось собрать! Это был успех не только руководителей и рабочих «Санко», но и показатель силы и сплоченности рабочего класса Японии, свидетельство мощи движения сторонников мира.

Свой первый мотоцикл рабочие «Санко» решили послать в Китай, сопроводив надписью: «Нашим друзьям, рабочим Китая, от «Санко».

За первым мотоциклом последовал второй, третий. Вокруг «Санко» сплачиваются честные рабочие, смело поднимающие свой голос против ремилитаризации Японии. И хотя нажим империалистов продолжается, хотя некоторые фирмы, обещавшие предоставить «Санко» то или иное сырье, неожиданно расторгают сделки, количество мотоциклов, выпускаемых безработными металлистами, увеличивается.

— Наша продукция всегда находит потребителя, — говорит Иноуэ Токудзо,— потому, что она хорошего качества, и еще потому, что на ней стоит наша марка: «Санко» — «Мир, Свобода, Независимость».

Первая партия мотоциклов, выпущенных безработными в цехах «Санко».

Рыбаки из бригады Ивана Мунина выбирают рыбу из невода.

ПУТИНА НА КАМЧАТКЕ

Озеро Дальнее. Лучшее нерестилище лососевых на Камчатке.

Рыбным цехом страны можем мы назвать далекую Камчатку. В морях, омывающих Камчатскую область, водится около трехсот видов разных рыб: сельди, лососи, треска, минтай, навага, корюшка, камбала... На каменистых скалах прибрежных островов — крупнейшие в мире лежбища морского зверя: котиков, каланов, моржей, сивучей, нерпы. Круглый год берут здесь рыбу, бьют китов, ловят крабов.

Сейчас на камчатских реках создаются большие рыбоводные хозяйства.

В нынешнем году штормы задержали массовый ход лососей. Путина началась позже обычного. Когда косяки вошли в устья рек, образовалась мешанина из кипящей воды, рыбин, мечущихся над мелями, и чаек, обезумевших от легкой добычи...

Лососей встретили колхозные рыболовы, и уже через несколько часов первая рыба пошла на посол, консервы, икру.

Камчатские механизаторы добились в этом году большого успеха: рыбонасосы конструкции лауреата Сталинской премии Н. Ф. Чернигина подают уловы на заводы прямо из колхозных тоней. Многокилометровые металлические трубы тянутся от речных рыбных садков к разделочным цехам, на консервные линии, икорные участки, к холодильникам. В обработку идет живая высокосортная рыба.

В Озерновском рыбокомбинате введен в строй новый механизированный завод, где все основные процессы обработки и транспортировки рыбы выполняют машины. На комбинатах установлены рыборазделочные автоматы системы Ивана Дмитриевича Усова. Камчатский рыбак, он изобрел механизм, выполняющий все трудоемкие операции. Автомат Усова заменяет десять квалифицированных резчиц, он прост и удобен в обращении. Миллионы банок консервов, тысячи ящиков малосолов, сотни бочек икры широким потоком идут на Большую Землю...

Ранним осенним утром, едва зорька осветила снеговые шапки далеких вулканов, к штормоустойчивому неводу подошли на шлюпках ловцы из бригады Ивана Мунина. Ловушки невода оказались полными рыбой. Немедля бригада взялась за переборку, и уже через час на берегу услышали возглас:

— Принимай улов!

Один за другим кунгасы выходили на мокрый береговой песок. Рыба трепещущей серебристой рекой потекла на приемные пристани, в заводские цехи...

Бригада Ивана Мунина с крупнейшего рыбокомбината имени А. И. Микояна раньше всех на западном побережье Камчатки завершила годовой план добычи лососей. Ей было вручено Красное знамя передовиков. А через несколько дней стало известно, что весь рыбокомбинат выполнил годовую программу.

...С Чукотки и Командоров, с тундровых озер и из болотистых низин камчатских рек, почуяв холода, быстро летят птицы, направляясь на Сахалин и Южные Курилы. Осень... Золотая плодородная камчатская осень! Яркими цветами горят густые леса на берегах Авачинской губы, горьковато-сладкий аромат увядших листьев смешивается с соленым тихоокеанским ветром...

Уходят на Большую Землю океанские пароходы, груженные рыбопродуктами. И, встречаясь где-нибудь на широкой синей дороге с отрядом маленьких, увешанных рыболовными сетями судов, они перекликаются с ним гудками, приветствуя и желая счастливого плавания. Рыболовецкие суда направляются на север — в Пенжино и Гижигу, к Магадану и Охотску. Там рыбаки встретят лед, снег и начнут зимний промысел. Путина на Камчатке продолжается!

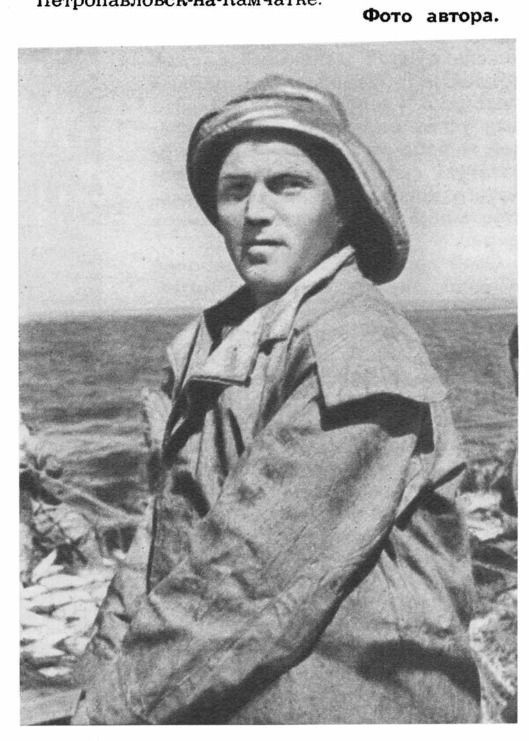
Л. ДАНИЛОВ

Петропавловск-на-Камчатке.

Фото автора.

В штормовую погоду.

Иван Мунин. Его бригада первой на Камчатке выполнила годовое задание.

И. А. Владимиров (1870—1947). ГОРЕ. 90-е годы XIX века.

Днепропетровский Государственный художественный музей.

КАРТИНЫ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО МУЗЕЯ

Картина И. А. Владимирова называется «Горе». Около павшей в поле лошаденки собралась вся семья. Старый дед бессильно оперся о палку. У крестьянки на руках ребенок; маленькая девочка испуганно прижимается к матери. Просто и выразительно передал художник горе русского крестьянина, для которого его единственная лошадь в тогдашних условиях была подлинной кормилицей семьи, обреченной теперь на голод.

Две другие картины, воспроизведенные в этом номере, также рассказывают о прошлом.

В крепостной России тысячи помещиков осенью уезжали из деревни в город. Вслед за ними тянулись из имений обозы со снедью, доставляемой оброчными крестьянами, кормившими помещика и его дворню, состоявшую подчас из сотни людей. Такой отъезд помещицы в город показывает картина Н. Е. Сверчкова.

Лошади поданы к подъезду. Все уложено, все готово. Выносят последние узлы, клетку с птицей, начинается прощание с собравшимися на проводы, из дома уже выходит сельский поп. Ехать будут без смены лошадей, «на долгих».

Хранящаяся в Днепропетровском художественном музее картина Н. Е. Сверчкова — одно из лучших произведений художника. Здесь нет ничего лишнего, каждая деталь необходима. Чем больше смотришь на картину, тем больше замечаешь в ней ярких подробностей: группу крестьян, выехавший вперед воз с сеном для лошадей...

Вот «Воспитатель» М. Е. Ватутина. Мастерская сапожника. У стола сам хозяин за полуопорожненной бутылкой водки. Перед ним в

Н. Е. Сверчков (1817—1898). ОТЪЕЗД ПОМЕЩИЦЫ В ГОРОД. 1881.

Днепропетровский Государственный художественный музей.

В. К. Бялыницкий-Бируля (род. в 1872 г.). ВЕЧЕР В ТУНДРЕ. 1893.

Днепропетровский Государственный художественный музей.

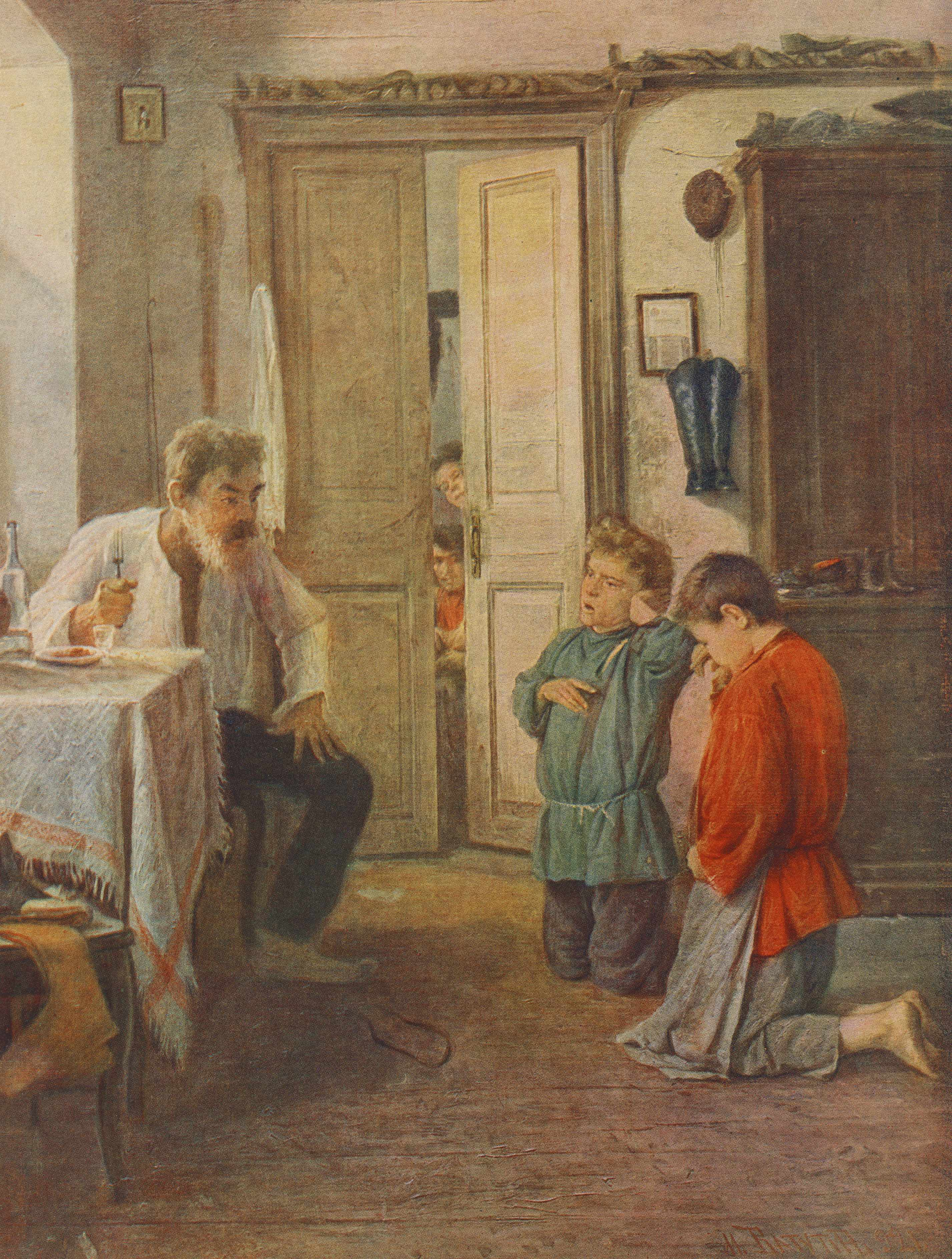
чем-то провинившиеся два ученика. На лицах мальчиков такое отчаяние, такой страх перед хозяином, что вы чувствуете всю тяжкую жизнь несчастных детей, отданных под власть «воспитателя».

Наконец, на наших вкладках воспроизведен пейзаж В. К. Бялыницкого-Бирули «Вечер в тундре», прекрасный по живописи и настроению. Художник тонко и выразительно передал послезакатные краски, прозрачность воздуха, очарование севера.

Днепропетровскому Государственному художественному музею в январе 1954 года минет 40 лет. В день открытия в нем было всего 120 произведений живописи и графики. Вскоре началась первая империалистическая война, и помещение музея понадобилось для военных целей. Его закрыли, а картины свалили в одну из комнат городской управы. О них забыли, и они чудом сохранились до Октября.

Только после Октябрьской революции музей стал пополняться картинами и в нем началась научная работа. Художник И. И. Бродский прислал музею в дар 300 картин русских живописцев.

Сейчас в музее более двух тысяч картин. Среди них произведения крупнейших русских и украинских художников: А. Архипова, А. Боголюбова, С. Васильковского, А. Венецианова, Н. Дубовского, Н. Касаткина, А. Корина, К. Крыжицкого, А. Куинджи, И. Левитана, В. Маковского, В. Максимова, Н. Неврева, Н. Пимоненко, И. Репина, В. Серова, К. Савицкого, И. Соколова и других мастеров живописи. Скоро здесь будет открыт отдел советской живописи и графики.

ИЗЫСКАТЕЛИ

Рассказы

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.

Главная Катя

Шестой день они были в маршруте. Шестой день машина взбиралась на барханы, зарывалась в раскисшую глину.

От весенних дождей пески набухли сыростью, почернели, и пустыня как будто стала меньше.

— Приехали!— злобно говорил шофер Егор Макарыч, когда грузовик садился дифером на грунт.— Экипаж, к бою!

Из кузова, крытого брезентом, прямо с борта, разбрызгивая в стороны грязь, прыгал весь «экипаж» машины: геологи Мерет Кумханов, Женя Зайцев и почвовед Анечка Голубкова.

Поеживаясь от пронизывающего холода, экипаж вместе со старшим геологом Рудаковым, ехавшим в кабине, терпеливо откапывал злополучный дифер.

Низко нависшее серое небо, чавкающая под ногами рыжая глина не располагали к разговорам, и только Анечка комментировала события:

— Восторг! Опять застряли!

К Анечке относились иронически, и никто не отзывался на ее замечания.

Только что окончив Московский университет, Анечка приехала в экспедицию работать почвоведом и, как это бывает с новичками, повела себя сразу нарочито самоуверенно и бодро. Но людей, живущих долгое время в пустыне, нельзя обмануть громкой фразой или отчаянным поступком. Всю отвагу Анечки Егор Макарыч определил одним словом:

— Приспосабливается...

Такое поведение Ани мешало ей по-настоящему сблизиться с коллективом геологов. Стоило ей открыть рот, и человек начинал снисходительно улыбаться.

Один лишь Петр Степанович Рудаков внимательно выслушивал ее предположения и выводы о грунтах, делал практические замечания и даже как-то сказал:

— В ваших наблюдениях кое-что есть...

Анечку нельзя было назвать красивой. Широкий лоб, слишком узкий подбородок и худенькая шея, вытянутая из синего ватника, делали ее похожей на испуганную маленькую птичку. Белесые реденькие реснички и зеленоватые глаза дополняли сходство с птицей.

При появлении Анечки в изыскательной партии Женя Зайцев, считавшийся неоспоримым авторитетом в вопросах женской красоты, презрительно фыркнул:

— Специально для нас подыскали! Для душевного спокойствия.

Вообще Женя Зайцев больше, чем другие, изводил Анечку ядовитыми замечаниями и шутками.

Вот и теперь, когда Егор Макарыч взялся за руль, а все остальные, скользя сапогами по глине, принялись подталкивать машину, Женя испуганно вскрикнул:

— Осторожно, Егор Макарыч! Дайте ручной тормоз: Анечка нажимает!

— Чувствуется!— угрюмо буркнул шофер, с тревогой прислушиваясь к надрывному вою мотора.

Анечка вспыхнула ярким румянцем, закусила губу и, сдержав подступившие слезы, задорно ответила:

— Что бы вы без меня делали? Ума не приложу!

Ей очень захотелось посмотреть на Рудакова, найти в его строгих глазах сочувствие, но Рудаков молчал, словно не замечая ни анечкиных возгласов, ни шуток Зайцева.

У Рудакова было прескверное настроение. Шесть дней назад вместе с молодыми геологами он выехал из лагеря партии для геологической съемки одного из отдаленных, пустынных массивов. Петр Степанович мог бы и не ехать, но он рассчитывал, что маршрут продлится дня три и его отсутствие в партии почти не скажется.

Проклятый дождь нарушил планы Рудакова и растянул маршрут на целую неделю. Нудно и однообразно падали на песок крупные холодные капли, все хуже становилась дорога...

Машина наконец вырвалась из цепкой глины и медленно поползла на бархан.

Рудаков попытался раскурить трубку, но махорка отсырела, и, безрезультатно изведя полкоробки спичек, Петр Степанович грустно покусывал холодный мундштук.

— Есть же дурни, которые думают, что самая тяжелая езда по пустыне — летом, в жару,— ворчал Егор Макарыч.— Оно, конечно, трудновато. Но большей пакости для шофера, как во время дождей, нигде, кроме пустыни, не сыщешь...

В кузове Женя продолжал издеваться над Анечкой. Лежа на ящиках с образцами, он серьезно спрашивал Мерета:

— Как думаешь, почему люди становятся геологами?

— По призванию.

— А еще?

— Бывает, по ошибке.

— Нет, не то. Я вот знаю, когда в геологи идут из-за благородства.

Чувствуя в жениных словах что-то направленное против себя, Анечка вместо того, чтобы смолчать, все-таки вмешалась:

— Непонятно.

— Очень даже понятно!— оживился Зайцев.— В природе имеются особы с такими физиономиями, что их присутствие портит настроение обществу. Вот если у них хватает благородства, они скорей в геологи. И людям приятно, и самим спокойнее.

— Дурак!— выпалила Анечка и резко отвернулась от Зайцева.

— Чего ты вскипела? — наивно развел руками Зайцев.— Я ведь ни на кого не намекаю...

Неожиданно машина затормозила. Рудаков вылез из кабины, взял геологический молоток и быстро пошел вперед, слегка сутуля широкие плечи. Экипаж, не задавая вопросов, немедленно последовал за ним.

— Ну и глаза! — изумленно прошептал на ухо Мерету Женя Зайцев.— В такую погоду за полкилометра обнажения видит!

Пологие с одной стороны холмы круто обрывались, словно кто-то гигантской лопатой срезал склоны.

— Пишите: «Прослойка гипса»,— начал диктовать Рудаков, ударив молотком по блестящему слою, протянувшемуся зигзагами вдоль всего обнажения.

Аккуратным почерком Аня начала торопливо записывать в тетрадь короткие и точные определения Рудакова. Бумага моментально намокла, и от каждой буквы поплыли вниз фиолетовые струйки.

— Ничего не получается. Кляксы!— со вздохом пожаловалась Аня.

— Сама ты клякса!— Мерет выхватил у Ани тетрадь и принялся писать, закрыв ее полой плаща.

Но несколько капель все же преодолели укрытие, и Мерету пришлось пробормотать:

— Абсолютное безобразие!

— Геологу всегда обязательно что-нибудь

М. Е. Ватутин (1860—1930). *ВОСПИТАТЕЛЬ*. 1892.
Днепропетровский государственный художественный музей.

мешает,— усмехнулся Рудаков,— то жара, то дождь. Пишите: «Глина с мелким вкраплением гипса...»

Через час обнажение было описано, и машина тронулась дальше...

Между тем дождь усилился, и незаметно подкравшиеся сумерки превратились в густую темноту. Сплошным потоком вода текла по ветровому стеклу, свет фар беспомощно упирался в дождевую сетку, освещая не больше двух—трех метров пространства.

— Не сесть бы, Макарыч,— вглядываясь в темень, покачал головой Рудаков.— Ни черта не видно!

— Дотянем! — уверенно отозвался шофер, и тут же, как назло, грузовик провалился передними колесами.

Егор Макарыч лихорадочно заработал ручкой переключения скоростей. Машина рванулась назад, потом вперед и замерла на месте, а колеса продолжали со свистом вертеться.

Сдвинув на лоб ушанку, Егор Макарыч удивленно пробормотал:

— Вроде основательно укрепились. Экипаж, к бою!

Но на этот раз все усилия экипажа остались безрезультатными.

— Глуши мотор, Макарыч,— негромко произнес Рудаков.— Будем ночевать.

Шофер выругался, выключил мотор и погасил фары. Машина сразу исчезла в темноте, и только по голосам можно было догадаться, кто где стоит.

— А завтра что? — послышался недовольный бас Егора Макарыча.— За ночь еще больше засосет. Без тягача не вылезем...

— По моим расчетам, до лагеря всего тридцать километров,— ответил невидимый Рудаков.

Откуда-то из-за кузова прозвенел тоненький голосок Ани:

— Ну что ж, пошли! К рассвету доберемся.

— Пошла блоха слона воевать! На небе ни одной звезды. Как ориентироваться, подумала?

Реплика, безусловно, принадлежала Зайцеву, и ему снова ответил бас Егора Макарыча:

— Ты ведь не с кем-нибудь, а с Петром Степановичем. Он тебе без всяких светил небесных всю пустыню насквозь пройдет. Он ведь...

— Утро вечера мудренее. Давайте ужинать,— оборвал шофера Рудаков.

Егор Макарыч, действуя на ощупь, подвел к запасному аккумулятору провода, и в крытом кузове вспыхнул желтый огонек электрической лампочки — «волчьего глаза», как окрестили этот источник света геологи. От электрического света в кузове стало уютнее, все расселись на ящиках, и Мерет достал консервы.

— Восторг!— немедленно оживилась Анечка.— Третий день не можем развести костер. Как твое пищеварение, Зайцев?

— Нарежьте хлеб, Аня,— сухо сказал Рудаков, предупреждая очередную перепалку.

Ужинали молча. Глухо барабанил по брезенту дождь, да шумел налетавший время от времени ветер...

После ужина Рудаков украдкой взглянул на притихших изыскателей и вынул из планшета карту.

— Нужно решить, кто завтра со мной отправится в лагерь за помощью...

— Не в первый раз,— откликнулся Зайцев.

Мерет, словно считая вопрос решенным, провел пальцем по карте:

— Обогнем холмы — и дома.

— А я, Петр Степанович?— умоляюще протянула Аня.— Я тоже пойду.

Зайцев пренебрежительно хмыкнул:

— Загнешься! Возиться с тобой!

— Замолчи, Женька!— вскрикнула побледневшая Аня и грозно сжала кулачки.— Тебя не спрашивают!

Рудаков внимательно посмотрел на взъерошенную анину фигуру и спрятал карту в планшет.

— Вот и отлично. В лагерь пойдут трое: я, Мерет и Аня. Теперь спать.

Зная, что возражать бесполезно, Женя развернул на ящиках спальный мешок и с убийственной заботливостью предупредил:

— Если увидишь плохой сон, откажись. Обязательно загнешься.

Егор Макарыч отключил лампочку, и минут десять спустя усталые изыскатели спокойно уснули, убаюканные равномерными ударами дождевых капель по туго натянутому брезенту.

Одна лишь Аня не собиралась спать. Свернувшись калачиком в широком спальном мешке, она опять переживала свою главную и непоправимую беду, о которой никому не расскажешь.

А беда состояла в том, что Аня была влюблена в Женю Зайцева. Влюблена наперекор здравому смыслу, влюблена гнетущей, безответной любовью, хорошо понимая, что никогда Зайцев не обратит на нее внимания и даже не перестанет насмехаться...

Еще в университете Аня мечтала о том необыкновенном человеке, который должен появиться в ее жизни. Он представлялся ей по-разному: иногда брюнетом, иногда блондином, но обязательно бывалым геологом, с вдумчивыми, чуть грустными глазами, стосковавшимся по домашнему уюту, неустроенным и вместе с тем неуклюже заботливым...

Ничего похожего в Зайцеве не было, и все же Аня влюбилась...

Как-то анина подруга по курсу, разбитная и курносая толстушка, нравоучительно сказала ей:

— Запомни: самая страшная любовь — это любовь с открытым ртом. Возникнет вдруг перед тобой человек, а ты от изумления откроешь рот — и конец. Любовь навеки!

Тогда Аня не поверила подруге и посмеялась, а теперь именно так и получилось...

В первый день приезда в лагерь она увидела, как на бешеной скорости промчался грузовик, резко затормозил у штабной палатки и из кузова выпрыгнул парень в широкополой соломенной шляпе. Спрыгнул, не касаясь руками борта, словно пролетел по воздуху.

Он очутился прямо возле Рудакова, стоявшего у палатки, легко спружинил в коленях и, поправив сбившуюся набок шляпу, начал что-то горячо доказывать Петру Степановичу.

Парень в соломенной шляпе поразил ее своим уверенным тоном, каким он произносил непонятные и сложные формулы, своим мужественным загаром, припудренным сероватой пылью, своими мальчишескими озорными глазами. Его ладная фигура в просторной выцветшей ковбойке находилась удивительно на месте среди островерхих палаток, горбатых землянок и лохматых от саксаула барханов.

В общем абстрактный геолог с грустными глазами и неустроенной жизнью в одно мгновение улетучился из аниной души, и его прочно заменил вполне конкретный, ничего не подозревавший Женя Зайцев...

И сколько потом ни пыталась Аня убедить себя, что она ненавидит Зайцева так же, как он ее презирает, сколько раз обзывала себя последней дурой за чудовищную глупость — любить человека, который издевается над тобой,— все равно Женя Зайцев оставался властелином ее сердца.

Стыдно признаться, но исчезнувшая с доски почета фотография Жени лежала в анином паспорте. Чтобы фотография не выпала, Аня оборачивала паспорт несколькими слоями вощеной бумаги. Заметив это, Мерет однажды поинтересовался:

— Зачем паспорт кутаешь? Вспотеет — расклеится...

Аня покраснела, а Зайцев авторитетно объяснил:

— Скрывает регистрацию неудачного брака...

Часто в лагере удивлялись, почему Аня всегда первая бежит к почтальону. Зайцев, конечно, острил насчет жениха, забывшего невесту, и не мог даже предположить, что Аню интересуют письма, адресованные ему.

Письма к Зайцеву начали интересовать Аню после того, как путем длительных наблюдений она установила, что ко всем девушкам изыскательной партии Зайцев относится одинаково снисходительно и слегка насмешливо. Значит, решила Аня, соперницу нужно искать на стороне. А в том, что соперница есть, она не сомневалась. Ведь не может же такой человек не любить! Любит он, наверно, с лихим безрассудством, и та, неизвестная, отвечает ему преданной, головокружительной любовью!

Вот Аня и занялась проверкой обратных адресов на письмах к Жене. До сих пор, к ее удивлению, никто, кроме матери, Зайцеву не писал.

Мучительная мысль о неведомой избраннице не давала Ане покоя.

В аниной любви к Зайцеву была одна странная особенность. Она любила его сильнее, когда они разъезжались и он находился в маршруте или, наоборот, оставался в лагере. Не видя перед собой жениных насмешливых глаз, Аня сразу забывала все его колкости и считала, что она нравится Жене, но он скрывает это и мучается. Эта смешная неправда помогала ей надеяться и верить в счастье. Она мысленно посвящала Зайцеву каждый свой маршрут и, сидя в прыгающем кузове грузовика, тихонько про себя произносила: «Мой Женька»...

О завтрашнем походе в лагерь Аня тоже думала как о своем долге перед Зайцевым. Он будет среди пустыни ждать, и помощь пришлет ему она, Аня.

Неожиданно анины мысли оборвались, и она наполовину вылезла из спального мешка. Где-то далеко-далеко еле слышно гудел мотор. По неровному, то затухающему, то возникающему, звуку чувствовалось, что машина взбирается на бархан.

«Если машина найдет нас,— пронеслось у Ани,— она вытащит грузовик, и поход в лагерь отменяется. Будить их, или?..»

И тут же, упрекнув себя за детский эгоизм, Аня громко сказала:

— Эй! Проснитесь! Машина!

Первым откликнулся Егор Макарыч:

— Что случилось? Чего кричишь?

— Машина гудит! Слушайте!

В темноте кузова все зашевелились, закашлялся давно не куривший Рудаков, а звук мотора как нарочно пропал, только дождь по-прежнему хлестал по брезенту.

— Я же тебе говорил: плохие сны к беде,— зевнул Зайцев.

— Погоди ты! — прикрикнул Егор Макарыч и, пробравшись к заднему борту, просунул наружу голову.

— Гудит! Ей богу, гудит! Молодец, Анька!

Рудаков дотянулся до «волчьего глаза», и кузов опять осветился желтым светом.

— Включайте фары, Егор Макарыч!— заволновалась Аня.— Они увидят свет и...

— Проедут мимо!— обрезал шофер.— Мало ли кто в пустыне фарами светит!

— Придется пожертвовать палаточным шестом,— сказал Рудаков.— Давай бензин, Макарыч.

Аня замерла от восторга, увидев, как конец шеста был полит бензином, подожжен и Егор Макарыч принялся размахивать этим факелом, стоя на кабине грузовика.

— Не забудьте, Зайцев, списать по ведомости шест,— напомнил Рудаков, пристально вглядываясь в горизонт, где уже мелькало дрожащее зарево.

— И кого в такую погоду черт носит?! — удивленно бурчал Егор Макарыч, словно не радуясь приближению помощи.

— Завидуешь, старче!— рассмеялся Зайцев.— Другие ездят, а ты сидишь!

— Ладно, помалкивай! Язык больно длинный!— огрызнулся шофер.

На неизвестной машине, очевидно, сразу заметили сигналы Егора Макарыча. Мерцающее пятно изменило направление, потом исчезло, и внезапно на гребне бархана показались как будто выпяченные от напряжения фары, обдав ослепительным светом накренившийся набок грузовик.

С машины донесся веселый женский голос:

— Все ясно! Егор Макарыч лег в дрейф!

— Главная Катя!— обрадованно ахнул шофер и, воткнув догоравший шест в песок, подбежал к машине.

Навстречу ему в полосе яркобелого света возникла высокая, стройная фигура девушки в черном лыжном костюме. Из-под поблескивающего кожей летного шлема почти до пояса спадали две толстые косы, и на них вспыхивали серебристыми искорками бусинки дождя. В смеющихся губах прыгала папироса, совершенно не портившая ее удивительно женственного лица с огромными глазами, наполовину закрытыми длинными ресницами.

Так вот какая Главная Катя, о которой Аня столько слышала!

В экспедиции существовали три Кати: просто Катя — лаборантка, Рыжая Катя — коллектор и Главная Катя — геолог, начальник небольшого геолого-съемочного отряда, всегда проходившего раньше всех по самым глухим, труднодоступным районам.

О Кате шла слава как об очень способном геологе, она печатала статьи в толстом научном журнале, к ее выводам прислушивались опытные специалисты.

Кроме того своими смелыми маршрутами Катя завоевала себе звание отчаянной. О ней рассказывали, как, оставшись на три дня без воды в песках, она все же отлично выполнила задание; это она в июле месяце совершила переход через долину, где вокруг на триста километров ни одного колодца...

И еще о многих катиных подвигах слышала Аня, но видела ее сегодня впервые: Катя редко заглядывала в лагерь Рудакова...

Звонкий смех Кати сразу переменил настроение изыскателей. Расплывшись в приветливой улыбке, Рудаков спросил:

— Продолжаешь в отчаянные играть? Ездишь, невзирая на звезды?

— Не заблужусь!— задорно тряхнула косами Катя.— У вас училась на нюх дорогу искать. Ой, да вы, кажется, с пустой трубкой?

— Отсырел табак,— вздохнул Рудаков.

— Пожалуйста!— Катя вытащила из кармана пачку махорки и протянула Рудакову.— Наслаждайтесь!

Лицо Петра Степановича озарилось счастливой улыбкой, и он с удивлением понюхал желтую пачку.

— Откуда у тебя махорка? Ты ж папиросы куришь...

— На всякий случай. Вдруг, думаю, вас встречу. Пустыня ведь специально для встреч придумана.

Растроганный Рудаков развел руками:

— Я бы тебя поцеловал, да годы мешают!

— Ничего! Я проявлю инициативу!— Катя молниеносно чмокнула смущенного Рудакова в щеку и затормошила Егора Макарыча:— А ты почему кислый? А... знаю! Спроси у Павлика, у него во фляге есть «НЗ». Только, чур, служебную норму! Не больше!

— Ну и девка! Все понимает!— восторженно хлопнул себя по бокам Егор Макарыч и поспешно уединился с катиным шофером Павликом.

Поздоровавшись с Меретом и Аней, Катя наконец заметила Женю Зайцева, до сих пор державшегося в стороне. Пожимая ему руку, она присвистнула:

— И ты здесь? Вот теперь ясно! Если Зайцев в кузове,— машине крышка! Изучено и доказано!

Аня вздрогнула и испуганно посмотрела на Катю. Что-то очень знакомое и привычное почудилось ей в катином голосе.

«Ведь именно таким тоном со мной разговаривает Зайцев!»

От этого неожиданного открытия у Ани сильнее застучало сердце, и, когда Женя, вместо того чтобы лихо отпарировать катин выпад, растерянно пробормотал: «Ты уж скажешь...»,— Аня поняла все.

Вот кому отдал неприступный Зайцев свою любовь!

Он выглядел сейчас совсем другим. В глазах у него появилась ни разу не виданная Аней грусть, плечи опустились книзу, он не знал, куда девать руки, непрерывно вынимал и засовывал их в мелкие карманы ватника.

У Ани противно защекотало в носу, и, стараясь не выдать своего волнения, она тихонько отошла в сторону, оставив Катю вдвоем с Женей.

«Разве с такой поборешься?»

Возле катиной машины уже горячо обсуждали, как лучше тащить застрявший грузовик.

— Слева обогнешь, Павлик,— басил Егор Макарыч.— Разок дернешь на тросе, я газану — и порядок!

Аня выбралась из полосы света и напряженно смотрела на две, словно спроектированные на экране, фигуры. Ей показалось, что сверкающие капли дождя не долетают до стройной спины Кати, а все падают лишь на Зайцева, поэтому он зябко ежится и переступает с ноги на ногу. Беззаботный смех Кати подтверждал ее полное равнодушие к дождю.

— Тоскуешь, Зайцев?— услышала Аня.— Брось, тоска вредит бродячей профессии!

— Катя, прошлый раз...

Аню поразил прерывистый и хриплый голос Жени.

«Как нехорошо! Я подслушиваю! Надо уйти!»

Сделав два решительных шага, Аня опять остановилась.

— Ну и чудак ты, Зайцев! Я ведь старше тебя...

— Всего на год!— тем же странным голосом перебил Катю Женя.— И вообще, ты можешь разговаривать со мной серьезно?

— Зачем?

«Она его не любит!— ужаснулась Аня, поняв по неуловимой, известной, наверно, только женщинам интонации, что Катя не кокетничает с Женей.— Как же можно не любить Зайцева?»

Ане внезапно до слез стало жалко вымокшего на дожде Женю, и в душе ее родилось вовсе не подходящее для соперницы желание.

«Ох, и дура ты, Катька!— беззвучно шептала про себя Аня.— Хоть и зовут тебя Главной, а ничего ты не понимаешь! Ничего! Полюби ты его, вы ведь так подходите друг к другу, честное слово!»

Если бы сейчас Катя поцеловала Женьку, Аня обрадовалась бы и посчитала себя счастливой...

— С дороги, кролики!— прогремел Егор Макарыч.— Начнем спасательную операцию!

Свет фар метнулся в сторону, Катя и Женя пропали в темноте, и машина осторожно начала огибать кузов грузовика.

— Правее бери, Павлик! Правее!— командовал Егор Макарыч.

— Павлик, не подкачай! Честь нашего отряда превыше всего!— зазвенел катин голос, и она тоже принялась указывать Павлику дорогу снятым с головы шлемом.

Через час грузовик был вытащен на твердую колею, и лишь тогда все заметили, что уже светает, дождь перестал и стали видны очертания барханов.

— Спасибо, Катюша,— протянул руку Егор Макарыч.

— За что?— усмехнулась Катя, раскладывая на крыле машины карту.

— За служебные!— подмигнул шофер и хотел еще что-то добавить, но Катя отмахнулась от него:

— Ладно, без подхалимажа! Петр Степанович,— обратилась она к Рудакову,— к двадцатому присылайте самолет вот сюда. Мои ребята подготовили посадочную площадку. Давайте сверим координаты...

Пока Катя с Рудаковым совещались над картой, Женя Зайцев сиротливо стоял в стороне, ковыряя носком сапога сырой песок.

Аня украдкой взглянула на Женю, потом на подтянутую, озабоченную Катю и окончательно поняла, что никогда Катя не полюбит Зайцева.

«А он не полюбит меня»,— подумала она и, не сдержавшись, вздохнула.

— Счастливо добраться!— помахала шлемом Катя.

Ее машина, рванувшись с места, поползла на бархан и сразу скрылась, перевалив через гребень.

— И мы сейчас на полную железку дернем!— успокоил своих спутников Егор Макарыч, доливая в бак бензин.

Женя, не поднимая головы, продолжал ко-

вырять носком сапога песок, и Аня легонько тронула его за рукав.

— Чего тебе?— вздрогнул Зайцев.

Покусывая обветренные губы, Аня негромко сказала:

— Видишь ли, Женя, есть, очевидно, такой несправедливый закон: человек любит, а его не любят. Во всем, кажется, подходят друг другу, а любви нет. И ничем этого не объяснишь, и ничем этому не поможешь...

— Ты думаешь, есть такой закон?— ни капли не удивившись аниному обращению, серьезно спросил Зайцев.

— Ну, может, не закон,— поправилась Аня,— но так часто бывает. Я знаю,— и, глядя в сторону, негромко добавила: — Хорошо знаю...

Женя не ответил и вдруг резко схватил Аню за руку:

— Смотри!

Из-за тех барханов, за которыми исчезла Катя, показалось солнце. Оно стремительно поднималось в небо, словно торопилось разогнать последние тучи. Зеркальными зайчиками заблестели лужицы в колее, и засияли капельки росы на черных ветвях саксаула.

Задержка в рейсе

Широкоплечий командир самолета Павел Дронов пристально всматривался в туманную дымку горизонта и, поскрипывая кожаной курткой, часто сверялся с картой.

У Дронова со времени войны выработался беспокойный темперамент летчика-истребителя.

На правом сиденье невозмутимо возвышался второй пилот, Олег Серебряков, в прошлом штурмовик. Всегда аккуратно выбритый, в хорошо отутюженном костюме, Олег при любых обстоятельствах произносил одно-единственное слово:

— Нормально...

А между ними, на подвесных ремнях-«качелях», дремал бортмеханик, толстенький Алеша Куницын. Дремал Алеша по-особенному. Стоило в моторе появиться малейшему подозрительному шуму — и его глаза мгновенно открывались, он начинал колдовать над красными и зелеными рукоятками. Убедившись, что все в порядке, он опять взбирался на «качели» и через секунду издавал носом свистящий звук, впрочем, неслышный из-за гула мотора.

Алеше воевать не пришлось, и, когда Павел с Олегом вспоминали фронтовые эпизоды, он с завистью, смешно картавя, выговаривая «р» как «л», возмущался:

— Не травите душу, черти!

Их одномоторный, тяжелый биплан прозванный геологами «Антоном», обслуживал геологическую экспедицию, работавшую в одном из районов пустыни.

Часто «Антон» вылетал на аэрофотосъемку, и командиром на самолете становилась инженер Маргарита Зосимовна Пыжикова, пожилая, седая женщина в очках. Прикрепив над специальным люком камеру фотоаппарата, она поднимала на лоб очки и, прильнув к видоискателю, негромко говорила:

— Если можно, попрошу на сто метров выше.

Полуобернувшись на кресле, Павел Дронов перекрывал своим басом шум мотора:

— Да вы приказывайте смелее, Маргарита Зосимовна! По-военному!

— Я постараюсь,— смущенно краснела Маргарита Зосимовна и тут же добавляла: — Пожалуйста, вон на те холмы...

К Маргарите Зосимовне экипаж относился бережно. Перед полетом Леша тщательней проверял мотор и, перепачканный маслом, авторитетно объяснял:

— Женщина летит. Порядок должен быть...

При воздушных ямах, когда самолет внезапно резко проваливался вниз, Дронов морщился, как от боли, и, словно считая себя виноватым, мигал глазами:

— Извините, Маргарита Зосимовна...

— Ничего, пожалуйста,— отзывалась женщина и незаметно прижимала руку к сердцу...

Кроме аэрофотосъемки, «Антон» выполнял в экспедиции еще десятки самых разнообразных дел. В его крутобоком, вместительном фюзеляже перевозились в лагери изыскательных партий буровые трубы, бочки с горючим, а в штаб экспедиции доставлялись ящики с пробами грунта — керном.

Как-то заведующий магазином одной изыскательной партии веселый черноусый Ахмет погрузил в самолет два деревянных ящика, улегся на них и через двадцать минут полета забарабанил по двери кабины:

— Уй! Что делаете? Все пропало!

Алеша открыл дверь кабины и с удивлением посмотрел на залитого жидкостью Ахмета.

— Пиво! Пиво стреляет!— кричал Ахмет.— Пробки выпрыгивают!

— Сам ты пробка!— расхохотался Дронов.— Разве на самолете пиво возят? Перемена давления — и конец твоему напитку!

— Сколько закрытых осталось?— деловито осведомился Олег.

— Всего шесть! Понимаешь, шесть, а было двадцать четыре!

— Ничего. Сейчас возьмем чуть повыше — и последние откроются,— успокоил Ахмета Олег и потянул на себя штурвал...

* * *

Объясняя на рассвете дневное задание, начальник экспедиции Владимир Михайлович Корчевой по привычке гладил ладонью лысину и одновременно водил пальцем по карте:

— Вот здесь застрял трактор-тягач. Он вез буровую вышку, и у него полетели три подгусеничных катка. Пока до него доберешься, времени уйдет уйма. Сесть возле трактора тоже нельзя...

Корчевой замолчал и выжидательно посмотрел на Дронова.

— Все понятно!— улыбнулся Павел.— Сбросим катки, Владимир Михайлович.

— Это, правда, опасно, но другого выхода нет,— развел руками Корчевой.— После сброса проследуете в лагерь Шуйского, заберете Маргариту Зосимовну. У нее сегодня на полчаса работы. Больше полетов не предвидится.

— Легкий денек!— опять улыбнулся Дронов и застегнул планшетку.— Разрешите идти?

...Тягач они обнаружили спустя полчаса. Среди барханов серо-пепельного цвета чернели одна квадратная точка и две черточки.

— Два прицепа,— догадался Дронов.— Возьмем пониже.

Олег молча кивнул, и самолет, почти задевая колесами верхушки барханов, стремительно пронесся над трактором.

— Мой приятель, Женька Зайцев! — возбужденно закричал Алеша.— Я его сразу по соломенной шляпе узнал!

— Пора, Алешка,— приказал Дронов.— Только поосторожнее.

— Не впервой!— отмахнулся Алеша и распахнул дверку.

В кабину ворвался воющий воздух: большой боковой люк фюзеляжа был открыт, через него предстояло выбросить катки.

Цепляясь за ребристые стенки, Алеша дополз до люка, ощупал лоснящиеся автолом катки и, с трудом раскрыв слезящиеся глаза, посмотрел на Дронова.

Самолет лег на крыло, и Дронов махнул рукой.

Вытянувшись на животе и задыхаясь от ветра, Алеша изо всех сил толкнул двумя руками первый каток, потом сразу же второй, третий и быстро отполз подальше от ревущего люка.

Очутившись в кабине, он с трудом перевел дыхание и озабоченно спросил:

— Порядок?

— Полный!— весело ответил Дронов.— Гляди!

Возле трактора над группой людей взлетали вверх кепки и соломенные шляпы.

— Ишь, как оживились!— удовлетворенно протянул Дронов, уже после того как трактор исчез из виду.— На машине сюда, поди, суток двое переть!

— Нормально!— отозвался Олег.— Пошли за Маргаритой Зосимовной...

На аэродроме в геологическом лагере боковой люк плотно закрыли. Маргарита Зосимовна установила аппарат, и «Антон» снова оказался в воздухе.

Маргарита Зосимовна на этот раз действительно работала недолго. Она попросила полетать около часа над покрытыми рыжей глиной холмами и, оторвавшись от аппарата, сказала:

— Спасибо, мальчики. Можно домой.

Развернув машину и взяв курс на штаб экспедиции, Дронов спросил Олега:

— В бильярд сегодня постукаем?

— А я в баню собираюсь,— заявил Алеша и толкнул Павла в плечо.— Гляди, палатка!

В оленепитомнике Майхе

— Мось! Мось! Мось! — над спокойной гладью таежной реки Майхе разносится протяжный гортанный крик. Так в дальневосточных зверосовхозах подзывают пятнистых оленей.

Не успел крик замереть, как отовсюду, подобно шуршанию осенних листьев, послышался шум сотен копытцев, и из-за стволов вековых деревьев, среди расщелин скал и острых камней показалось множество чутких, сторожких ушей. Со всех сторон нас обступили пятнистые олени — маленькие грациозные животные с белыми пятнами, рассыпанными по светложелтой шкурке. К легкому стуку копытцев примешивался металлический звон.

— Что это?

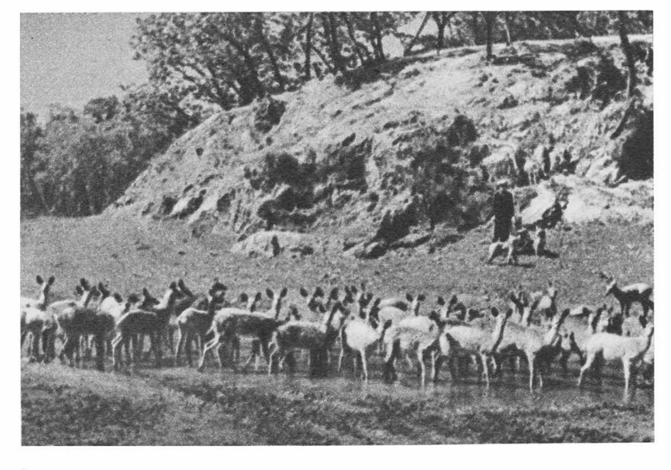
— Ботала. На шею животных надевают маленькие колокольчики. Вначале олени пугаются их звона, но затем привыкают. Теперь они спокойно ходят по тайге, совсем как домашние животные, позванивая колокольчиками.

Пятнистые олени дают ценное медицинское сырье — панты. Раньше из-за пантов — молодых, неотвердевших рогов — оленей хищнически убивали. Из года в год уменьшалось их поголовье. Сейчас в Уссурийской тайге созданы многочисленные питомники. На просторных естественных выгулах пасутся сотни ценных животных. Каждый год происходит резка пантов — совершенно безвредная для животных операция.

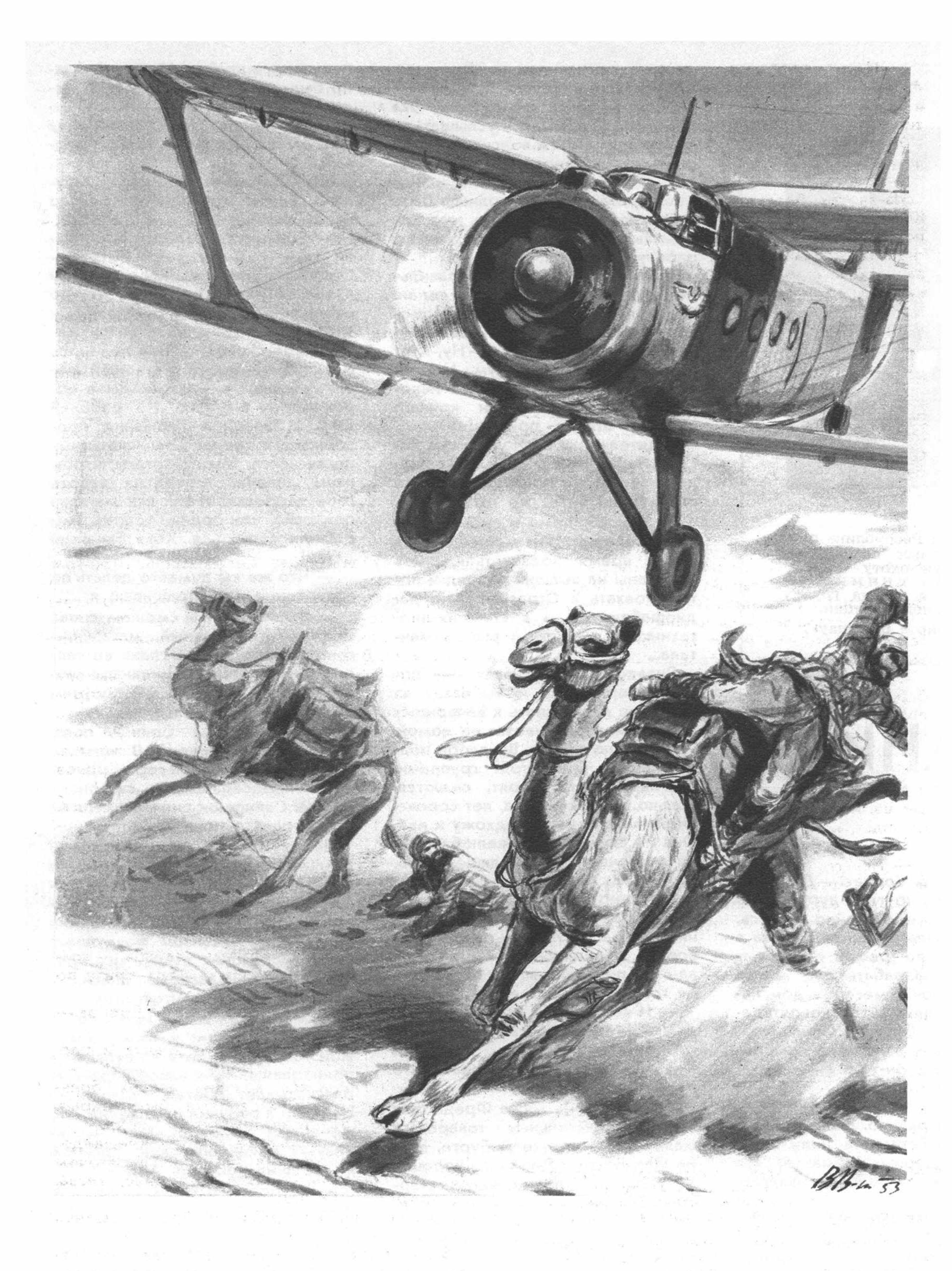
...На просторный скотный двор питомника входили все новые и новые олени. Приближалось время кормежки. Мягкими, теплыми губами животные касались ладоней, требуя любимых соевых жмыхов. Около загородок показались большие мохнатые собаки — верные сторожа и друзья пятнистых оленей. Они посторонились, давая оленям дорогу, а затем уселись снаружи у ворот.

Наступала звездная приморская ночь. Перекликаясь тонкими голосами, олени покидали загон и направлялись в тайгу. Впереди, позвякивая колокольчиком, шел вожак — большой пятнистый красавец. Сбоку от него — собака.

Л. КАНИЛОВ

Стадо пятнистых оленей.
Фото А. Кушешвили.

Не сговариваясь, пилоты направили самолет книзу и слегка покачали крыльями. Из палатки выскочила девушка, и в ее руке вспыхнула алая косынка.

— Это геофизики! Их экспедиция здесь работает,— немедленно пояснил всезнающий Алеша.

Обычай приветствовать любую палатку в пустыне возник у экипажа давно, и возник сам собой.

— Какая разница, твоя экспедиция или нет? А людям приятно: не чувствуют себя одинокими,— кратко объяснил непредусмотренные снижения Олег.

Минут через тридцать Дронов заметил среди равнинных песков верблюдов.

— Три верблюда и два человека,— уточнил Алеша.

Маргарита Зосимовна тоже пристально посмотрела вниз и удивленно покачала головой:

— Скажите, куда забрались!

— А что?— полюбопытствовал Алеша.

— Здесь самые глухие места и тяжелый участок — мало колодцев.

— Оживим глухие места!— весело предложил Дронов.— Поприветствуем товарищей!

Самолет круто пошел вниз, прямо на верблюдов.

— А люди в халатах,— начал было Алеша, и вдруг по обшивке самолета словно кто-то сыпанул крупным горохом. Алеша застонал и сполз с «качелей».

Ничего не понимая, Дронов инстинктивно рванул на себя штурвал. Самолет резко поднялся.

— Что случилось?!

Побелевший, с выкатившимися от страха глазами Алеша растерянно пробормотал:

— Кровь...

На его левой ноге по холщевой штанине расплывалось темнобагровое густое пятно.

Маргарита Зосимовна громко вскрикнула, а Серебряков, плохо скрывая волнение, угрюмо произнес:

— По самолету стреляли...

— Как стреляли?! Что за чушь!— возмутился Дронов.

— Посмотри,— кивнул головой Олег. В полу кабины зияло несколько круглых дырочек с острыми зазубринками.

— Да ты опомнись!— заорал Дронов.— Ведь внизу своя земля!

— Земля своя, а люди могут быть чужие...

— Диверсанты!— ахнул Дронов.

— До границы рукой подать,— напомнил Олег, не теряя из виду верблюдов, превратившихся в темные пятнышки.

Между тем Маргарита Зосимовна дрожащими руками достала из аптечки бинт и принялась перевязывать залитую кровью ногу Алеши. Алеша морщился и, поскрипывая зубами, обиженно говорил:

— От черти! Мы к ним с добром, а они...

— Боже мой! Боже мой!— шептала Маргарита Зосимовна, и Олег, уже обретший душевное равновесие, попытался успокоить женщину:

— Все нормально, Маргарита Зосимовна...

— Что делать будем, Олег? — У Дронова вплотную сошлись густые брови.— И потом, я не понимаю, чего ради они в нас пульнули?

— Нервишки не выдержали!— усмехнулся Олег.— Их преследуют, а бандиту везде ловушка чудится. Решили, что мы специально за ними...

— Что делать, Олег?— повторил Дронов.

Вместо ответа Олег опять обратился к Маргарите Зосимовне:

— Так вы говорите, здесь нет колодцев?

— Да, да,— поспешно ответила женщина,— почти нет...

— И барханы небольшие,— задумчиво добавил Олег.— С людьми мы, конечно, не справимся, а вот с верблюдами...

— Ясно!— обрадованно перебил Олега Дронов. — Ух, и головастый ты парень! Генерал! Держитесь, Маргарита Зосимовна, держитесь! Придется вам помучиться!

Самолет стал резко снижаться, застывшие на штурвале руки пилота побелели от напряжения, по обшивке снова протарахтел горох автоматной очереди, и Маргарита Зосимовна, почти теряя сознание, успела увидеть, как шарахнулись напуганные верблюды и с них слетели в сторону, на песок, два человеческих тела.

— Нажимай, Олежка! Нажимай!— пытался перекричать мотор Дронов.

У самой земли машина выровнялась и прошлась над верблюдами так низко, что от вихря, взметенного винтом, у них взъерошилась на горбах короткая шерсть. Обезумевшие животные, широко разбрасывая ноги, стремительно бежали по пустыне, унося кожаные мешки с водой...

— Пусть они их догонят, голубчики! — хохотал Дронов.— Пусть попробуют!

— Нормально! Этим гадам теперь отсюда дней пять не выбраться! Пошли домой!

— Минутку, мальчики!

Летчики обернулись. Маргарита Зосимовна сидела у аппарата, очки блестели на ее лбу. Щуря глаза, она указала рукой вниз:

— Надо заснять район. Их легче будет искать. Пожалуйста, прибавьте метров пятьдесят...

Деловито и четко, как в обычном рейсе, Маргарита Зосимовна сделала снимки и вежливо сказала:

— Благодарю вас...

Самолет взял курс на штаб экспедиции, и Дронов озабоченно посмотрел на часы:

— Не забыть бы, Олег, отметить в бортовом журнале задержку в рейсе на пятнадцать минут.

Дронов встал из-за штурвала и прошел к Алеше, лежавшему на спальном мешке.

— Болит?

— Ничего, пройдет.

У Алеши начинался жар, крупные капли пота густо усыпали его бледное лицо.

— Ну, вот и ты побывал в сражении. Можно сказать, главный герой.

— Разве это сражение?— вздохнул Алеша.— Они в меня стреляли, а я в них нет...

* * *

На следующий день утром Владимир Михайлович Корчевой зашел в больницу, где у койки похудевшего Алеши сидели Дронов и Олег.

— Мне только что звонил начальник погранучастка,— сказал Корчевой.— Вы помогли поймать крупных диверсантов, за которыми шла погоня несколько суток. Он просил передать вам благодарность за отлично проведенную боевую операцию.

Алеша приподнялся на постели, а Дронов и Олег вскочили и негромко отрапортовали:

— Служим Советскому Союзу!..

И сугубо штатский, никогда не служивший в армии Владимир Михайлович Корчевой тоже поднялся и неумело приложил ладонь к помятому козырьку парусиновой кепки.

В то время как в Германской Демократической Республике принимаются меры для облегчения межзональных сообщений, боннское правительство устраивает настоящую охоту на тех, кто намерен пересечь зональную границу. На снимке: пограничные полицейские ссадили в Гамбурге с поезда группу пассажиров и передают их в руки уголовной полиции.

Фото из журнала «Иллюстрирте рундшау».

ЛЮДИ НА ГРАНИЦЕ

Берта ВАТЕРШТРАДТ

Эйзенахский приемный пункт — первое пристанище для беженцев из Западной Германии, которые хотят найти в Германской Демократической Республике работу и человеческие условия жизни. Здесь же временно останавливаются и люди, которые в свое время по той или другой причине покинули ГДР и сейчас возвращаются домой.

Лагерь рассчитан на тысячу человек и всегда переполнен. Бывают дни, когда только в Эйзенахский приемный пункт — существуют и другие — поступает более ста переселенцев с Запада. Совет лагеря — его избирают сами обитатели — с утра до вечера занят размещением вновь прибывших.

В клубе, устроенном при лагере, можно почитать, послушать музыку, поиграть в настольный теннис. На футбольной площадке местные эйзенахские футболисты устраивают товарищеские встречи с временными командами переселенцев. Ежевечерне — два киносеанса, выступления самодеятельных хоров и оркестров.

— Каждый день у нас бывает что-нибудь интересное,— говорит мне парень в пестрой рубашке, судя по выговору, гессенец.— Кормят превосходно, да и вообще как-то заботятся о человеке... Я к этому совсем и не привык... Надеюсь, мне разрешат остаться в Германской Демократической Республике?

Он знает, что были случаи, когда кое-кого отправляли обратно — из тех, в чьих добрых намерениях пришлось усомниться.

Лизелотта Небель не принадлежит к их числу. Ей двадцать два года, и она счастлива: сегодня вечером она едет домой, к отцу, в Хёклинген. Когда я спрашиваю, как это случилось, что она уехала из ГДР, она краснеет.

— Почему я уехала? — повторяет она мой вопрос.— Да потому, что была круглая дура! Дома мне хорошо и спокойно жилось, и у меня была приятная работа в мастерской по ремонту газовых счетчиков. Зарабатывала я до трехсот марок в месяц, в дом надо было отдавать только пятьдесят. Я могла бы жить припеваючи, если бы в мою жизнь не вошел мужчина; он-то и стал виновником моих несчастий...

Последняя фраза звучит несколько театрально. Должно быть, в Западной Германии Лили начиталась бульварных романов. Это чувствуется в ее манере излагать мысли...

Дальнейшую свою историю Лизелотта Небель рассказывает более спокойно.

Пять месяцев назад она перешла зональную границу и приехала в Альсдорф, округ Аахен. «Он» уверял ее, что там много шахт, где у него всегда будет работа. Но в Альсдорфе их сразу же разлучили. Ее повезли через всю Западную Германию, в лагерь близ Ганновера. Там было ужасно! Лили вздрагивает при одном воспоминании. К счастью, через десять дней ее отпустили, она поехала обратно в Альсдорф, надеясь встретить там своего друга. Но он скрылся и больше уже никогда не давал о себе знать...

— В Альсдорфе я поступила в прислуги к врачу,— продолжает Лили.— Прислуживать другим людям, убирать за ними грязь, прямо скажу, никогда не было моей мечтой. Но хуже всего было то, что мне постоянно напоминали, что я всего лишь «несчастная беженка», которая должна считать за честь служить в таком «благородном» доме...

Потом подвернулась работа на ткацкой фабрике. Но с тридцатью марками, которые составляли недельный оклад Лили, на Западе далеко не уедешь. Квартирная плата страшно высока. Для того, чтобы купить туфли, ей пришлось экономить на всем. К тому же здесь снова пришлось услышать те же разговоры: ты «несчастная беженка». На одном собрании разразилась буря. Хозяин произнес речь: рабочие, мол, должны быть благодарны ему, считать его отцом своим за то, что он дает им работу.

— А я выкрикнула: «Правильнее будет наоборот: если мы не будем на вас работать, вы не сможете так жить, как живете!» — Глаза Лили блеснули.— Ну, тут поднялся страшный шум. Многие рабочие были за меня, но некоторые — против. Хозяин кричал: «Уходи, откуда пришла!»

Родители уже несколько раз писали Лили, чтобы она возвращалась. И вот на последние деньги она купила билет до границы.

— Я знаю, дома я снова смогу работать на старом месте. У меня будет время подзаняться, сдать экзамены на высший разряд и потом поехать в Страсфурт, на радиофабрику. Там я стану радиотехником, я об этом всегда мечтала...

Лизелотта протягивает мне руку на прощание и выбегает из комнаты: надо успеть к вечернему поезду, который увезет ее домой.

Я смотрю в окно. Во дворе полно людей. Они стоят группами, разговаривают, спорят, смеются. Только одна женщина, лет сорока, сидит в стороне. Я подхожу к ней. Она не слишком дружелюбно меня встречает. Ей, должно быть, кто-нибудь уже сказал, что я корреспондент газеты.

— Вы хотите, чтобы я вам что-нибудь рассказала? — нервно говорит женщина.— Мой рассказ вам не пригодится. На Западе я не голодала и не мерзла.

— И все-таки вы возвращаетесь домой,— замечаю я.

С большим трудом, урывками мне все же удается узнать, что пережила Кетэ Т.

У Кетэ Т. и ее мужа Фреда был магазин текстильных товаров в маленьком городке Лобурге, возле Магдебурга. Дела шли хорошо. У супругов Т. две дочери: старшая, Ева, уже заканчивала среднюю школу и жила недалеко от родного городка в интернате, помещавшемся в бывшем дворце. Маленькая, Дорис, училась в самом городке. Семья спокойно жила бы и посейчас, если бы некие «добрые друзья» не шепнули «доверительно», что-де магазин у супругов Т. отберут, а дом конфискуют. Супруги заволновались: разве американская радиостанция «Риас» не утверждала то же самое!

— Нас никто дома не притеснял,— говорит фрау Т., покачивая головой,— нет! Мы пользовались доверием, у нас охотно покупали. И налог мы платили аккуратно, обычно даже немного вперед. И вот поехали в Западный Берлин, а оттуда в Вейсенбург, в Баварию; там живут мои родные. Когда мы приехали, стало ясно, что нас обманули, но вернуться мы все же не решались... Родственники раздобыли нам кредит, и нам удалось открыть магазин в Трейхлингене. Я была рада, что не в Вейсенбурге: на наших глазах за три месяца там обанкротились четыре магазина; это очень много для маленького городка с десятью тысячами жителей! Потом стало ясно, что и в Трейхлингене не лучше. Клиенты там почти всё покупают в кредит. Но кому можно было доверять? Приезжает человек в новенькой машине — откуда нам знать, может быть, и за машину он заплатил только первый взнос?..

Кетэ Т. замолчала. Радио зазвучало громче, а солнце пригревало все сильней.

— Больше всех недовольны были дети,— начала снова Кетэ Т.— Старшая упрекала нас, что мы взяли ее из интерната за год до окончания. Младшая скандалила и требовала, чтобы ее отвезли домой. Обе слонялись без дела. Мы могли бы найти для старшей место ученицы с жалованьем в сорок марок в месяц. Но рабочий день в Западной Германии продолжается тринадцать — четырнадцать часов. Мы не хотели, чтобы наша девочка губила на работе свое здоровье. И так как магазин приносил нам одни убытки, мы решили вернуться. Хотя бы ради детей!

— Что же вы думаете делать по возвращении? — спрашиваю я.

— В Лобурге мы сможем снова открыть текстильный магазин,— говорит женщина, и глаза ее теплеют.— Мы ведь специалисты своего дела. В Лобурге мы получим квартиру и начнем все сначала...

Двор опустел... Солнце село, становится прохладно. В конторе я разговариваю с Петером Штоллем — председателем лагерного совета. Сейчас он сидит за столом и приводит в порядок списки.

Петер Штолль, темноволосый тридцатичетырехлетний человек, с безукоризненной военной выправкой, жил в Аахене, Музеенштрассе, 8. Во время войны он был старшим лейтенантом воздушных сил и награжден рыцарским крестом. После разгрома фашизма работал в Аахене штейгером.

— Я приехал в ГДР не из соображений корысти: к этому зовут мои убеждения, хотя я никогда не принадлежал ни к какой партии,— рассказывает Петер Штолль.— Недавно я получил извещение, что меня, как офицера, скоро мобилизуют в «европейскую армию». И я решил покинуть Аахен.

— Господин Штолль, — говорю я.— А почему вас не прельстила перспектива снова стать офицером? Ведь вы получили крест во время войны.

Штолль смотрит на меня.

— Вы напоминаете о военной службе при Гитлере. Это естественно. Но я был тогда очень молод и не слишком много размышлял. Теперь я раскаиваюсь в том, что участвовал в этой войне. Если бы сегодня я вступил в «европейскую армию», мне пришлось бы повторить ошибку. Нет, этого я никогда не сделаю!

Штолль встал и взволнованно начал ходить взад и вперед.

— Я уже побывал на некоторых предприятиях Эйзенаха. Я не слепой и вижу, как там заботятся о людях.

Я прощаюсь с ним и направляюсь в город.

Я иду по вечерним улицам Эйзенаха. Контуры Тюрингских гор едва различимы в темноте. Я думаю о людях, с которыми говорила сегодня. И прихожу к убеждению, что правда жизни берет свое, несмотря на всю дикую ложь и клевету, которая идет с Запада...

Сокращенный перевод из журнала «Нейе дейче литератур».

Осень в Адане

Письмо из Турции

Осман САМСУНОГЛУ

С высоты гор Тавра долина Чукуровы напоминает круглую сковородку. Чукурова лежит у берегов теплого Средиземного моря. Круглый год зеленеют здесь лимонные, апельсиновые, померанцевые рощи. Снега не бывает. Осенью же вся долина становится белой: раскрываются коробочки хлопка.

Летом здесь в воздухе столько пыли, что небо теряет голубизну. Блекнет солнце. Наступает период «желтой жары». Дышать нечем. Дожди выпадают редко, но если уж выпадут, то в виде тропических ливней, продолжающихся больше месяца. С неба тогда льется не вода, а грязь. Вся долина превращается в сплошное болото. Из болота черными тучами поднимаются армии малярийных комаров.

О плодородии земли Чукуровы говорят: посади здесь палку — она даст колос. Но трудно описать, как страшна жизнь батраков, издольщиков, крестьян-бедняков, обильно поливающих пóтом эти плодородные земли. Недолго живет трудовой люд Чукуровы; большинство начинает седеть уже в двадцать пять лет. Люди умирают от малярии, от чахотки, под дубинкой надсмотрщика, под кулаком бея, под прикладом жандарма, так и не познав радости жизни, ни разу не наевшись досыта.

«Кладовая белого золота» — так называют хлопковый район Аданы. Но эта «кладовая» — в когтях хищников. Тут хозяйничают банки; земля — в руках помещиков-плантаторов. Кто хоть раз увидел такого помещика, никогда не забудет эту фигуру: толстый живот, обмотанный красным кушаком, четки в руках, змеиная злоба на лице и неизменная брань на губах.

В «кладовую белого золота» повадились и американцы. Меджлис пожаловал им право сколько угодно грабить землю и как заблагорассудится эксплуатировать народ.

Кварталы бедноты в Адане — страшное зрелище. Бесформенные груды хижин, громоздящихся одна на другую. Почти у всех земляные крыши. Вода в колодцах горькая, с известью. Летом рабочие кварталы окутаны клубами пыли, зимой это — море грязи.

Город пересекает река Сейхан. Но и она несет беднякам горе. Посмотрели бы вы, с какой яростью Сейхан мчится к морю в паводок, сметая все на своем пути. Этим летом в одну ночь потоки воды снесли целый рабочий квартал в районе Каршыяка. Много бедняков осталось без крыши над головой. Ни у губернатора, ни у муниципалитета не нашлось времени, чтобы проявить хоть какую-либо заботу о пострадавших от наводнения: власти по горло заняты строительством американского аэродрома на землях бывшей деревни Инджирлик, под городом. Кроме того приходится то и дело устраивать банкеты и приемы, встречая и провожая именитых американских «гостей»...

Достопримечательность Аданы — каменный мост через реку Сейхан. Он построен еще римлянами. У него восемнадцать пролетов и двадцать быков. В середине реки, там, где течение самое быстрое и напор воды наиболее сильный, мост сужается, пролеты делаются меньше. Это какой-то секрет строителей. Нынешним летом уровень реки повысился на шесть метров, скорость течения достигала пятидесяти пяти километров в час. Однако узкий средний пролет моста стоял как ни в чем не бывало.

Но аданский мост больше знаменит другим: рынком батраков. Придите в воскресенье или во вторник к этому мосту, и вы увидите такой же рынок рабов, какой, возможно, бывал здесь во времена древнего Рима. В эти дни здесь собираются десятки тысяч людей. Управляющие помещичьими имениями нанимают батраков и, как стадо, гонят их по дорогам на плантации. Помещики договариваются не с самими батраками, а с маклерами. Здесь их называют «эльчи» («послы»). «Послы» одеты весьма своеобразно: высокие сапоги, короткий френч, на голове колониальный пробковый шлем и обязательно черный зонтик в руках. Маклеры жестоки и беспощадны, как янычары. Они кладут к себе в карман десять — двенадцать процентов заработка батраков.

Батраки получают плату по неделям, размеры ее устанавливает некая «специальная комиссия». Разумеется, «комиссия» полностью в руках «союза землевладельцев», в ней заседают председатель муниципалитета и председатель биржи, оба крупные помещики. Нередко бывает так, что у батрака, проработавшего все лето, не хватает денег на обратный проезд в родную деревню.

Существующий «порядок» работы батраков на плантациях Аданы установлен еще сто тридцать лет тому назад египетским завоевателем Ибрагимом-пашой: батрак должен выйти в поле с восходом солнца и вернуться с работы после его захода. Живут батраки в земляных бараках, куда хозяин никогда не поместит даже скот. Их пища — снятое кислое молоко, разбавленное водой, и сухая каша из пшеницы.

Есть, правда, сельскохозяйственный профсоюз. Но профсоюзные активисты, защищавшие права рабочих, арестованы и брошены в тюрьмы. Их долго пытали в полиции. Сейчас их судят в военном трибунале при закрытых дверях.

Круглый год в Адане полным-полно безработных. А когда убран хлопок, то все батраки остаются без дела. С ноября по февраль «мертвый» сезон. В этом году в долину Чукуровы пришло более двухсот тысяч батраков со всех концов страны, но только четвертая часть нашла работу. Остальные в ожидании работы ютились в канавах у дорог, в тени эвкалиптовых деревьев. Вдоль дорог Чукуровы за последнее время появилось много новых могил. Они напоминают могилу «неизвестного солдата». Здесь лежат сотни турецких крестьян.

* * *

Конец августа. Стоит такая удушливая жара, что невозможно выйти на улицу.

Дворец губернатора, городская тюрьма, жандармское управление — все эти здания расположены в центре города. В один из последних дней августа здесь на лестнице дома губернского управления повесился человек.

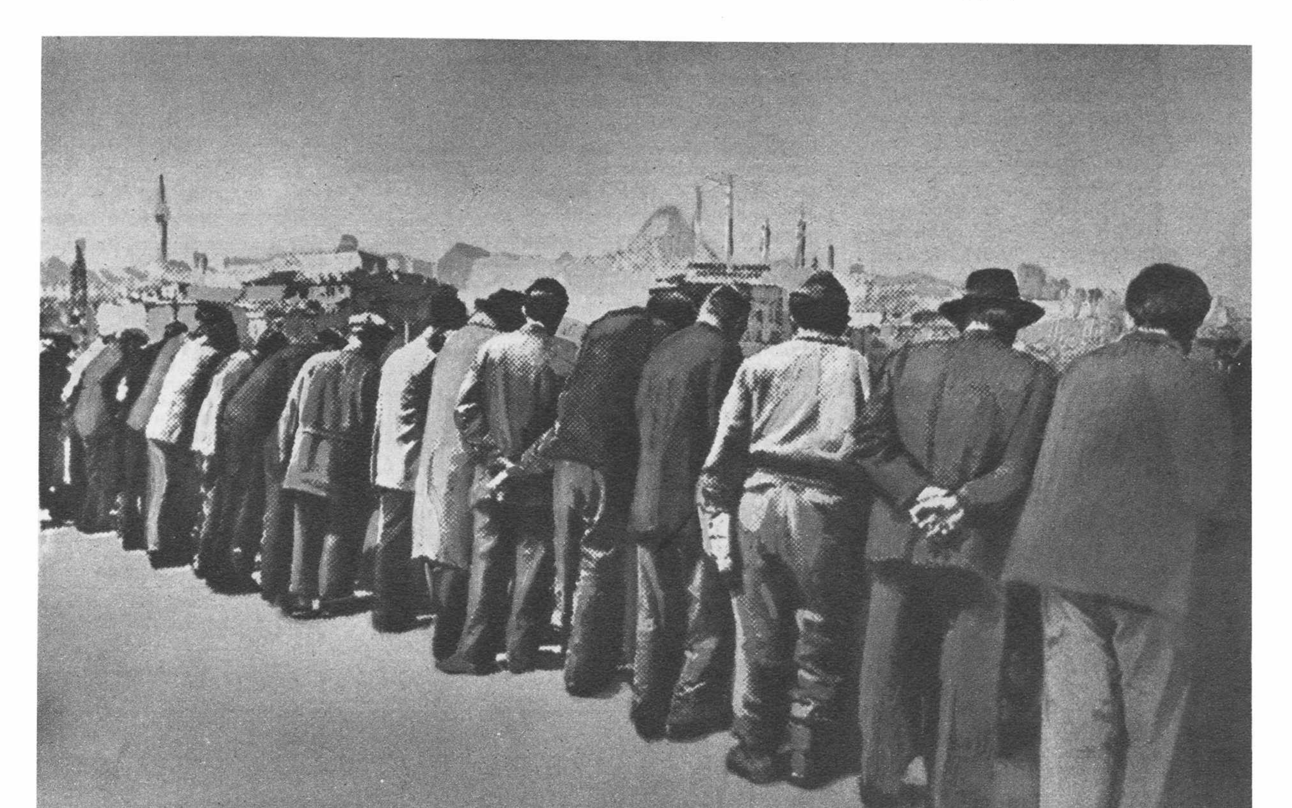
Он повесился потому, что на благодатной земле Аданы не смог получить работы, потому что в «кладовой белого золота» не нашлось для него и куска хлеба. Это был один из двухсот тысяч батраков, пришедших в Адану нынешним летом. Его звали Ахмет Демир. Долгие месяцы он голодал, нищенствовал, наконец, решил обратиться за помощью в муниципалитет, к губернатору. Ахмет просил всего десять лир. Это стоимость двух килограммов мяса. Ему отказали. Только одна из машинисток губернского управления пожалела беднягу, на котором остались лишь кожа да кости; она дала ему пятьдесят курушей. Это стоимость килограмма хлеба. Ахмет Демир из Адыямана купил на эти пятьдесят курушей два метра веревки, накинул петлю на худую шею и со словами «Я протестую!» прыгнул в лестничный пролет.

В то время, когда Ахмет Демир болтался на веревке в здании губернского управления, у дверей отеля «Эрджиэш» разглагольствовал толстяк с огромным животом:

— В нашей стране нет безработицы, господа, нет!..

Это был Омер-ага. Отель «Эрджиэш» принадлежит ему. Ему принадлежит и один из известных банков — «Акбанк», у него фабрики и поместья. Омер-ага — типичный богатый торговец-компрадор. Он имеет свои конторы в Гамбурге и Бремене. В годы второй мировой войны он поставлял Гитлеру стратегическое сырье; отсюда и происходят его миллионы.

Как-то Омер-ага заявил: «Я превращу Адану в маленькую Америку!» Американские «специалисты», контролирующие теперь сельское хозяйство Чукуровы, живут у него в отеле. И Омер-ага говорит: «Только ослы могут думать

Безработные на одном из мостов в Стамбуле.

Снимок из турецкой газеты «Ватан».

о национальной гордости. Все продается. Все в Турции можно купить. Доллары есть?»

Правда, в последние месяцы этот миллионер чувствует себя не в своей тарелке. Он никак не может примириться... с перемирием в Корее.

Откровенно вздыхает он о том, что его «барыши пострадали». Омер-ага не одинок. Не лучше его Мете, Сатмаз и другие аданские тузы.

Появились в Адане и новые миллионеры. Их породила американская «помощь». Эти дельцы получили заокеанские тракторы, дешевые банковские кредиты. И, как это сделал помещик-депутат Кибароглу, они согнали со своих земель издольщиков и испольщиков. Теперь эти помещики превращают «белое золото» в желтое.

Вместе с американскими «специалистами» появились в Адане шикарные рестораны и бары. Здесь прокучивают деньги разбогатевшие новоявленные миллионеры — плантаторы и старые помещики с широкими кушаками вокруг живота. Какой-то помещик на двое суток закрыл для «посторонних» двери одного из баров и прокутил сто тридцать тысяч лир.

Однажды в полдень перед зданием аданской биржи прогремели пять пистолетных выстрелов. Это убили известного в Адане богача Мустафу Шенгюля, председателя биржи и одного из вожаков «союза землевладельцев». Он был также компаньоном одной из американских фирм.

Что до убийцы, то еще несколько лет тому назад он считался крестьянином средней руки. Но потом хозяйство его расстроилось. Он влез в долги Шенгюлю, задолжал банку, потерял свою землю, разорился, стал батраком. Но председатель биржи не оставил его в покое. Он заставил батрака работать на своей земле, а заработок его удерживал в счет старого долга. На суде крестьянин заявил: «Ему было мало того, что он разорил меня. Он хотел еще, чтобы я своим трудом кормил его потомство до седьмого колена».

* * *

Жестокий гнет помещиков-плантаторов и хищническое хозяйничание американцев все чаще встречают сопротивление широких масс крестьян. Депутат меджлиса Ремзи Буджак заявил, что «в этом году пахать приходилось под охраной жандармов». В деревне Артдам помещик во время пахоты вызвал для охраны тракторов жандармов. То же самое он вынужден был сделать во время уборки урожая.

Самые крупные выступления крестьян против гнета и произвола помещиков в долине Чукуровы были этим летом в районах Козан и Джейхан. В районе Козан тысячи крестьян более тридцати деревень сражались с помещичьими и жандармскими отрядами за землю, за пастбища и выгоны, за источники воды. Сотни крестьян, принимавших участие в столкновениях, томятся сейчас в аданской тюрьме. Продолжаются высылки, идут допросы, следствие. Помещики используют любые средства — террор, убийства, массовые распродажи с молотка, судебный аппарат — для того, чтобы поставить крестьян на колени. Стоит посмотреть на крестьян, приходящих в аданскую тюрьму на свидание к своим родственникам, чтобы понять, до какой степени нищеты доведены их семьи. Даже местная газета «Тюрк сёзю» писала об этих событиях как о «страшной трагедии».

Сейчас, несмотря на «мертвый» сезон, в долину Чукуровы прибывают все новые и новые массы крестьян. Что заставило их бросить свои деревни в эти месяцы, когда тысячи безработных батраков обычно начинают покидать долину Аданы? Откуда эти люди? Значительная часть их бежала из деревень области Диарбакыра. Не работы ищут они, а спасаются от жандармского и помещичьего террора. Это родственники солдат, отказавшихся служить в армии (число солдат, дезертирующих из армии, растет в Турции день ото дня).

Заключение перемирия в Корее было воспринято народом как великая радость, надежды на мир окрепли. И вместе с тем во всей стране, будь то город или деревня, атмосфера попрежнему напряжена, люди чувствуют себя, как на углях или в зарослях чертополоха. Осенние военные маневры, проведенные во Фракии и западных районах страны с участием вооруженных сил Атлантического блока, показали, что народ встревожен не напрасно. Несмотря на заключение перемирия, семь тысяч триста турецких солдат было отправлено в Корею, где они находятся до сего дня. Турецкий крестьянин, которому война в Корее уже принесла много горя, предпочитает бежать из армии. Но тогда террор обрушивается на их семьи. Яркий тому пример — события в Диарбакыре.

В начале сентября корреспондент стамбульской газеты «Ени Истанбул» сообщал: «Жандармы наводят ужас на деревни Диарбакыра. Крестьяне стонут». В газете со всеми подробностями описывались пытки, которым жандармы подвергают крестьян и их семьи. «Жандармские отряды,— пишет корреспондент,— врываются в деревни, ловят крестьян на полях, в огородах, на токах, раздевают догола и бьют палками до тех пор, пока люди не превратятся в окровавленное мясо. Не разбирают, женщины ли это или дети, старики или молодые. В деревнях не оставляют ничего съестного». Газеты помещают фотографии умерших от побоев крестьян, изнасилованных женщин и девушек.

И вот, спасаясь от террора, крестьяне дошли до Аданы. Аданский муниципалитет не пустил их в город. В этом нет ничего удивительного: помощник председателя муниципалитета — жандармский полковник в отставке. В свое время он сам без суда и следствия расстрелял на мосту Тирмил, на дороге Козан — Адана, более тридцати крестьян...

Кое-кто из безработных батраков, потеряв терпение, покидает Адану. Они мечтают добраться до Измира или Стамбула в надежде заработать на хлеб, став носильщиками — хамалами. Они не знают, что и в Стамбуле свирепствует безработица, что и там хамалы бедствуют.

Безработные бредут по дорогам Аданы и тихо напевают старую турецкую песню:

В камнях — дороги Аданы,
В слезах — глаза бедняка...

Октябрь, 1953 год.

Перевод с турецкого.

Поборник великой правды

«Мы любим Нурдаля Грига, его драмы, романы и песни, потому что в них — великая правда наших дней, потому что сама его жизнь была как песня», — сказал старейший писатель Мартин Андерсен-Нексе. В одном из своих стихотворений Григ яркими словами нарисовал родную его сердцу картину северной природы: изломы скал, покрытых снегом, извилины реки, скованной льдом, и вдруг среди бескрайной белизны — синева, поток воды, вырвавшейся на свободу. Этот поток, предвестник наступающей весны, приобрел для норвежского художника значение поэтического символа. «И во всем мире с неодолимостью стихии человеческая воля разрушит отмершие общественные формы, как весенний поток ломает лед на реке»,— писал Григ в статье, в которой он предвидел и приветствовал грядущую «весну человечества».

Нурдалю Григу был двадцать один год, когда он создал свой первый роман, «Корабль идет дальше». До этого он рядовым матросом служил на пароходе, отправлявшемся из Норвегии в дальние рейсы. Григ любил море. Но он знал, что корабль — «это молох, который перемалывает чужие жизни железными челюстями». Григ еще не объяснял в романе, почему мир устроен так, что бо́льшая часть людей живет в тисках рабства. Но он уже отказывался признавать этот социальный порядок.

«Норвегия в наших сердцах» — так назывался сборник стихотворений Грига, изданный в 1929 году. В стихотворении «Утро в Финмарке» поэт вдохновенно воспроизвел ни с чем не сравнимые ощущения человека, возвратившегося в родные края. В ту пору, когда создавалось стихотворение, Григ уже знал, что любить родину — это значит бороться за счастье ее народа. Вот почему он, обращаясь к самому себе, спрашивал:

Где твое право на эту
Землю, врученную нам?

И в ответ звучат, как клятва, слова:

Всю мою юность и силу
Требуй на подвиг, страна.

На протяжении двух лет — с 1933 по 1935 год — Григ находился в Советском Союзе. Он вернулся из СССР с твердой решимостью бороться за то, чтобы повсюду на земле мечта простых людей о свободе и счастье стала действительностью. В 1936—1937 годах поэт издает журнал «Путь вперед», в котором сотрудничали не только прогрессивные норвежские писатели, но и ведущие деятели мировой литературы, среди них А. М. Горький. Григ упорно учился у советских писателей.

В 1935 году Григ создал пьесу «Наша честь, наше могущество» — едкую и горькую сатиру, сохранившую актуальное значение вплоть до сегодняшнего дня, хотя события, изображаемые в ней, относятся к временам первой мировой войны. Дитлеф Матисен, крупный судовладелец и участник многих спекулятивных акционерных предприятий, охотно говорит о своей любви к людям и особенно к детям. Но на деле он один из организаторов массового убийства моряков, и по его вине их дети остаются сиротами. Судовладельцы нейтральной Норвегии, с одной стороны, за большую плату предоставляли свои корабли английским предпринимателям, а с другой — экспортировали в Германию медь для постройки подводных лодок, топивших эти самые суда.

В пьесе Грига показано, что для капиталистов война — наиболее выгодная из спекуляций. Моряки в пьесе Грига начинают понимать эту истину, которую буржуазия пыталась и пытается замаскировать лживыми фразами о единстве нации, будто бы заинтересованной в войне. «Я помню, не так давно это было — зимой в Атлантическом океане,— говорит матрос Мальвин. — Я плыл, пробираясь между обломками судна, и тогда я увидел, как флаг погрузился в воду, когда затонула корма корабля... Они бьют нас флагом каждый раз, когда мы требуем лучших условий жизни. Но когда-нибудь мы отнимем у них флаг. Потому что это наш флаг». Характерно, что эти слова вызвали бурную реакцию в зрительном зале, когда пьеса в 1951 году была поставлена на сцене бергенского театра.

Ненавидя войну, Нурдаль Григ брал в руки оружие каждый раз, когда нужно было сражаться с врагами мира на земле. Андерсен-Нексе, побывавший в 1937 году в Валенсии и Мадриде, вспоминал, что Григ «был своим среди испанских бойцов». Григ еще тогда уверенно писал: «Насильники и агрессоры будут раздавлены под тяжестью своих собственных преступлений, а люди, обладающие неоценимыми духовными качествами, выдержат борьбу несмотря ни на что». В 1940 году Григ был одним из тех солдат норвежской армии, которые героически сопротивлялись гитлеровским захватчикам. Потом он бежал в Англию, но и там продолжал сражаться с фашистами. Нурдаль Григ погиб в воздушном бою в ночь со 2 на 3 декабря 1943 года.

«Надежда», «Свобода», «Когда кончится война...» — так называются книги стихов поэта, изданные посмертно.

Стихотворение «Правда» и поэму «Вигго Ханстен», герой которой, норвежский коммунист, активно боролся с захватчиками и был казнен ими, Григ посвятил коммунистической партии. Он верил в то, что она ведет и приведет к победе трудовой народ, который повсюду на земле стремится к свободе и миру.

В одном из стихотворений поэт от имени павших обратился к тем, кто увидит конец войны и начало новой жизни:

Но вы, молодые, живые,
Стойте на страже мира...

Со дня смерти Нурдаля Грига прошло десять лет. Простые люди, стоящие на страже мира, чтут память писателя-патриота, писателя-бойца.

Нурдаль Григ. Избранное. Гослитиздат. М. 1953. 191 стр.

Л. СИМОНЯН

Ю. Масютин. АВТОПОРТРЕТ.

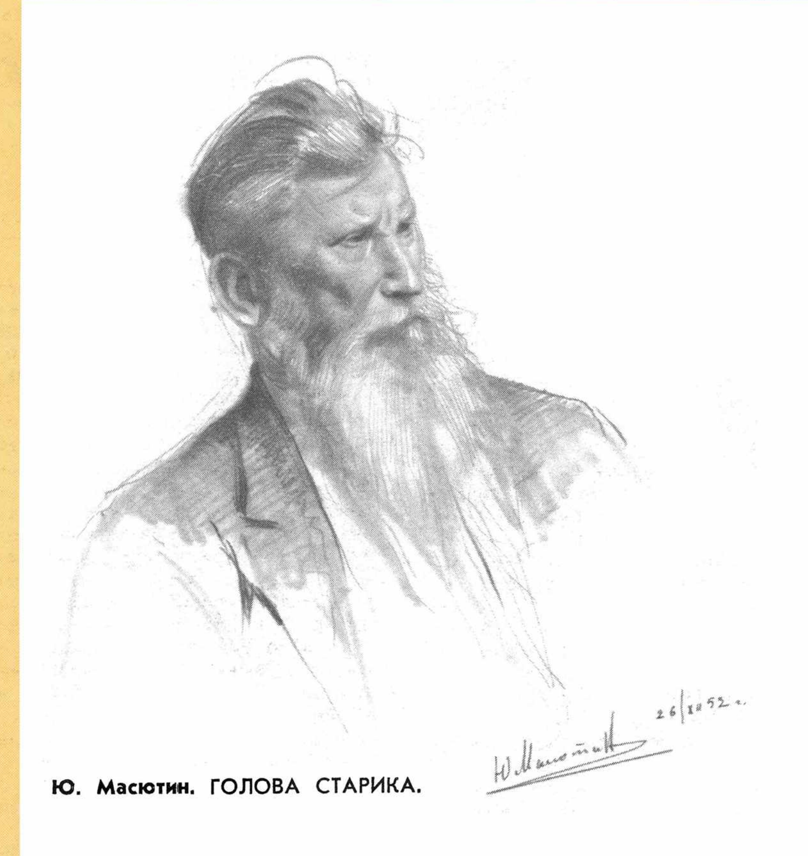
Работы ставропольского художника-самоучки Юрия Масютина привлекли к себе внимание художественной общественности год тому назад. Выставка, организованная этим летом в Центральном Доме работников искусств, дала возможность москвичам всесторонне ознакомиться с творчеством одаренного молодого художника.

Потеряв в раннем детстве после тяжелой болезни слух и дар речи, Масютин был лишен возможности получить образование. Все интересы мальчика сосредоточились на рисовании, а затем и на живописи. Пейзажи, портреты родных и знакомых поглощали все его время.

Тщательно изучает молодой художник мимику, жесты, пластику, выражение глаз. У Масютина много автопортретов. Эти работы были его школой. Глядя в зеркало, он зарисовывает в различных ракурсах разнообразные повороты головы, затем на страницах альбома появляются глаза с выра-

БОРЕНЬКА.

Ю. Масютин. ГОЛОВА СТАРИКА.

ПЕТЯ.

НЕЛЛИ.

жением ужаса, удивления, скорби, негодования и т. д. Беспрерывная работа по натуре обогатила его технику.

За последний год здоровье Масютина с помощью московских врачей стало улучшаться. Ему частично вернули слух, и он уже умеет читать. Театр, кино, музеи, книги стали доступны художнику.

И если до недавнего времени его творчество было замкнуто в кругу дома, семьи, то сейчас он создал интересную портретную серию выдающихся деятелей искусства и пробует свои силы в сложных композициях на исторические темы.

В портретах Масютина прежде всего привлекают внимание глаза, выразительные, живые, передающие целую гамму чувств. Среди многочисленных работ Масютина в этом жанре немало подлинных удач, когда, помимо внешнего сходства, он с большой выразительностью создает психологический образ. Таковы портреты народной артистки СССР В. Барсовой, народного артиста республики Б. Андреева и заслуженной артистки РСФСР Л. Сухаревской.

Живой интерес вызывают пейзажные работы Масютина: хотя они зачастую этюдны, но всегда согреты чувством, правдивы и выразительны.

Художник не останавливается на достигнутом. Он использует различные виды техники: пишет маслом, акварелью, гуашью, рисует карандашом, углем, сангиной, режет на линолеуме гравюры. Эти работы предвещают еще более яркий расцвет его примечательного дарования.

Н. СВЕТЛОВА

ГРЕЧЕСКАЯ ПЕВИЦА В МОСКВЕ

Большой зал Московской государственной консерватории... Трудно перечислить крупнейших исполнителей-музыкантов, выступавших на эстраде этого зала, давно ставшего одним из замечательных «музыкальных форумов» не только нашей страны, но и всего мира.

За последние годы с каждым сезоном все больше растет число зарубежных музыкантов, выступающих с концертами в СССР и прежде всего, конечно, в Москве. Частыми и желанными гостями стали у нас артисты стран народной демократии. Этим летом приезжали к нам музыканты из Швеции и Норвегии.

На днях в Большом зале консерватории состоялся концерт греческой певицы Кицы Дамасиоти. Музыкальная общественность столицы с живым интересом отнеслась к выступлению представительницы современного греческого искусства.

Дамасиоти — ведущая солистка Афинского оперного театра. Однако наряду с оперными ариями,— кстати говоря, редко исполняемыми, такими, как арии из Моцарта, Генделя, Глюка, Миньоны из одноименной оперы А. Тома, Эболи из «Дон Карлоса» Верди,— артистка с явным и большим удовольствием и мастерством поет камерные произведения: изысканные романсы французских композиторов Форэ и Шоссона, народные греческие песни, песни греческих композиторов лирического, шуточного, плясового склада.

Дамасиоти очень музыкальна, и это в ней самое привлекательное. Она прекрасно чувствует музыку, умеет воссоздать также и на концертной эстраде образ своей оперной героини, передать сокровенный смысл и стиль народной песни, все разнообразие чувств и настроений, в ней запечатленных: задумчивую грусть, искреннее веселье, лукавый юмор...

Голос Дамасиоти довольно обширного диапазона. Без труда «забирается» она на такие высокие ноты, на которые меццо-сопрано, вообще говоря, «забираться», по правилам, и не полагается, вместе с тем низкие, грудные ноты у нее звучат свободно.

Не совсем по-обычному трактует Дамасиоти и знаменитую «Хабанеру» из оперы Бизе: ее Кармен по-юному непосредственна, задорна, легкомысленно весела, — и это показалось особенно свежим и интересным.

Свой большой успех Кица Дамасиоти разделила с оркестром Московской филармонии под управлением С. Самосуда, хорошо и чутко аккомпанировавшим певице. В романсах и песнях партию фортепиано исполнял А. Зыбцев.

М. ГРОМОВ

Актеры из Сортавалы

Синий автобус проехал по мосту через залив Ладожского озера, который разделяет Сортавалу на две неравные части. Он миновал три или четыре центральных квартала и почти сразу очутился за городом. В нем было четырнадцать пассажиров — артисты Второго русского драматического театра Карело-Финской ССР.

Мы едем с группой актеров в поселок Ля́скеля, на берегу Ладожского озера, в полутора часах пути от города Сортавалы. В Ля́скеля состоится очередной выездной спектакль — 365-й в нынешнем году. Недаром «театром-тружеником» называют в республике этот неутомимый коллектив: три четверти своих спектаклей он показывает вне города; в Сортавале театр играет не чаще двух раз в неделю.

Где только не побывал его коллектив за четыре года своей необычной жизни! Мой сосед по автобусу рассказывает об одной из таких гастрольных поездок: актеры проделали путь в полторы тысячи километров. Неожиданно рассказ прерывается: впереди отчаянно буксует грузовичок с театральными декорациями. Как обычно, он был отправлен в Ля́скеля раньше автобуса. Женщины остаются в машине, а мужчины с тем спокойствием, с каким люди делают хорошо знакомое им дело, выходят на дорогу и принимаются сообща вытаскивать застрявшую машину.

Когда все наконец готово и грузовик с декорациями катит следом за нами, в автобусе опять завязывается разговор.

— Помните Сегежу? — подает голос шофер Миша, постоянный водитель театральной машины, вечный спутник актеров. И вот из отрывочных фраз, восклицаний, шуток возникает рассказ о том, как снежный буран застиг однажды синий автобус. До Сегежи оставалось десять или пятнадцать километров, не больше, но колеса машины безнадежно увязли в снегу. Свет фар не пробивал надвигавшуюся тьму даже на метр. В радиаторе стыла вода. Актеры тщетно пытались согреться, стуча ногами о пол. Каким вздохом облегчения, каким счастливым «ура!» встретили мерзнувшие в автобусе люди внезапное появление тягача! Оказалось, зрители в Сегеже, не дождавшись актеров, решили, что с театральным автобусом приключилась беда, исхлопотали где-то тягач и послали его навстречу.

А как актеров встретили в Сегеже! Растирали им руки, поили горячим чаем, спрашивали тревожно: «А сможете играть? Сможете? Мы подождем,— вы отдохните, согрейтесь!» Зрители сами сгружали прибывшие декорации и помогали устанавливать их. И сейчас актерам кажется, что они еще никогда не играли с таким увлечением, как в Сегеже.

— А Пудож! — снова напоминает Миша.

Да, Пудож в Заонежье, где публика с трудом рассталась с театром. А Чупа — у самого Полярного круга, где любители театра каждый вечер после спектакля оставались, чтобы беседовать с актерами об искусстве! А Олонец, Беломорск, Кандалакша!.. А проводы актеров после спектаклей в летние белые ночи или зимой в мороз при феерическом свете северного сияния! Бывали спектакли и на лесных делянках, где зрители-лесорубы сидели на пнях, поваленных деревьях. Театр побывал и в бревенчатых рыбачьих клубах на побережье Баренцова моря.

Да, работникам этого театра есть что вспомнить.

Заходит речь о заметке в стенной газете. В одном из вышедших номеров мы видели статью, подписанную главным режиссером театра А. Экслером, под названием «Кинопроблема». Это не о кино, а о Кине! Кин — герой знаменитой драмы Александра Дюма-отца, прославленный трагик, имя которого стало символом актерского индивидуализма. Некий одаренный актер вступил в труппу Сортавальского театра. Но неудобства походного образа жизни его вовсе не устраивали. Актеры здесь привыкли сами себе шить костюмы, гримировать друг друга, заменять, если надо, рабочего сцены, устанавливать декорации. Когда труппа получила постоянное помещение в Сортавале, актеры по собственному почину принялись за оборудование зала и фойе... Но тот, кого в труппе прозвали «Кином», заявил, что такое положение унизительно для художника, и отказался следовать примеру товарищей. «Кин» не ужился в труппе, не ужились в ней и некоторые другие, такие же, как он. Но от этой «потери» еще больше окрепла дружная, спаянная семья актеров-энтузиастов.

Вот и Ля́скеля — рабочий поселок. Сегодня здесь идет пьеса туркменского драматурга Г. Мухтарова «Честь семьи».

Участники спектакля гримируются и одеваются тут же, на сцене, за общим столом. В молодой женщине, гримирующей кого-то, мы узнаем актрису Г. Селезневу, сегодня в спектакле не занятую и потому помогающую товарищам. В иные дни она с успехом играет взбалмошную школьницу Светлану в пьесе В. Розова «Ее друзья» или... пожилую сваху Акулину Гавриловну в «Женитьбе Бальзаминова». А молодой человек, прибивающий сейчас на сцене портьеры и расставляющий мебель,— это актер Ю. Юров, исполнитель роли молодого Владимира Ульянова в пьесе «Семья» И. Попова. Если завтра днем мы зайдем в фойе Сортавальского театра, то застанем актрису Е. Давыдову за шитьем костюма к премьере,— сегодня вечером мы видим ее в роли старой Бике в спектакле «Честь семьи»...

Действие происходит в Ашхабаде. За окном комнаты Мердановых — панорама туркменской столицы. Актеры на сцене одеты по-летнему. Публика в переполненном зале сидит в пальто, женщины в теплых платках. В театре холодно, но актеры силой искусства переносят зрителей в солнечный Ашхабад...

В репертуаре театра «Васса Железнова» М. Горького, «Женитьба Бальзаминова» А. Н. Островского, «За вторым фронтом» В. Собко, «Замужняя невеста» Грибоедова, Шаховского и Хмельницкого, «Семья» И. Попова, комедия «Живой портрет» испанца Морето и болгарская пьеса «Земной рай» О. Василева. Театр ставит восемь спектаклей в год. Но выбор пьесы всегда зависит от числа действующих в ней лиц: труппа состоит всего из 20 актеров.

Талантливые и требовательные к себе артисты и режиссеры несут зрителям глубинных районов республики, маленьких, затерянных в карельских лесах поселков подлинное искусство.

...Труд этих людей достоин высокого уважения. И никто не скажет им этого лучше, чем их зритель, с которым они встречаются четыреста раз в году.

К. ОРЛОВСКИЙ

Сцена из спектакля «Земной рай» О. Василева.
Фото А. Волкова.

О САМЫХ СИЛЬНЫХ

Я. КУЦЕНКО,
заслуженный мастер спорта

Чемпионат мира 1953 года по штанге, состоявшийся в Стокгольме, закончился, как известно, убедительной победой тяжелоатлетов СССР, завоевавших командное первенство. Советские спортсмены заняли первые места в легчайшем, полулегком и среднем весе и призовые места в легком и полусреднем весе. Семь участников команды СССР набрали наибольшее количество очков, оставив команду США на втором месте. Но победа эта была достигнута без участия штангистов тяжелого веса. У нас не оказалось атлета тяжелого веса, который смог бы вступить в единоборство с сильнейшими в мире. А ведь русские штангисты всегда славились своими тяжеловесами. Значит, мы должны заботливо растить самых сильных штангистов, чей собственный вес превышает 90 килограммов.

О традициях русских богатырей, о борьбе, которая идет сейчас на помосте между тяжеловесами, и рассказывается в этом очерке.

* * *

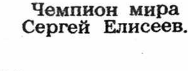
1947 год. Яков Куценко, выступая на стадионе «Динамо», установил мировой рекорд в толчке — 174 килограмма.

Фото А. Бурдукова.

21 марта 1899 года в Миланском тяжелоатлетическом клубе маркиза Монтичели начался розыгрыш первенства мира по подниманию гирь. В Милан прибыли лучшие атлеты из многих стран. Это были тяжеловесы, люди с большим массивом мышц, от размеров которых и зависит сила атлета. Среди них как-то терялся невысокий человек, приехавший из Петербурга,— Сергей Елисеев. Что значили его 80 килограммов собственного веса там, где выступали такие колоссы, как Редль из Мюнхена, Шнейдер из Кельна и Скури из Павии, вес которых достигал 120 килограммов! Но сразу же после рывка одной рукой вперед вышел русский штангист Елисеев. Он уверенно поднимал вес за весом, вызывая восхищение судей и зрителей. Русский, повидимому, показывал не предельные свои результаты. Он был застенчив, и его явно смущало многолюдное окружение.

Когда подсчитали поднятые килограммы, оказалось, что петербургский силач добился наилучших результатов, и маркиз Монтичели вручил новому чемпиону мира большую золотую медаль.

Победа Сергея Елисеева на миланском чемпионате и сейчас, спустя более полувека, не потеряла своей блистательности. Ведь русский богатырь был и остается единственным средневесом, выигравшим состязание у сильнейших тяжеловесов мира. Этот успех Елисеева следует приписать его феноменальной силе. Никому впоследствии не удавалось повторить своеобразный спортивный подвиг Елисеева: высшие достижения, абсолютные мировые рекорды — удел тех, чей собственный вес значительно превосходит 100 килограммов.

Чемпион мира Сергей Елисеев.

...Из русских тяжеловесов, современников Елисеева, отлично выступали на помосте со штангой и гирями Петр Крылов, Сергей Морро-Дмитриев, Георг Гаккеншмидт, прозванный за границей «русским львом». На весь мир гремела в то время слава сильнейшего тяжеловеса Карла Свободы из Вены, и вдруг в 1916 году малоизвестный киевлянин Тонкопей взял да и выжал вес больший, чем Свобода...

Первым чемпионом Советского Союза в тяжелом весе стал в 1923 году авиатор Михаил Громов, ныне генерал-полковник, Герой Советского Союза. В двадцатых и начале тридцатых годов успешно выступал тяжеловес Ян Юрьевич Спарре. Сухощавый, с прекрасной мускулатурой, подвижной, как легковес, Спарре поднимал штангу красиво, без напряжения.

Закончив выступления на помосте, Ян Юрьевич занялся тренерской деятельностью. Снова о нем заговорили, когда стал выступать его ученик Серго Амбарцумян. К этому времени относится начало и моего спортивного пути.

В 1934 году особенно славился египтянин Носсеир. Он отличался исключительной резкостью движений и быстротой. Ему хорошо удавались и силовое движение — жим — и темповые движения — рывок, толчок. Каждое из этих движений, составляющих вместе классическое троеборие, требует особых усилий и особого мастерства. При жиме штанга поднимается вверх силой только одних рук. Выполняя рывок, спортсмен стремительным движением вздымает («вырывает») штангу. Толчок сочетает силу жима и резкость рывка.

Носсеир вытолкнул неслыханный для той поры вес — 167,5 килограмма. Для того, чтобы соревноваться с египтянином, надо было преодолеть «страх» перед его рекордом. Каждый вечер в процессе тренировки я поднимал не менее 10 тонн. Помножьте эти 10 тонн на триста с лишним тренировок, и вы поймете, каких усилий требовала эта заочная дуэль с Носсеиром. Но штангисту мало обладать большой физической силой: он должен еще в совершенстве владеть техникой — уметь согласовывать усилия всего своего тела. Малейшая неточность влечет за собой неудачу. Много пришлось мне поработать, чтобы в конце концов победить египтянина.

Но пока шла заочная борьба с Носсеиром, выдвинулся еще более грозный противник — немец Иозеф Мангер. Он выиграл первое место на Берлинской олимпиаде 1936 года и установил новый рекорд в сумме троеборья — 425 килограммов. Мангер в отличие от Носсеира был атлетом силового склада: ему лучше всего удавался жим. Приземистый, он словно врастал своими кривыми ногами в помост и, не отклоняясь назад, поднимал вес за весом. Мангеру удалось выжать 144 килограмма — результат, который долго считался вершиной человеческих возможностей.

Гитлеровская пропаганда не замедлила объявить Мангера сверхчеловеком, сила которого якобы лишний раз подтверждает превосходство арийской расы. Единственным гиревиком, который мог соревноваться с Мангером, считали богатырски сложенного чеха Пшеничку, но у Мангера появился еще один серьезный соперник — советский тяжеловес Серго Амбарцумян.

В конце концов ему удалось побить Мангера — он поднял 433 килограмма.

В те годы успешно выступали и другие советские тяжеловесы: П. Петров, П. Кустодов, В. Калмахелидзе, А. Степанов, Н. Лапутин... С особенным волнением ждали мы традиционных матчей тяжеловесов — этих своеобразных смотров сильнейших людей страны. После каждой такой встречи я с приятным и одновременно тревожным чувством отмечал, что у меня появляются все новые противники.

После войны советские штангисты впервые вышли на международную арену; пришлось и мне встретиться с сильнейшими тяжеловесами мира, в частности, с негром Джоном Дэвисом. На чемпионате мира 1946 года в Париже я занял второе место, за Дэвисом, оставив на третьем ученика Носсеира египтянина Гейсса. Ему принадлежал тогда мировой рекорд в толчке, который я превысил. Выступая в парижском дворце Шайо на первенстве мира 1950 года, я также занял второе призовое место.

На крупнейших соревнованиях последних лет — XV олимпийских играх и чемпионате мира 1953 года — советские штангисты выступали без атлетов тяжелого веса. Олимпийским чемпионом стал Джон Дэвис, чемпионом мира — канадец Даг Хепбурн.

Особенно напряженной в тяжелом весе была борьба за золотую медаль в Стокгольме. До начала соревнований многие не сомневались в победе Дэвиса, одинаково хорошо выступающего во всех движениях троеборья. Он необычайно силен и в то же время быстр и гибок.

Теперь у Джона Дэвиса появился серьезный противник — 26-летний Хепбурн. Только по скупым сообщениям прессы было известно, что он 8 лет тщательно готовился к поединку с Дэвисом. Взяв на грудь 165 килограммов, а затем подняв 167,5 килограмма, канадец легко выжал штангу. При взвешивании штанги оказалось, что она тяжелее еще на килограмм. Этот результат стал абсолютным рекордом в жиме. В рывке и толчке, требующих, кроме силы, еще и резкости и быстроты, Хепбурн был значительно слабее. Низкие результаты нового чемпиона мира в темповых движениях, повидимому, объясняются тем, что у молодого атлета серьезно повреждена нога.

На третье место вслед за Хепбурном и Дэвисом выдвинулся Хумберто Сельветти, обладающий громадной физической силой (жим — 160 килограммов).

Тяжеловесам СССР предстоит борьба с этими сильнейшими атлетами мира.

На мировом первенстве 1953 года в Стокгольме. Слева направо: Д. Дэвис, Д. Хепбурн и Х. Сельветти.

Вызывает законную тревогу, что рекорды наших тяжеловесов вот уже несколько лет не обновляются. Мой всесоюзный рекорд в троеборье — 447,5 килограмма — остается неперекрытым. Только Алексею Медведеву, чемпиону страны 1953 года, недавно удалось повторить мою сумму. Медведев сейчас — безусловно сильнейший тяжеловес в Европе, но ему нужно еще много работать, чтобы добиться результатов мирового класса.

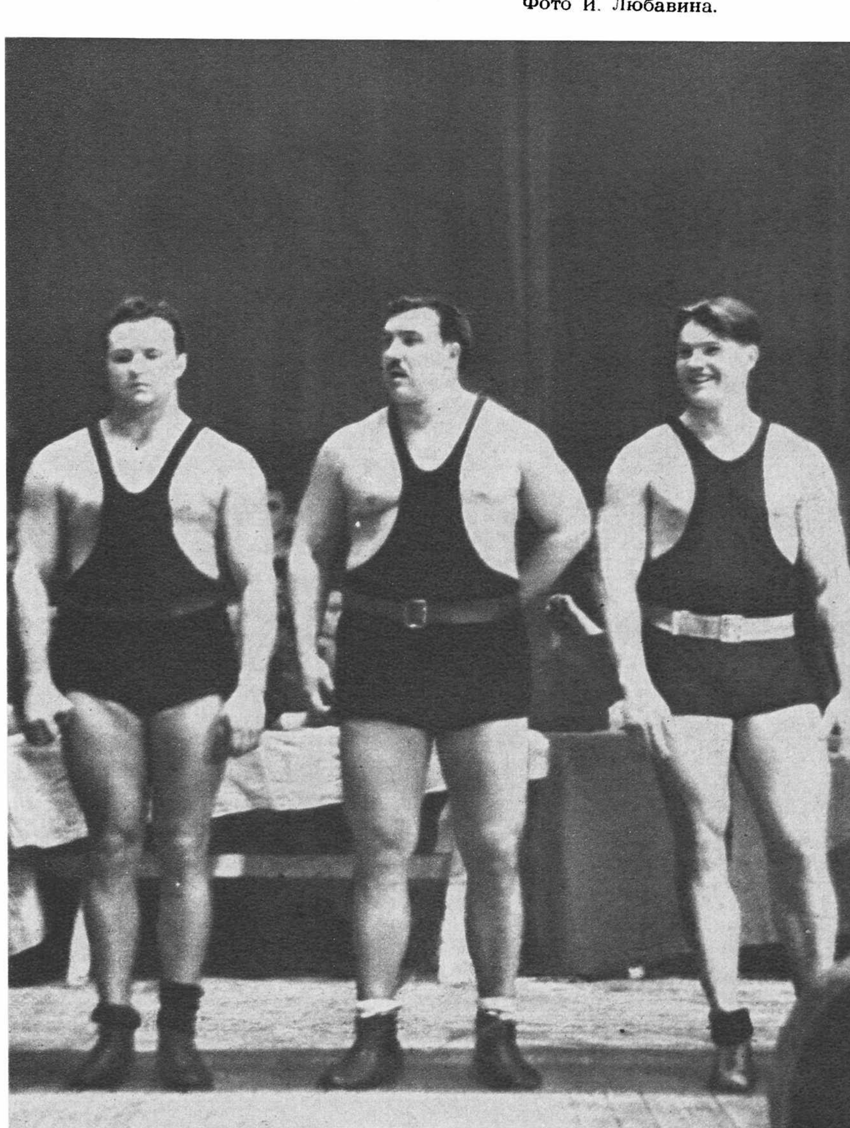
В нашей стране созданы самые благоприятные условия для развития всех и всяческих талантов, в том числе и спортивных. У нас есть много способной молодежи, нужно только неустанно искать спортсменов, которым под силу будет побеждать сильнейших. Я уверен, что где-нибудь в Сибири, на Украине, в Прибалтике или на Кавказе ждут нас чудо-богатыри. Наш долг, долг тренеров,— найти их и передать молодым тяжеловесам тот огромный опыт, который добыт советскими штангистами в многотрудной борьбе за мировое первенство. Тогда они достойно приумножат спортивную славу нашей Родины.

↓Чемпион страны в тяжелом весе Алексей Медведев.

Заслуженный мастер спорта Николай Лапутин (в центре) встретился на помосте с представителями молодого поколения тяжеловесов. Слева — Альберт Алтунин, справа — Иван Рогачев.

Фото И. Любавина.

Стиль одежды

Мы обратились к художникам-модельерам Общесоюзного Дома моделей с просьбой рассказать о том, что, по их мнению, отличает советский стиль одежды и чем должны руководствоваться женщины при выборе нового костюма. Свои соображения авторы проиллюстрировали собственными моделями.

Н. ГОЛИКОВА, Т. КУЗНЕЦОВА, Л. ЕФРЕМОВА

Рисунки Н. Голиковой.

Этот разговор мы начнем с ссылки на классиков. В романах, коротких рассказах, повестях и пьесах — везде первое, а зачастую и не только первое появление героя непременно сопровождается описанием его костюма. Писатель обычно уделяет внимание костюму с той целью, чтобы читатель яснее представил внешний облик персонажа: одежда всегда так или иначе дополняет характеристику его. Светлые кофточки молодящейся Аркадиной в «Чайке» Чехова, платья героинь романов Толстого — Катюши Масловой («Воскресение»), Наташи Ростовой («Война и мир») в различные периоды их жизни, острая характеристика туалетов уездных модниц в «Мертвых душах» Гоголя, десятки страниц описаний костюмов у Бальзака, Флобера, Мопассана...

Так в литературе. А в жизни? Вы встречаете девушку в простом, красивого покроя костюме, ее кофточка, перчатки, туфли, сумка подобраны в тон. Строгие, но элегантные линии одежды, приятная мягкость цвета тканей завершают впечатление от внешности девушки, скромной и милой. И сразу же весь ее облик располагает к себе, привлекает.

Когда же мы видим миловидную девушку, но разодетую вычурно, пестро и претенциозно, ничего, кроме иронического отношения к себе, она не вызовет. Или встречается нам на улице юноша с длинной, давно не стриженной и, судя по блеску, немытой шевелюрой, в широком, бьющем по коленям балахоне, именуемом пиджаком. Пиджак будто снят с плеч во много раз более мощного дяди. А узкие, как дудочки, круглые брючки, невероятной пестроты галстуки, глядя на которые умерла бы от зависти любая сказочная жар-птица? Этих юношей и девушек презрительно называют «стилягами». Да, все в их костюме, в их внешнем облике одностильно. Но это, конечно, ничего общего не имеет с советским стилем одежды, где все подчинено удобству, целесообразности, когда костюм красит человека, а не делает его нелепым и смешным.

Очень хочется, чтобы наши женщины были одеты в красивые платья, чтобы их одежда радовала глаз, чтобы все в ней было гармонично — фасон платья, расцветка и фактура ткани,— и все это должно сочетаться с вещами, дополняющими костюм: с обувью, сумкой, шляпой, перчатками. Одежда должна соответствовать фигуре, возрасту, лицу человека. Все это, нам кажется, отличает советский стиль одежды.

Каждая деталь одежды должна иметь смысл: пуговицы украсят женское платье только в том случае, если не будут пришиты где попало и в бессчетном количестве, а будут соответствовать своему назначению — застежки. Драпировка ткани, мягкие складки, вытачки — все должно подчеркивать и выявлять фигуру. Бессмысленное нагромождение отделки уродует платье, придает ему претенциозный и дешевый вид. Если платье с плиссировкой, в нем не нужны другие украшения, если положено кружево, то уже неуместны цветы или вышивка. если нашиты бейки, не нужны оборки. При нарядной юбке лиф, естественно, должен быть гладким. Если спереди платье задрапировано, то спинку нужно делать простую.

Женщины, которые хотят быть хорошо одетыми, должны во всех случаях помнить, что любой фасон надо выбирать применительно к фигуре, к внешности.

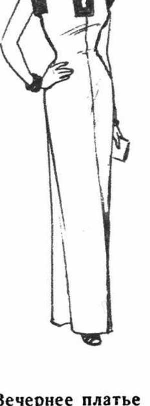
Сейчас все больше внедряется цельнокроенный рукав. Линия плеча дается мягкой и плавной; громоздкие плечи-«протезы» вышли из моды. Облегающий лиф подчеркивает талию. Платье не должно быть длиннее чем 35 сантиметров от пола. Но женщина, которая будет слепо следовать этой моде, не думая об особенностях своей фигуры, может оказаться смешной. Полным следует носить платье несколько длиннее. При широких бедрах, несмотря на моду, надо делать небольшие подплечики, чтобы фигура не была похожа на пирамиду. Если у женщины короткие ноги, ей не следует делать юбку в сборку. Худощавым женщинам юбку лучше носить расширенную, лиф — свободный. При длинной, худой шее рекомендуются закрытые воротники, а к полному круглому лицу вырез идет продолговатый. Но опять повторяем: на все случаи советы дать невозможно, да мы и не задались этой целью. Нам только хотелось лишний раз сказать о том, что при выборе нового костюма женщина должна помнить не только о достоинствах своей фигуры (этот наш совет, вероятно, излишен), но и о недостатках, или, скажем деликатнее, «индивидуальных особенностях фигуры». Первые из них следует подчеркивать, другие — маскировать.

Но мы всё говорим только о женских модах, будто мужчин среди читателей «Огонька» ме́ньше, чем женщин. Что же делать? Издавна повелось больше внимания уделять женской одежде, сохраняя в этой области «приоритет» за женщинами. Тем не менее мы уверены, что разговор и о мужском костюме состоится. А пока нам хочется попросить мужчин, чтобы они перестали появляться в женском обществе в... спальных полосатых пижамах, что становится все более распространенным не только дома, но и на курорте. Для домашней мужской одежды существует множество дешевых материалов: шелк-сырец, бумажная рогожка, утяжеленный гладкий штапель — для лета; бумажная замша, плотный трикотаж, вельветон, вельвет в рубчик — для зимы. Куртки из таких материалов, простого покроя, отделанные тесьмой или шнуром, и легкие одноцветные брюки сделают ваш облик в домашней обстановке или на курорте значительно более приятным.

Демисезонное пальто. Отделка бархатом.

Но порой и мы, женщины, грешим несоответствием костюма его назначению. У нас привились длинные халаты. Но зачем они на юге, куда человек приехал загорать, дать телу подышать воздухом? Женщины парятся в длинных халатах, ходят в них на пляж, задевая за камни и кустарник. Носят длинные халаты в поезде, подметая подолом пол и подножки вагона. Путаются в полах длинного халата на кухне, где не так уж много места и где нужна сноровка и быстрота движений. Разве не удобнее был бы во всех этих случаях короткий простой халат на пуговицах, с карманами, сшитый из штапеля или жатого ситца в полоску, в горошек или с мелким рисунком?

Вечернее платье из шерсти или тяжелого шелка. Отделано вязаным шнурком или блестящим креп-сатиновым руликом.

Соответствие вещи ее назначению — важный вопрос.

Наши фабрики выпускают множество всевозможных пестрых крепдешинов. Летом, когда горожане едут в деревню, на дачу, на южный курорт, где под лучами солнца радуют глаз все краски природы — зелень травы, яркость цветов, голубизна неба, синева моря,— многокрасочное платье вполне уместно. Но зимой, в театрах, с их строгой и торжественной архитектурой, где облицовка стен, драпировки, обивка мебели выдержаны в теплых, мягких тонах, платье из цветастой легкой ткани выглядит кричаще пестро. Одежда для театра должна быть нарядна, но проста: костюм или платье из шерсти или тяжелого шелка: тафты, креп-сатина, креп-фая, марокена или московского крепа. Отделываются платья и костюмы в таких слу-

Костюм из легкой шерсти для театра или улицы, обшит черной шелковой тесьмой.

Платье из шерсти. Отделка вязаным шнурком из черного гаруса.

Платье для дома из эпонжа. Бархатка застегивается на верхнюю пуговицу.

Платье для театра. Отделка — плиссе.

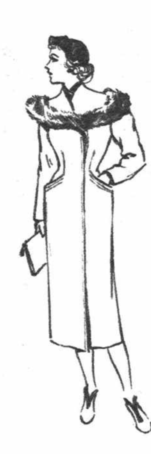
Платье для дома или пляжа. Отделка вышивкой.

Блузка и юбка для работы.

Фартук из ткани. Отделка цветным вьюнком.

Зимнее пальто, прямое.

Платье нарядное шелковое.

чаях вышивкой или шнуром, шерстяным гарусом или нитками, выдернутыми из той же ткани, бисером, стеклярусом, мехом. Мы рекомендуем совершенно гладкое платье, к которому можно надеть браслет, ожерелье или брошь. Не следует увлекаться длинными вечерними платьями. Длинное платье требует специальных туфель, сумки, прически; оно даже вашего спутника обязывает к определенному костюму.

Длинное платье рекомендуется надевать на встречу Нового года, на праздничный бал, а в остальных случаях лучше ходить в красивых, элегантных, но коротких. Нам как-то довелось в одном из больших городов наблюдать летом такую картину: в семь часов вечера, в июле, когда солнце пригревало вовсю, по улице шествовали женщины в театр — на премьеру — в длинных платьях из пан-бархата. Пот ручейками стекал по их лицам, вид был у них не нарядный, не праздничный, а скорее жалкий.

Кто же является главным виновником всего этого? Прежде всего мы, люди, которым доверили заботиться о красоте внешнего облика советского человека. Стоит посмотреть, сколько народу собирается у прилавков, где продаются выкройки платьев, какая толпа стоит у дверей Общесоюзного Дома моделей в ожидании его открытия, как внимательно всматриваются прохожие в модели, выставленные в витринах, чтобы понять, что советские женщины доверяют нам, верят в наш вкус. Оправдываем ли мы их доверие? Что красуется в витринах магазинов? Бесконечные пестрые крепдешиновые изделия: платья с длинными рукавами, надоевшие казакины, блузки с угрюмой, безвкусной вышивкой. На беду и магазины наводнены пестрыми крепдешинами, а плотный, тяжелый вискозный шелк, креп, или шерсть, или какую-нибудь другую материю приятного цвета пока найти трудно.

С еще бóльшими трудностями покупательница столкнется, когда захочет приобрести что-нибудь на отделку — тесьму или так называемый вьюнок — или потребуется ей пряжка, обыкновенная, скромная пряжка для тоненького пояска. В магазине предложат какие-то бляхи, костяные, железные или из пластмассы, с витиеватым рисунком, уместным на парковых решетках, но не на платье.

Новые огорчения ждут покупательниц при выборе сумок. Модные, приятных фасонов и цветов сумки сделаны только из хлорвинила. А если вы в состоянии потратиться на добротную кожаную сумку, то тут уж, как говорится, не взыщите: износа не будет, но зато красоты не ждите.

Галантерейщики и трикотажники, ткачи и швейники, художники, конструкторы и продавцы должны наконец объединить свои усилия, инициативу и вкусы для того, чтобы создавать по-настоящему красивые вещи. Одежда советского человека должна быть так же красива, как все, что его окружает.

Зимнее пальто. Воротник и манжеты цельнокроенные.

Платье из шерсти с шарфиком и цветком, надевается в театр. С белым отложным воротником — на работу.

Домашние куртки из полушерстяной или плотной хлопчатобумажной ткани.

Из почты «Огонька»

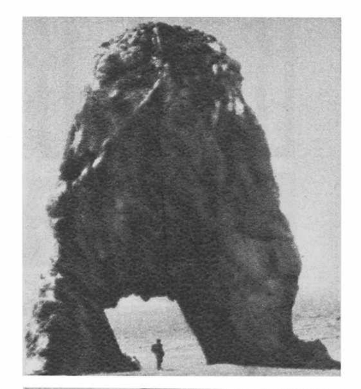
КЕКУРЫ

Берега дальневосточных морей по своей живописности не уступают прославленному в стихах и прозе Черноморскому побережью.

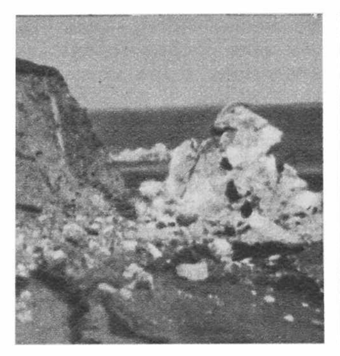
Особенно интересны отдельно стоящие в море или на берегу скалы-останцы, называемые местными жителями «кекурами». Больше всего их на побережье Шантарских островов и далеко вдающихся в море полуостровов юго-западного побережья Охотского моря.

Вот огромный, сложенный из кварцитов кекур «Шагающий Лев». Каким маленьким кажется человек, стоящий в просвете между ног гиганта!

Взгляните на «Трех Монахов», высеченных морем из крепких зеленовато-серых девонских песчаников. Средний «Монах» меньше и тщедушнее. Он спрятался за толстого брата, как бы желая сохранить свое бренное тело от свирепых морских бурь.

Изваянный неутомимым скульптором — морским прибоем — из белого мрамора стоит у холодных берегов Охотского моря задумчивый «Сфинкс». Птицы расположили на нем свои гнезда.

Кекур иногда образуется и так: вода, проникая в трещины скал, методично, день за днем, расширяет эти трещины. На фотографии видно, что перемычка между берегом и отделяющимся от него кекуром уже не велика.

Зеленые вулканические породы — порфириты,— свидетели вулканических извержений далекого силурийского периода, стойко сопротивляются прибою. Для них характерны кекуры-столбы с широким основанием-пьедесталом.

Последняя фотография снята из глубокого грота, вымытого волнами в известняках. Вдали виден темнеющий «рог» мыса Носорог.

Л. КРАСНЫЙ и Г. ГАНЕШИН

ВЫСОТНАЯ ГОСТИНИЦА

На Дорогомиловской набережной в Москве строится высотная гостиница. Как будет выглядеть она, какие удобства найдут здесь московские гости?

Заглянем немного вперед.

...Машина мчится по широкой глади набережной. По ту сторону реки стоят два высотных дома — на Смоленской площади и площади Восстания. Над рекой поднимаются корпуса МГУ, а налево от Ново-Арбатского моста взору предстает величественное здание гостиницы на Дорогомиловской набережной.

Дом расположен на большой площади, которую связывают с центром города два новых, переброшенных через Москву-реку моста: Ново-Арбатский и Краснопресненский.

Мы останавливаемся возле главного входа.

Восьмиколонный портик, отделанный светлым камнем, увенчан скульптурными фигурами рабочего и колхозницы, ученого и воина.

Стеклянные вертящиеся двери пропускают нас в центральный вестибюль. Это грандиозный зал, одно из самых великолепных помещений высотного здания. Светлая мраморная колоннада, украшенный художественной росписью купол, яркое сияние люстр — все это создает праздничное настроение. В следующем зале сосредоточена вся деловая жизнь гостиницы. Здесь столы администрации, бюро обслуживания, почта, телеграф.

За колоннадой начинается анфилада парадных помещений.

Гостиница имеет 34 этажа, ее высота до основания шпиля — 142,8 метра, а со шпилем — 200 метров. Это в два раза выше Исаакиевского собора в Ленинграде.

К боковым корпусам гостиницы примыкают два 11-этажных жилых здания на 250 квартир. Архитектурно и композиционно гостиница с жилыми корпусами составляет единое целое.

Объем всех помещений достигает 578,5 тысячи кубических метров — в три раза больше одного из самых крупных зданий Москвы — Дома Совета Министров СССР в Охотном ряду.

Главный вестибюль.

Ресторан.

На строительстве Дорогомиловской гостиницы.
Фото Ю. Пясецкого.

В гостинице тысяча номеров. По количеству номеров и занимаемой ими площади — 22 520 квадратных метров — это самая большая в Европе гостиница.

Все номера окнами выходят на улицу. Свыше четвертой части всей площади здания занимают залы, рестораны, гостиные. Тридцать два скоростных пассажирских и грузовых лифта доставляют на этажи людей и грузы. Многие помещения оснащены установками искусственного климата, все комнаты имеют специальную систему пылеудаления и вентиляции.

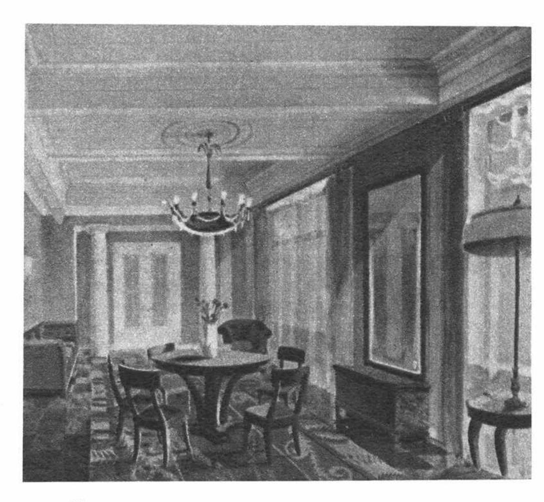
Жильцы гостиницы могут позавтракать в кафетерии и пообедать в ресторане на первом этаже, поужинать на открытой веранде, расположенной на тридцатом этаже.

Поднимаемся скоростным лифтом на тридцатый этаж, а отсюда по мраморной лестнице еще на два этажа вверх, на прогулочную площадку. Москва видна отсюда от края и до края.

Прогуливаясь по набережной перед гостиницей, мы заметили, как грузовые автомашины, идущие по Ново-Дорогомиловской улице, доходили до правого крыла высотного здания и... исчезали. Дело в том, что под домом проложена подземная улица-тоннель. Туда выходят двери различных складов и кухонь. Машины подвозят сюда продукты для ресторанов и все необходимое для гостиницы и магазинов, расположенных в первых этажах жилых корпусов.

...Так будет выглядеть новая московская гостиница, которая строится по проекту авторского коллектива — действительного члена Академии архитектуры СССР А. Г. Мордвинова и архитекторов В. К. Олторжевского, М. В. Першина и В. Г. Калиша; главный конструктор — инженер П. А. Красильников. Через некоторое время мы сумеем совершить по этой гостинице не воображаемое, а настоящее путешествие.

Н. КУЛЕШОВ

Гостиная трехкомнатного номера.

Отвечаем читателям

ДЫХАНИЕ ЦВЕТОВ

Группа читателей «Огонька»—М. Добрянский, Е. Трицкан, П. Шевага и И. Ясенчук — из Чернелицы, Станиславской области, интересуется: справедливо ли распространенное мнение о том, что если в небольшой комнате оставить на ночь много цветов в букетах, то можно задохнуться?

Редакция обратилась за разъяснениями в Институт физиологии растений имени К. А. Тимирязева Академии наук СССР. Доктор биологических наук, профессор М. Х. Чайлахян сообщил:

— Как известно, днем все зеленые растения, содержащие хлорофилл, осуществляют фотосинтез, то есть за счет лучистой солнечной энергии создают органическое вещество из углекислоты воздуха и воды. В результате воздух очищается: в нем уменьшается содержание углекислоты и повышается содержание кислорода. Одновременно все растения дышат, то есть расходуют органические вещества, поглощая кислород и выделяя углекислоту.

Другое положение создается ночью. Чрезвычайно энергично дышат цветы, особенно распускающиеся; их дыхание значительно сильнее дыхания листьев и по интенсивности приближается к дыханию человека, который за сутки выделяет углекислоты в количестве около 1,2% своего веса. Следовательно, если в темную небольшую комнату поместить много цветов в букетах, то содержание углекислоты в воздухе, которое по объему обычно равно 0,03%, значительно увеличится, и воздух «испортится». Присутствие в воздухе свыше 1% углекислоты уже начинает нарушать физиологический обмен в животном организме, а свыше 15—20% — вызывает смерть. Трудно, однако, предположить, что срезанные цветы, даже в большом количестве и в маленькой комнате, могут столь резко изменить газовый состав воздуха. Можно лишь сказать, что после сна в комнате, заставленной цветами, человек будет испытывать болезненные ощущения, связанные с недостатком кислорода.

Растения влияют на газовый состав атмосферы не только через процесс фотосинтеза и дыхания, они отдают в атмосферу и летучие органические соединения, которые мы воспринимаем как запахи. Одни из них благотворно влияют на человека, другие вредят ему. Приятные для нашего обоняния запахи различных цветущих растений или бодрящий смолистый аромат соснового леса, согласно недавним исследованиям советского ученого Н. Г. Холодного, содержат необходимые для нашего организма воздушные витамины. Как показали исследования другого советского ученого, профессора Б. П. Токина, запах таких растений, как чеснок, лук, также полезен для человека, но уже в ином смысле: эти растения выделяют фитонциды — вещества, убивающие некоторые болезнетворные микробы.

С другой стороны, летучие выделения многих растений вредны для человека, вызывают головную боль, слабость и головокружение. К таким растениям относятся содержащие эфирные масла, алкалоиды и некоторые другие органические летучие соединения, например, кориандр, мята, грецкий орех. Однако рассказы о людях, которые умерли, якобы задохнувшись от аромата цветов, больше отражают домыслы, чем реально свершившиеся факты.

Шутка

Федор КРАВЧЕНКО

Рисунки Д. Бабиченко

В Доме пионеров было вывешено объявление:

Проводится конкурс на лучшую песню. Авторам лучших текстов будут выданы премии. В конкурсе могут участвовать не только члены литературного кружка, но и другие ребята.

Жюри.

Пионер Игорь Кукушкин не был поэтом; в литературном кружке он слыл «будущим критиком», так как довольно зло и язвительно подтрунивал над школьными «рифмачами». В своем критическом рвении он не щадил и взрослых. Даже об однофамильце — известном поэте Иване Кукушкине, писавшем в изобилии стихи и «тексты песен»,— он отзывался не совсем почтительно. Слушая на литературном вечере произведения маститого поэта, Игорь спрашивал товарищей: «Хорошо это или плохо? Никак не пойму. Пока Иван Никифорович читает, кажется, что хорошо, а сам прочтешь,— пустое рифмачество...»

Узнав о конкурсе на лучшую песню, Игорь загорелся: хотелось принять в нем участие. Но, увы, писать стихи он не умел. Как же быть? Неужто он, неуемный выдумщик, участник почти всех «массовых мероприятий», на этот раз окажется не у дел?

И вот озорства ради Игорь решил послать на конкурс чужую песню. По крайней мере, он узнает, известны ли членам жюри изданные музыкальным издательством многочисленные тексты песен. Игорь перерыл все сборники, изучил многие нотные листы и, устав от такой исследовательской деятельности, призадумался. Хорошо ли испытывать подобным образом своих педагогов? Музгиз издал такое количество нот и текстов песен, что нелепо требовать от самого образованного человека знания всего этого песенного творчества. «Нет, я пошлю текст уважаемого Ивана Никифоровича,— подумал Игорь.— Во-первых, в нем все-таки больше мысли и песенности, чем у некоторых столичных поэтов, а во-вторых, я узнаю хотя бы нелицеприятный отзыв моих учителей о кукушкинской музе».

Сказано — сделано...

За подписью «И. Кукушкин» мальчик послал на конкурс текст песни «Еще раз споем». Уж очень хотелось маленькому шутнику озадачить и преподавателей и товарищей. «Они, чего доброго, подумают, что это я написал,— размышлял Игорь.— А я после им скажу: эх, не знаете вы современной поэзии! Да ведь это слова известного поэта! Стыдно не знать творчества Ивана Никифоровича!»

Павел Петрович, руководитель литературного кружка и председатель жюри конкурса, был удивлен и обрадован:

— Как это вам нравится? — сказал он своим коллегам.— Наш будущий критик тоже написал стихи. Известны случаи, когда поэт-неудачник становится злым критиком; но это случай парадоксальный: способный будущий критик обратился к стихотворной форме! Посмотрим, однако, что же он написал.

И Павел Петрович прочел вслух присланные на конкурс стихи, скромно подписанные: «И. Кукушкин».

Мы боролись не зря,
　　разгоралась заря,
И знамена вокруг полыхнули
　　огнем.
Так споемте, друзья, мы одна
　　ведь семья,
Мы еще раз споем — обо всем,
　　обо всем...

— Слабовато,— покачала головой Валерия Александровна, руководившая в Доме пионеров музыкально-вокальной студией. — И кроме того... кроме того, товарищи, нечто подобное мы уже не раз слышали...

— Бог мой! — воскликнул Павел Петрович.— Сколько подобных песен издается Музгизом и передается по радио! Разве текст нашего пионера слабее других... подобных? И надо же учесть все-таки, что это первые стихи мальчика, который, кстати сказать, и не увлекался до сих пор стихами... Полагаю...

— Дать поощрительную премию! — не выдержав, предложила директор Дома пионеров добрая Анна Трофимовна.

— Я так и думал,— улыбнулся Павел Петрович.— У нас много хороших песен, так что есть кому присудить и первую, и вторую, и третью премии... Полагаю, что Игорь вполне удовлетворится поощрительной премией. И в качестве таковой мы присудим ему новый сборник стихов и песен его почтенного однофамильца Ивана Никифоровича Кукушкина. Пусть учится малыш, как надо писать...

В решении жюри, опубликованном в местной газете, песня поэта была подписана полным именем пионера: «Игорь Кукушкин». (А то, не дай бог, кто-нибудь спутает юного автора с видным поэтом!)

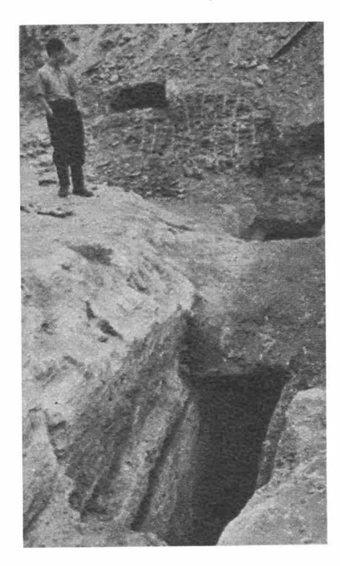
С этого и начались ошеломившие всех события. Мальчик расплакался в кабинете доброй Анны Трофимовны, признав свою вину, однако тут же заявил, что он вовсе не воровал чужие стихи, так как «И. Кукушкин» означает не Игорь, а Иван Кукушкин... Анна Трофимовна упрекнула Павла Петровича в том, что он самовольно переделал подпись и — что греха таить! — не знает произведений известного поэта...

...Взбешенный поэт ворвался в кабинет директора Дома пионеров и, заикаясь от гнева и обиды, закричал, обращаясь к собравшимся членам жюри:

— Как вы смеете? Я автор целого сборника «Стихи и песни». А вы мне... члену Союза писателей... профессионалу... поощрительную премию?!

Водопровод средневекового Баку

В Баку, на улице Г. Гаджиева, строители рыли котлован для закладки фундамента жилого дома. На глубине около четырех метров мастер А. Арутюнов обнаружил в грунте глубокую трещину. С помощью рабочих он расчистил от земли примыкавшую к трещине каменную плиту, сдвинул ее в сторону, и перед ним открылась глубокая яма. В нее бросили горящую бумагу. Оказалось, что это не яма, а канал, и притом с водой.

О своем открытии мастер сообщил в Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР. Оттуда прибыли научные сотрудники. Приподняли еще одну плиту. Измерили глубину канала. Она оказалась равной 6 метрам, а уровень воды в канале — 2,5 метра.

Рабочие сбили плот и опустили его вниз. Научный сотрудник Г. Ионе, отталкиваясь от стены и освещая путь электрическим фонарем, отправился в путешествие по подземному каналу. Уже давно была размотана бичева стометровой длины, один конец которой взял в руки Ионе, а он все не возвращался.

Через несколько часов выяснилось: плот попал в одно из боковых ответвлений канала, и археологу пришлось потратить немало усилий, чтобы выбраться из него.

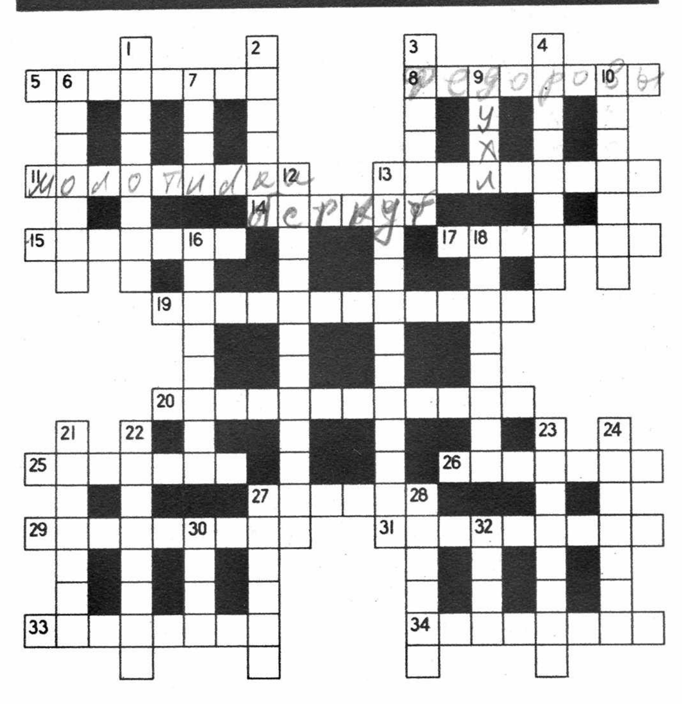
Проведенные обследования дали интересные результаты. Археологи установили, что канал был одной из главных водонесущих магистралей средневекового Баку.

Судя по археологическим данным и некоторым древним письменным источникам, канал был сооружен в XIV—XV веках. Начинается он в нагорной части города и тянется до крепости. Значит, его длина не менее километра. Это сооружение, выполненное с большим искусством, отлично сохранилось. Канал имеет систему боковых ответвлений, оканчивающихся водоносными колодцами, из которых поступает прозрачная пресная вода.

Примечательно, что вода канала, как показали анализы, и сейчас может быть использована для поливки зеленых насаждений и вполне пригодна для питья.

А. КИКНАДЗЕ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Бережливость. 8. Популярные исполнительницы русских народных песен. 11. Сельскохозяйственное орудие. 13. Испанская песня и танец. 14. Крупная хищная птица. 15. Приток Волги. 17. Измерительный прибор. 19. Степень плотности, густоты. 20. Научное учреждение. 25. Сложная машина. 26. Великий русский зодчий. 27. Сорт изюма. 29. Разряд, группа. 31. Город на юге СССР. 33. Трудящийся. 34. Размах, объем.

По вертикали:

1. Стадия шахматной игры. 2. Певчая птичка. 3. Командир. 4. Студент из пьесы А. П. Чехова. 6. Ансамбль музыкантов. 7. Часть лестницы между двумя площадками. 9. Изделие парфюмерии. 10. Французский философ и писатель XVIII века. 12. Внешнее очертание. 13. Скопление. 16. Баллада В. А. Жуковского. 18. Зародышевая часть гриба. 21. Конфета. 22. Персонаж из «Живого трупа» Л. Толстого. 23. Замерзание реки. 24. Ожерелье. 27. Небольшая рыба. 28. Матрос из пьесы К. Тренева «Любовь Яровая». 30. Зодиакальное созвездие. 32. Южное фруктовое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

4. Конституция. 7. Съезд. 8. Анива. 9. Народ. 13. Эльбрус. 14. Трактор. 15. Труба. 16. Струна. 17. «Пионер». 20. Реформа. 22. Декабрь. 27. Штрих. 28. Штольня. 29. Апорт. 30. Выкса. 33. Сонет. 34. Колхозник. 35. Отвага. 37. Латвия. 38. Вишня.

По вертикали:

1. Союз. 2. Литература. 3. Гимн. 5. Эскалатор. 6. Картофель. 9. Наст. 10. Дата. 11. Фронтон. 12. «Капитал». 18. Смотр. 19. Песня. 21. Единство. 23. Рапсодия. 24. Отдых. 25. Хлопок. 26. Орден. 31. Товар. 32. Пихта. 36. Ария. 37. Лена.

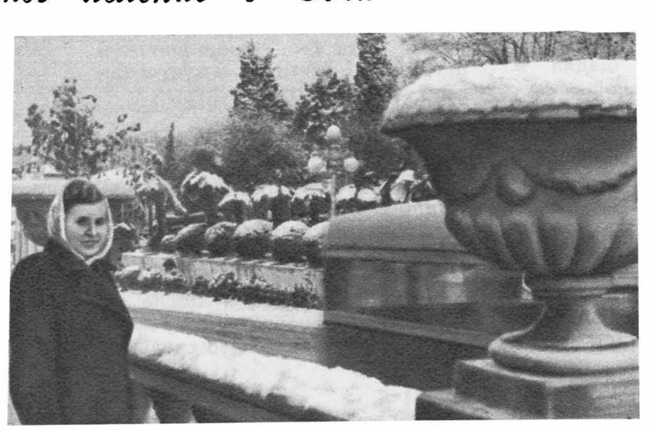
Редкое явление в Сочи

Снег в Сочи — не столь уж частое явление. И выпадает он обычно только в феврале — марте, к тому же, как правило, в ночное время.

Прошлой зимой, например, сочинцы почти не видели снега. Лишь в конце февраля и в марте два или три раза в ночь ложился снег. Утром, едва наступал рассвет, он таял.

Нынче натиск зимы оказался настолько стремительным и мощным, что его не сдержали ни высокие горы на севере, ни еще теплое море на юге города-курорта. В двадцатых числах ноября после дождя, лившего несколько суток, не переставая, на сочинское побережье обрушился сильный ветер. Затем выпал снег.

Снег в ноябре, как сообщил начальник городского метеобюро И. Парамонов, за последние 50 лет в Сочи не наблюдался. Больше того, выпавший снег, несмотря на временами проглядывавшее солнце, лежал несколько дней.

Вечнозеленые пальмы, цветущая мушмула, пышные шапки камфарного лавра, зеленые бордюры из японского бересклета и самшита, многочисленные осенние цветы, запушенные белым снегом, являли любопытное зрелище. Сотни фотолюбителей поспешили запечатлеть картины зимы, неожиданно ворвавшейся в зеленый, цветущий южный город.

Редкий гость — снег — обрадовал детей. Они с удовольствием играли в снежки, лепили снежных баб.

И. ЗАЙЦЕВ

Юмор за рубежом

АНЕКДОТЫ О Б. ШОУ

И. Голдвин, кинопромышленник из Голливуда, вел переговоры с Шоу о приобретении прав на экранизацию некоторых его пьес. Знаменитый писатель твердо настаивал на предложенных им условиях, казавшихся кинодельцу невыгодными. Голдвин в качестве последнего средства решил воззвать к чувствам Шоу-художника.

— Вы только подумайте! — сказал он с пафосом. — Ваши пьесы увидят миллионы людей, которые без кино никогда бы о них и не узнали. Какую вы окажете услугу искусству!

Шоу ответил с тонким юмором:

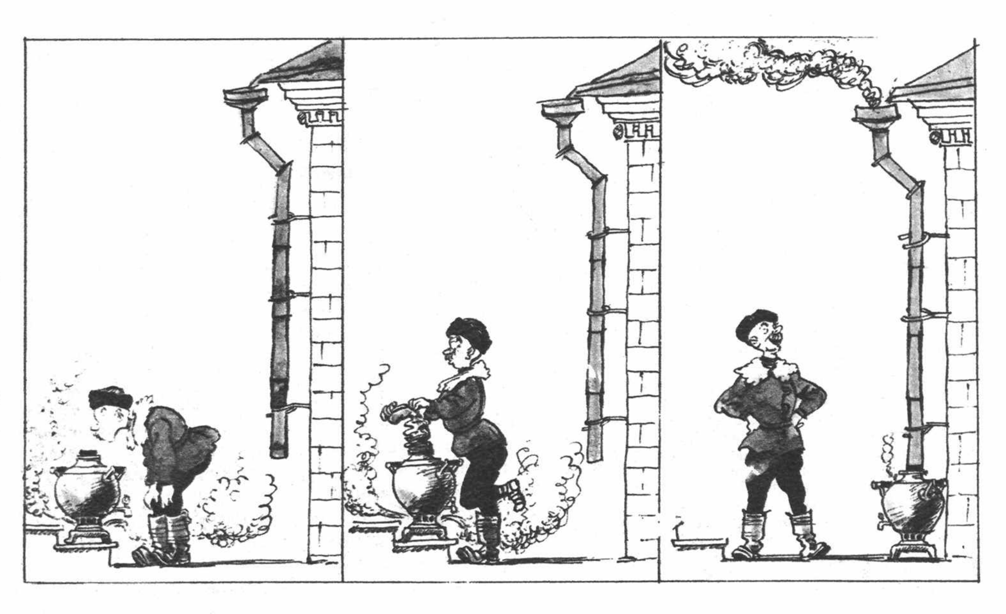
— Видите ли... вся сложность положения заключается в том, что такой человек, как вы, думает только об искусстве, а я — лишь о деньгах.

* * *

Шоу как-то получил от чванливой высокопоставленной дамы приглашение следующего содержания:

«Буду дома в четверг, от четырех до шести».

Шоу вернул пригласительную карточку, приписав внизу: «Я — тоже. Бернард Шоу».

Изошутка Ю. Черепанова.

В этом номере на вкладках: репродукции картин И. А. Владимирова «Горе», Н. Е. Сверчкова «Отъезд помещицы в город», В. К. Бялыницкого-Бирули «Вечер в тундре», М. Е. Ватутина «Воспитатель», Ф. П. Глебова «На родине Ломоносова», А. М. Ананьина «Знатный техник-оленевод Камчатки А. Р. Хутык» и две страницы рисунков Ю. Масютина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 03799. Подп. к печ. 8/XII 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 960. Заказ 3032. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Зимний день. Фото Б. Кузьмина.

Советское Шампанское

ОТЛИЧНОЕ ВИНОГРАДНОЕ ВИНО

В НЁМ ХОРОШО СОХРАНЯЕТСЯ
ВСЕ ЦЕННОЕ, ЧТО ЕСТЬ
В ЛУЧШИХ СОРТАХ ВИНОГРАДА

Цена номера 3 руб.